

**ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Информационно-аналитический бюллетень

ИНАБ

№ 1 — 2007

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ
РЕФОРМЫ ГЛАЗАМИ РОССИЯН**

Москва — 2007

УДК 316
ББК 60.5

Информационно-аналитический бюллетень
ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНАБ 1 — 2007

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ
ГЛАЗАМИ РОССИЯН** — М.: Институт социологии РАН, 2007.— 108 с.
ISBN 978-5-89697-127-6

Авторский коллектив:

Член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники М.К. Горшков (предисловие, заключение, общая редакция); Н.Е. Тихонова (разделы 1, 2, 8, 10, общая редакция); А.А. Акатнова (раздел 8); В.А. Аникин (раздел 3); С.В. Горюнова (раздел 6); Н.М. Давыдова (раздел 4); Ю.П. Лежнина (раздел 5); Ю.Р. Муратова (раздел 7); Ю.В. Овчинникова (раздел 7); В.В. Петухов (раздел 11); Е.И. Пахомова (раздел 10); Н.Н. Седова (раздел 9); А.А. Тихонов (раздел 2).

Компьютерная верстка – Р.Ю. Зенина.

© Институт социологии РАН, 2007

ISBN 978-5-89697-127-6

© Коллектив авторов, 2007

Издатель: Институт социологии Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, корп. 5
Формат 60 x88 1/8. Печать офсетная. Объем 12,4 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
1. Оптимальная модель социальной политики в представлениях россиян	6
2. Уровень жизни россиян и их «запас прочности» для самостоятельного решения своих проблем	15
3. Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике	27
4. Бедность и проблемы реформирования социальной политики	36
5. Состояние пенсионного обеспечения в свете реформ	42
6. Здоровье россиян и реформа здравоохранения	53
7. Оценка ситуации и реформ в сфере образования	64
8. Жилищная обеспеченность и жилищная политика в современной России	76
9. Оценка ситуации и реформ в сфере жилищно-коммунального хозяйства	86
10. Оценка россиянами семейной и демографической политики государства	91
11. Социальные реформы: от монетизации льгот к национальным проектам	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	104

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полемика по проблемам государственной социальной политики приобрела на рубеже веков растущую остроту как в так называемых «цивилизованных» странах, так и в России. При этом имеют место попытки принизить значение международного, и прежде всего европейского, опыта в социальной сфере. В то же время европейский опыт недвусмысленно показывает, что результативная социальная политика все более определяет темпы, характер и эффективность экономических процессов, позитивное развитие политических отношений, являясь надежным стабилизатором общественного развития, в котором остро нуждается изменяющаяся Россия.

В современной России идейное противоборство по проблемам государственной социальной политики в значительной степени отличается от европейских аналогов особенностями развития постсоветского Российского государства. Причем одна из основных особенностей государственной социальной политики в современной России заключается в явном отсутствии в ней (по крайней мере, до последнего времени) долгосрочного социального компонента. Социальная стратегия нередко заменяется социальным мифотворчеством либо примитивной фальсификацией (например, самопровозглашение себя чиновничеством, «государственными служащими», а государственных служащих по мировой классификации – «госбюджетниками»).

Отечественная бюрократия, стремясь оправдать малоэффективную модель российской социальной политики, пытается подвергнуть ревизии теорию социального государства. Ее главное устремление заключается в том, чтобы доказать нереализуемость данной теории в российской практике, для чего используется богатый набор доводов о ее неэффективности. Например, утверждается, что появление в 1993 г. в Конституции РФ 7-й статьи ни к чему не обязывает, ибо нет никаких общепризнанных отличий между социальными и иными государствами. Поскольку, дескать, любое из них проводит определенную социальную политику, этого достаточно для того, чтобы признать государство социальным.

Другая точка зрения, основанная на признании существования социального государства как особого феномена, указывает на чрезвычайную сложность разработки его теории. При этом говорится о неопределенности природы и реального содержания социального государства, условий его формирования и динамики развития, об отсутствии общепринятых представлений о его функциях, а также критериев, позволяющих отнести данное государство к социальному, о дискуссионности многих основополагающих вопросов.

Нигилистический подход к теории социального государства удобен тем, что позволяет выстраивать любые, самые экзотические схемы его эволюции, абсолютно не ориентируясь на конкретно-историческую действительность, на реальные повседневные потребности населения.

Между тем годы президентства В. Путина убедительно показали, что прогресс в России невозможен без ликвидации «рыхлости» государства в социальной сфере. Можно сказать, сегодня – это категорический императив для любых позитивных перемен в жизни страны.

Разумеется, при ответе на вечный вопрос: «Что делать?» можно давать множество частных рекомендаций, например справедливое распределение собственности и доходов, эффективное функционирование внебюджетных социальных фондов, изыскание дополнительных средств на социальные нужды и т.п. Как правило, такие рекомендации выглядят бессистемно и существует некий заколдованный круг, в котором находится российская социальная политика. С одной стороны, ее позитивное развитие невозможно без активного государственного участия, с другой – в конкретных условиях (вспомним 1990-е годы) Российское государство само стало основным разрушителем социальной сферы, вырабатывая далеко идущие планы вне целенаправленной социальной политики. Выход из данной ситуации только один: развитие глубокой социальной политики, которая привнесет в современное Российское государство социальные основы его развития, ибо только стабильное социаль-

ное государство может вывести страну на цивилизованный путь и дать гарантии на выживание нации.

Следует заметить, что представители практически всех ведущих политических партий, многочисленные эксперты довольно часто высказываются о приоритетных моделях социальной политики Российского государства, дают развернутые оценки хода реформ в социальной сфере. Но при этом ощущается явный дефицит включенности самого общества в осмысление и обсуждение тех социальных приоритетов, которые бы в полной мере соответствовали ожиданиям и потребностям различных групп населения. Весьма редко «голос масс» публично звучит и по поводу реализации социальных реформ, степени их эффективности и неэффективности. Создается такое впечатление, что эта тема дискуссии прочно приватизирована чиновничеством.

Отсюда и проистекала идея проведения широкомасштабного социологического исследования, основная цель которого – выявление общественного мнения россиян по широкому кругу вопросов социальной политики государства, выяснение того, что думают различные слои населения о начатых и намечающихся реформах в социальной сфере. Подобное исследование было осуществлено в марте—апреле 2006 г. специалистами Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ. По репрезентативной общероссийской выборке во всех территориально-экономических районах страны (согласно районированию, принятого Росстатом) было опрошено 1750 респондентов, репрезентирующих население России по полу, возрасту, типу поселения и региону проживания. Опрос проводился в 58 поселениях пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел.

Разработанная программа и инструментарий исследования позволили поставить и осветить следующие проблемы:

- Как представлена в общественном мнении россиян оптимальная модель социальной политики государства;
- Каким образом уровень и качество жизни российских граждан влияют на самостоятельное решение ими насущных социальных проблем;
- Что означает нынешний уровень бедности россиян для реформирования социальной сферы;
- Каково отношение российских граждан к системе пенсионного обеспечения;
- Как оценивается в общественном мнении ход реформ в сфере здравоохранения и образования;
- Отвечают ли жилищная политика и реформы в сфере ЖКХ потребностям населения страны;
- Как россияне оценивают семейную и демографическую политику государства;
- Каково отношение российских граждан к президентским общенациональным проектам.

1. Оптимальная модель социальной политики в представлениях россиян

В последнее время наметился отчетливый разворот государства в сторону социальной политики. Социальные проекты, выдвинутые Президентом РФ В.Путиным, предстоящие в 2008г. президентские выборы, недовольство населения сложившейся в социальной сфере ситуацией, наконец, признаваемая всеми необходимость реформировать социальную сферу и первые неудачные попытки таких реформ – все это привлекает к проблемам поиска оптимальной для России модели социальной политики повышенное внимание как общества, так и власти.

Но какое же место должна занимать социальная политика в системе приоритетов Российского государства с точки зрения населения? Что в первую очередь надо делать государству после его поворота лицом к социальной сфере? И какой вообще должна быть оптимальная для условий нашей страны модель социальной политики с точки зрения самих россиян?

Попробуем ответить на эти вопросы и начнем с вопроса о месте социальной политики в системе приоритетов Российского государства (рис. 1).

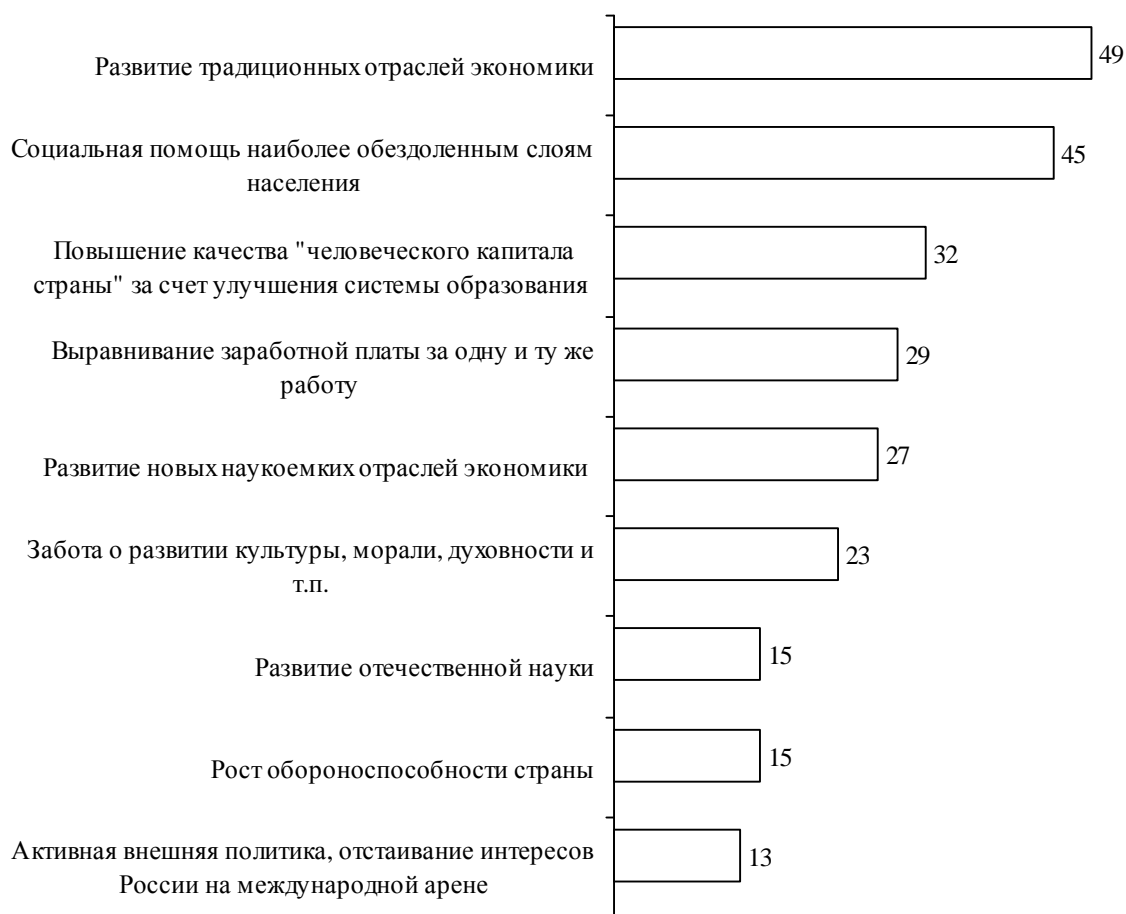

Рис. 1. Представления россиян о главных целях деятельности российского правительства, % (допускалось до трех ответов, ответы проранжированы по их распространенности)

Как видим, среди россиян в целом достаточно много сторонников включения в число основных приоритетов социальной политики. Во всяком случае, в общей сложности (с учетом тех, кто выбрал обе позиции) 64% россиян назвали две основные задачи социальной поли-

тики (инвестиционную – повышение качества человеческого капитала страны — и гуманитарную – помощь наиболее нуждающимся слоям населения) в числе приоритетных задач деятельности Российского государства. Однако 36% (!) вообще не назвали при возможности выбора трех приоритетных целей государственной политики ни одной задачи, связанной с проблематикой социальной политики. Уже сам по себе этот факт разрушает миф о россиянах как о людях, видящих мир только через призму пресловутой «социалки» и чуть ли не поголовно «зараженных» иждивенчески-патерналистскими взглядами.

При этом и с теми 64%, кто выбрал в числе приоритетов деятельности помощь обездоленным или заботу о качестве человеческого капитала страны, ситуация далеко не однозначна. Чтобы понять, чем же руководствовались наши сограждане, выбирая эти позиции, рассмотрим состав тех, кто их выбирал, более подробно.

Естественно, о необходимости включения помощи наиболее обездоленным слоям населения несколько активнее говорили представители самих этих слоев — в нижних 7% населения, выделенных по их уровню жизни, сторонники этой позиции составляли свыше 60%, следующие 70% населения разделяли эту позицию уже лишь в 48% случаев, и только в верхней четверти населения число ее сторонников резко падало – примерно до трети их представителей.

Однако не меньшее значение имела и готовность россиян к опоре на собственные силы – среди тех, кто полагал, что без поддержки государства им и их семье выжить трудно, свыше 75% включали в число приоритетов деятельности государства помощь наиболее обездоленным слоям населения, что даже больше, чем среди самых бедных слоев. При этом, судя по всему, под этими слоями населения сторонники патерналистской позиции понимали в первую очередь себя, хотя большинство из них явно не могли по уровню их жизни претендовать на адресную социальную помощь. Зато они были заметно старше – среди тех, кто был старше 50 лет, сторонники приоритетности помощи наиболее обездоленным слоям населения составляли около 54%, а среди тех, кто был моложе 50 лет, — 38%. Причем смена взглядов происходила не плавно, а именно резким скачком, и во всех возрастных когортах до 50 лет показатель стремления включить помощь наиболее обездоленным слоям населения в число государственных приоритетов был почти одинаков, как и среди тех, кто был старше 50 лет независимо от того, было ли им 53 или 83 года.

Если вспомнить ситуацию на российском рынке труда с ее отчетливо выраженной дискриминацией представителей старших возрастов (в данном случае для нас не так важны объективные основания этой дискриминации, как тот факт, что представители этой возрастной категории действительно в массе своей не могут по независящим от них причинам самостоятельно решить свои социальные проблемы), то становится ясно, во-первых, что *дело не только и даже не столько в пресловутом патернализме россиян, сколько в тех объективных возможностях (или, точнее, их отсутствии) для самостоятельных действий, которые предоставляет им сегодняшняя российская реальность.* И во-вторых, что, говоря об обездоленных, россияне говорят в основном не столько о людях с низким уровнем жизни, сколько о тех, кто не в состоянии по независящим от них причинам поддерживать привычный для них уровень жизни. При этом, конечно, речь не идет о государственной помощи людям, живущим лучше признаваемого в обществе социальным стандартом уровня, но этот стандарт – и не тот прожиточный минимум, который рассчитывает Росстат. То есть *речь не идет для них при этом о помощи самым бедным (которая может включать и алкоголиков, наркоманов, бомжей и т.п. категории населения), помощь которым действительно должна оказываться, с их точки зрения, лишь на уровне, необходимом для физиологического выживания. Говоря о помощи обездоленным как приоритетной государственной задаче, россияне имеют в виду прежде всего помощь честно старающимся улучшить свое положение, но не имеющим для этого в силу объективных причин возможностей людям. Причем помощь, которым далеко не всегда предполагает в качестве механизма та-*

кой помощи собственно денежные выплаты и подразумевает прежде всего иную, нежели существующая сегодня, расстановку приоритетов в самой социальной политике.

Более подробное обоснование и развитие этого несколько неожиданного вывода, полученного в результате анализа данных проведенного исследования, будет дано в ряде последующих разделов. Пока же зафиксируем еще раз — *группа сторонников включения в число приоритетов деятельности государства в России помощи наиболее обездоленным слоям населения объединяет прежде всего неспособную к самостоятельному решению своих социальным проблемам часть мало- и среднеобеспеченных слоев старшего возраста, неконкурентоспособных на российском рынке труда в силу различных причин (здоровье, низкий уровень квалификации и т.п.).* К сожалению, численность таких слоев в современной России весьма велика, что и приводит, видимо, к приданию их позиции статуса чуть ли не «национального менталитета».

Готовность большинства россиян не «ждать милостей от природы», а самостоятельно решать свои проблемы, если у них будут для этого необходимые возможности, станет еще очевиднее, если рассмотреть соотношение выбора тех или иных приоритетов, связанных с социальной политикой, и общей модели желаемых приоритетов российского государства (рис. 2).

Как видно из рисунка 2, та часть россиян, которая вообще не включала социальные проблемы в число приоритетов государственной политики (напомним — численно эта группа составляла 36% респондентов), особое внимание уделяла необходимости активизации государственной экономической политики, причем как в отношении традиционных отраслей экономики, так и в отношении наукоемких ее отраслей, а также активную политику на рынке труда (выравнивание заработной платы за одну и ту же работу независимо от места работы), т.е. считала приоритетным решение экономических задач, полагая, видимо, что *при эффективной экономике социальные задачи будут решены автоматически.*

Те, кто считали приоритетом инвестирование в человеческий капитал страны (численно эта группа составляла 19% респондентов), в качестве остальных приоритетов также называли, как правило, необходимость активизации государственной *экономической политики*, причем как в отношении традиционных отраслей экономики, так и в отношении наукоемких ее отраслей. В этом контексте понятно, что повышение качества человеческого капитала страны воспринималось ими прежде всего как *предпосылка нормального развития экономики на пути превращения России в конкурентоспособную на международной арене державу с современной экономикой.*

Те, кто полагали, что в число приоритетов деятельности государства входит помощь наиболее обездоленным слоям населения (численно эта группа составляла 32% респондентов), выступали также за развитие традиционных отраслей экономики и выравнивание заработной платы за одинаковую работу, т.е., фактически, *восстановление модели приоритетов деятельности, существовавших у населения по отношению к государству еще в советское время.*

Наконец, те, кто включил в число приоритетов деятельности государства обе социальные задачи (численно эта группа составляла 13% респондентов), третьим приоритетом чаще всего называли проблемы культуры и морали. Таким образом, только эта категория населения была озабочена не экономической, а *социальной и культурной политикой государства, и проблема повышения качества человеческого капитала для нее в этом контексте оказывалась не столько социально-экономической, сколько чисто социальной проблемой качества и доступности высшего образования.*

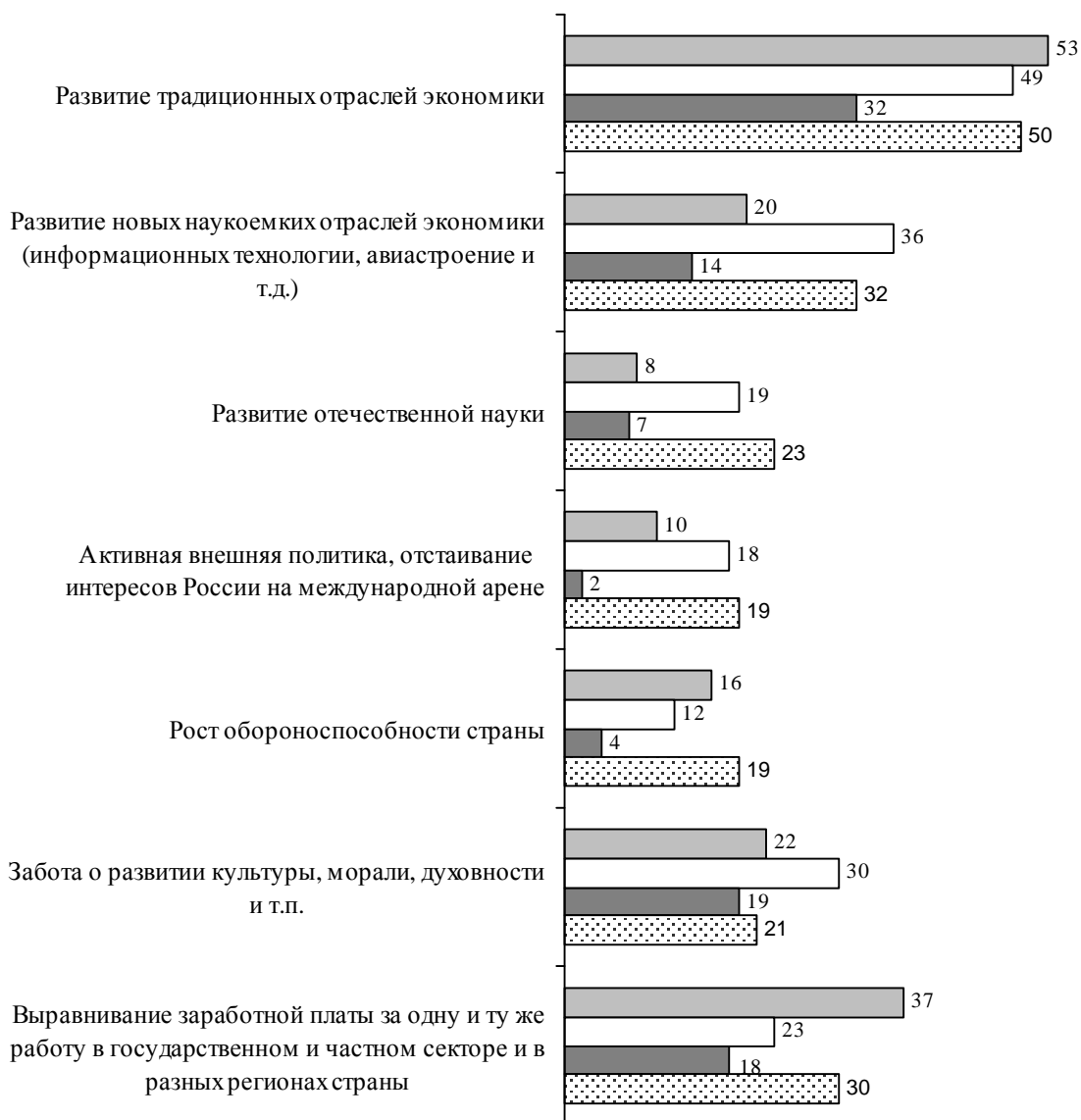
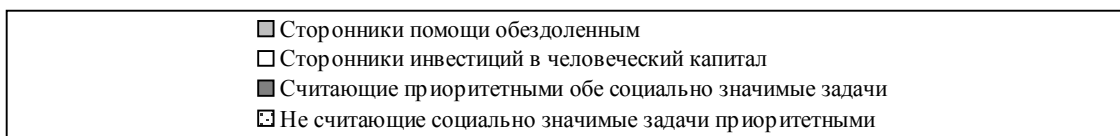

Рис. 2. Представления россиян о главных целях деятельности российского правительства, % (допускалось до трех ответов, ответы проранжированы по средним показателям по массиву в целом)

Таким образом, вопреки расхожему мнению, в основной своей массе россияне приоритеты государственной политики связывают все-таки скорее с экономикой, чем с социальной сферой. Однако это не значит, что они не возлагают на государство ответственность за решение социальных задач, напротив, именно государство в лице его федерального центра отвечает, с точки зрения россиян, за решение практически всех социальных проблем (табл. 1).

Взгляды россиян на то, кто должен нести ответственность за решение различных проблем социальной политики, %¹

Проблемы	Государство (Фед. центр)	Региональные власти	Местные власти	Сами люди	Предприниматели	Профсоюзы
1. Обеспечение рабочего места	28	20	38	9	5	1
2. Справедливая оплата труда	49	16	19	1	10	5
3. Возможность получения среднего образования	64	9	11	15	0	0
4. Возможность получения высшего образования	64	8	6	21	0	0
5. Личная безопасность	45	9	26	19	0	0
6. Медицинская помощь	68	12	18	1	0	1
7. Пенсионное обеспечение	85	6	7	1	0	1
8. Благоприятная экологическая обстановка	35	30	29	5	1	0
9. Обеспечение жильем	37	23	33	6	0	0
10. Помощь семье и детям	48	18	24	7	0	1
11. Борьба с бедностью	74	10	10	4	1	1
12. Обеспечение детскими дошкольными учреждениями	27	26	45	1	0	1
13. Справедливое распределение материальных благ	59	14	17	4	1	4

Как видно из таблицы 1, есть только две позиции, по которым доминирует убеждение, что отвечать за соответствующее направление социальной политики должны местные власти – это обеспечение рабочими местами и детскими дошкольными учреждениями. Во всем остальном россияне возлагают основную ответственность на федеральный центр, причем по ряду позиций (пенсионное обеспечение, проблема бедности, здравоохранение, образование и обеспечение социальной справедливости) ответственность на государство в лице его федерального центра возлагает большинство россиян.

При этом совершенно парадоксальным выглядит тот факт, что региональные власти, на которые федеральный центр пытается сейчас в соответствии со 122 законом перенести основную тяжесть социальной политики, для подавляющего большинства россиян выглядят вообще не вполне понятной с точки зрения их роли и ответственности инстанцией. Фактически только в области экологической политики их роль как-то легитимизирована в глазах россиян – 30% возлагают ответственность в этой сфере прежде всего на них, но федеральный центр все-таки и в этой области несет для россиян бóльшую ответственность (35%).

Какие же выводы вытекают из этого для решения вопроса о том, какая модель социальной политики является наиболее приемлемой для сегодняшней России?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, вспомним, что, как известно, в западноевропейских странах есть три основные модели социальной политики, представленные в самых различных вариациях, – либеральная (классический пример – Великобритания), континентальная (классический пример – Германия), социал-демократическая (классический пример – Швеция). Все эти

¹ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

модели относятся к разновидностям социальной политики в условиях так называемых «социальных государств», к которым, согласно ее Конституции, относится и Россия. В рамках каждой из этих моделей по-разному решается и вопрос о том, как распределяется ответственность между государством и населением, какие именно органы государственной власти выступают основным субъектом социальной политики в тех или иных ее областях, как выглядят приоритеты внутри самой социальной политики и многие другие вопросы.

Поскольку весь период экономических реформ в России реформирование социальной политики осуществлялось фактически в рамках либеральной идеологии, посмотрим сначала, насколько применима эта идеология в России, как она соотносится с российскими реалиями и с ожиданиями россиян.

Из сказанного выше понятно, что для России с ее гипертрофированной ролью государства как основного субъекта социальной политики абсолютно неприемлемы характерные для либеральной модели минимизация вмешательства государства в социальную сферу, жесткое разделение ответственности за решение различных социальных проблем между разными уровнями власти и возложение максимума ответственности за их благополучие на самих граждан.

Однако насколько легитимны при этом для россиян другие особенности этой модели, и прежде всего сведение системы социальной защиты граждан со стороны государства лишь к минимальной поддержке очень небольшой по численности и действительно живущей за чертой бедности, а не просто малоимущей, части населения, которая к тому же должна сама доказать необходимость получения ею «адресной помощи»? Частично ответ на этот вопрос уже был дан выше в связи с оценкой состава тех, кто включал в число приоритетов государственной политики помощь наиболее обездоленным слоям населения, и этот ответ был отрицательным. Однако для лучшего понимания отношения россиян к так называемой «адресной» социальной помощи важно оценить также устойчивость и динамику этого отношения (рис. 3).

Комментируя рисунок 3, особое внимание хотелось бы обратить на динамику взглядов россиян за последние 10 лет по двум позициям — на то, кто должен получать помощь, и кто ее оказывать. Как хорошо видно на рисунке, либеральная модель не просто непопулярна среди россиян — непопулярность ее быстро растет. И дело не только в очень малой доле тех, кто полагает, что люди должны сами решать свои проблемы, не надеясь на государство (5%). Даже ее смягченный вариант, предполагающий помощь только нетрудоспособным, также малопопулярен сегодня среди россиян.

Доминирующей является группа, которая выступает за универсалистскую модель, при которой государством осуществляется защита всех малоимущих. Но является ли это однозначным свидетельством легитимности в России только так называемой социал-демократической модели, где государство несет всю полноту ответственности за социальную политику в стране в целом и предполагается признание за каждым членом общества равных прав на получение от него помощи? И что стоит за требованием помощи всем малоимущим — патерналистские ожидания россиян в силу собственной беспомощности повлиять на внешние обстоятельства и самостоятельно решить свои проблемы, о которых уже говорилось выше, или их приверженность данной модели в силу неких идеологических соображений (например, советской идеологии равенства как уравнительности)?

Чтобы ответить на этот вопрос, оценим прежде всего характер динамики за последние 10 лет представлений россиян об оптимальной системе социальной защиты. Во-первых, резко (более чем вдвое) выросла доля тех, кто полагает, что государство должно защищать всех малоимущих, и теперь так полагает ровно половина всех россиян. Во-вторых, резко сократилась (в два с половиной раза) доля тех, кто полагает, что государство должно обеспечивать только нетрудоспособных. В-третьих, несмотря на все разговоры о корпоративной социальной политике, втрое сократилось число тех, кто связывает решение задач социальной политики в первую очередь с деятельностью предприятий. Однако и в этих условиях около половины россиян не являются сторонниками универсалистской поддержки всех малоимущих. Последней требуют в основном социально слабые группы — представители старших возрастов, наименее квалифицированная часть населения, жители небольших городов и

сел, где объективно меньше возможностей решить свои проблемы за счет собственных усилий.

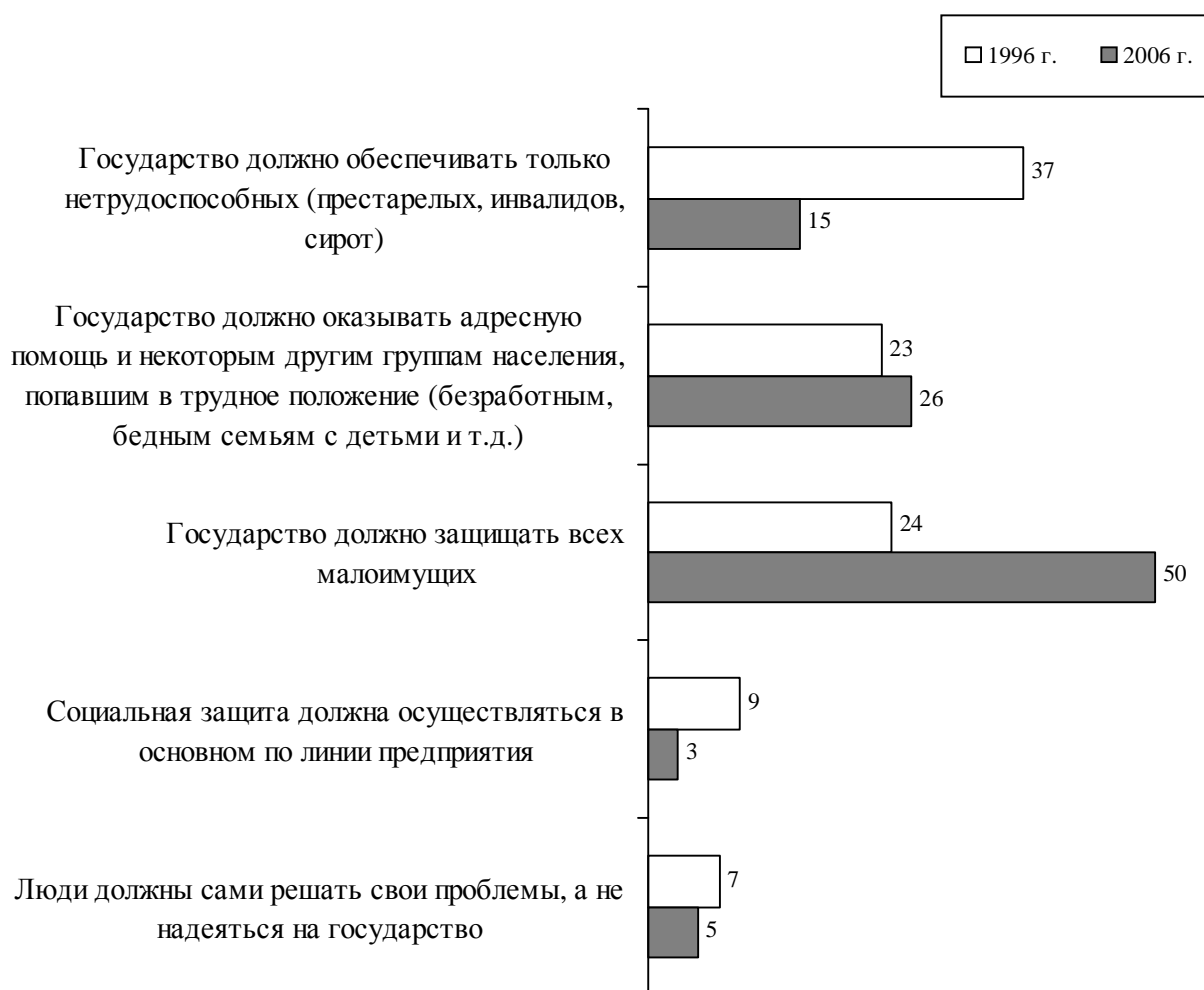

Рис. 3. Динамика взглядов россиян на то, как должна строиться система социальной защиты граждан, 1996–2006, %

О том, что «корень зла» заключается не столько в мировоззренческих особенностях россиян самих по себе или их национальном характере, сколько в печальном опыте невозможности решить в создавшихся условиях свои проблемы самостоятельно, свидетельствует и динамика представлений населения страны о том, сможет или не сможет прожить большинство россиян без постоянной заботы и опеки со стороны государства за последние 15 лет (рис. 4).

Как видно из рисунка 4, хотя 1990 г. – это еще период определенной эйфории от обретения свободы и в то же время отсутствия негативных экономических последствий реформ, до начала которых оставалось еще более года, большинство россиян уже тогда понимали невозможность самоустранения государства из социальной сферы. Опыт реформ убедил в этом население страны окончательно, не случайно лишь 12% россиян (почти вдвое меньше, чем в канун начала реформ!) считали в 2006 г., что большинство россиян смогут прожить без постоянной заботы и опеки государства.

Причем убеждение в необходимости государственной поддержки именно большинства населения, а не наиболее бедных его категорий можно скорее рассматривать как экспертную оценку, чем как проявление иждивенческих настроений. Даже среди тех, кто уверен, что смогут обеспечить себя и свою семью сами, и поэтому не нуждаются в помощи государства, выражали согласие с необходимостью заботы государства о большинстве населения

— свыше 60%, а у той части этой группы, которая имела достаточно большой жизненный опыт, поскольку перевалила за 40-летний рубеж, этот показатель достигал 68%.

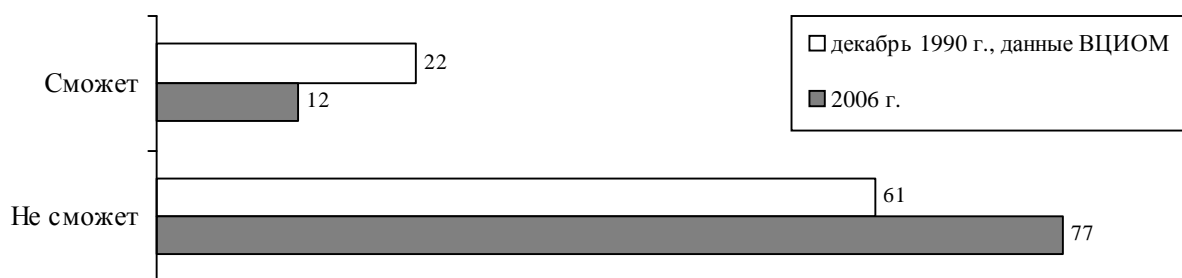

Рис. 4. Динамика взглядов населения страны на то, сможет или не сможет прожить большинство россиян без постоянной заботы и опеки со стороны государства, (1990–2006 гг.), %

Таким образом, из динамики воззрений наших сограждан в период экономических реформ однозначно следует, прежде всего, что представления россиян об оптимальной социальной политике являются не столько результатом каких-то идеологических пристрастий или переноса на сегодняшнюю действительность советского опыта, сколько результатом осмысления новых российских реалий, и прежде всего опыта самостоятельного решения своих социальных проблем в рыночных условиях. Проще сказать, резко выросшие в последние 10 лет и явно завышенные ожидания россиян по отношению к государству – закономерный результат того, что государство фактически оставило их на весь период экономических реформ наедине с их проблемами, при этом, не дав им (в силу состояния российской экономики в целом и рынка труда в частности) никаких возможностей для решения этих проблем. И хотя большинство россиян хотело бы изменения сложившейся ситуации и получения возможности самостоятельно решать свои проблемы (не случайно они говорят о развитии экономики и выравнивании ситуации на рынке труда как приоритетных задачах российского государства), но многие при этом не верят ни в быстрое изменение экономической ситуации, ни в свои силы в нынешних условиях, и возлагают соответственно ответственность за свое благополучие на государство как единственного субъекта, способного оказать им значимую помощь и поддержку (в том числе и через изменение ситуации в экономике и на рынке труда, а не только в виде социальной помощи). Таким образом, сегодняшний всплеск якобы патерналистских ожиданий – ответ россиян на многолетний уход государства из социальной сферы, а не органичное следствие их представлений о справедливости вообще и роли государства в социальной политике в частности.

Это делает более чем проблематичной применимость в России так называемой социал-демократической модели, которая предполагает абсолютную легитимность универсалистской модели социальной помощи, опирающейся на существование в обществе высокого уровня солидарности и готовности платить высокие налоги во имя реализации принципа поддержки всех в этом нуждающихся. Идея универсальной социальной поддержки в рамках этой модели является следствием определенного понимания идеи прав человека независимо от его прежних заслуг, а не результатом невозможности решить свои проблемы собственными силами большинством общества, что мы наблюдаем в сегодняшней России.

О неприменимости шведской модели в России свидетельствует не только тот факт, что даже после столь печального опыта последних 15 лет идею универсалистской социальной политики скандинавского типа поддерживает всего половина россиян, но и целый ряд других обстоятельств. Так, если проверить, является ли в глазах россиян само по себе плохое материальное положение независимо от его причины основанием для получения различных льгот и преференций, то мы убеждаемся, что доля тех, кто поддерживает такого ро-

да преференции, в любом случае не превышает половины населения. Считают, например, что бедные семьи должны иметь право на бесплатное жилье, всего 46% россиян (а остальные выделяют при этом только те категории, кто объективно не могли получить возможность накопить на жилье – многодетные семьи, сироты, инвалиды). Убеждены в необходимости льгот для детей из бедных семей при поступлении в вузы на бюджетные места всего 21% россиян (большинство же отдадут приоритет в получении такого рода льгот наиболее талантливой молодежи независимо от ее происхождения).

Кроме того, наши исследования регулярно демонстрируют, что тезис о стремлении к уравнительности как чуть ли не национальной черте характера является не более, чем мифом. Об этом же говорят и результаты настоящего исследования. Так, например, по-прежнему однозначно доминируют в сознании россиян установки на приоритетность равенства возможностей, а не равенства доходов и условий жизни. И хотя с 1995 г. число сторонников равенства возможностей заметно сократилось (с 72 до 59%), а равенства доходов, соответственно, выросло (с 24 до 41%), но все же первых и сейчас в полтора раза больше, чем вторых.

Все это говорит о том, что универалистская модель социальной поддержки даже с точки зрения ее ценностной основы мало соответствует «российской почве».

При этом в российском обществе очень низок уровень социальной солидарности. Так, лишь 49% россиян считают, что для того, чтобы добиться чего-то важного, следует действовать сообща, в то время как 51% полагают, что отстаивать свои интересы можно, только рассчитывая на собственные силы. Впрочем, в условиях, когда даже со стороны близких и коллег стабильную поддержку ощущают всего 42% россиян, такой скепсис неудивителен. Говорит о низком уровне солидарности в российском обществе и тот факт, что лишь 25% россиян готовы платить больше налогов, чтобы обеспечить бесплатную медицинскую помощь всем нуждающимся в ней гражданам России притом, что население в массе своей ощущает ухудшение ситуации в здравоохранении, и целый ряд других фактов, зафиксированных в ходе исследования.

А это значит, что идея поддержки всех малоимущих независимо от причин их тяжелого положения и сейчас не является и тем более раньше не являлась для россиян органичной. Ни о какой универалистской модели поддержки в этих условиях говорить не приходится, и речь может идти о четко выраженной модели хотя и адресной, но категориальной помощи в соответствии с приоритетами населения страны. Причем помощи, предполагающей для трудоспособного населения даже не столько «раздачу» денег, сколько создание возможностей самостоятельно решить свои проблемы в силу изменения ситуации на рынке труда, а именно за появление этой возможности и несет в первую очередь ответственность государство в глазах россиян. Прямая денежная помощь, с точки зрения большинства из них должна оказываться лишь тем, кто в силу объективных причин и, несмотря на собственные усилия улучшить свою ситуацию не способен сам решить свои проблемы. От так называемой континентальной модели эту оптимальную для россиян модель социальной политики отличает прежде всего то, что роль страхования в ней близка к нулю (даже добровольное медицинское страхование в 2005 — 2006гг. использовали только 12% россиян, не говоря о дополнительном пенсионном страховании), а также то, что корпоративная социальная политика затрагивает очень незначительное их число. Таким образом, эти отличия касаются не столько понимания россиянами объектов социальной политики и ее принципов, сколько несопоставимо большей роли государства, как фактически единственно значимого субъекта социальной политики, и механизмов ее реализации.

2. Уровень жизни россиян и их «запас прочности» для самостоятельного решения своих проблем

Посмотрим теперь, какова же доля россиян, которые должны являться объектом пристального внимания государства при реализации им своей социальной политики. Действительно ли это большинство населения? Могут ли они, и при каких именно условиях, принять на себя ответственность за решение своих социальных проблем?

Для того чтобы ответить на эти вопросы и лучше понять причины изменения представления россиян об оптимальной модели социальной политики за последние 10—15 лет, включая быстрый рост патерналистских настроений в этот период, подробнее проанализируем ситуацию с уровнем жизни населения в сегодняшней России.

Первое, к чему стоит обратиться, – это показатель дохода. Ежемесячный уровень дохода на одного члена семьи составлял в России в момент опроса, по самооценкам респондентов, в среднем 4679 руб. При этом 10% населения имели среднемесячный душевой доход ниже 2000 руб. на человека и еще около трети — от 2000 до 3000 руб. (наиболее типичного для россиян в момент опроса уровня душевых доходов). Так что если ориентироваться только на эти показатели, то ситуация по сравнению с 2005 г. выглядит значительно улучшившейся (рис. 5).

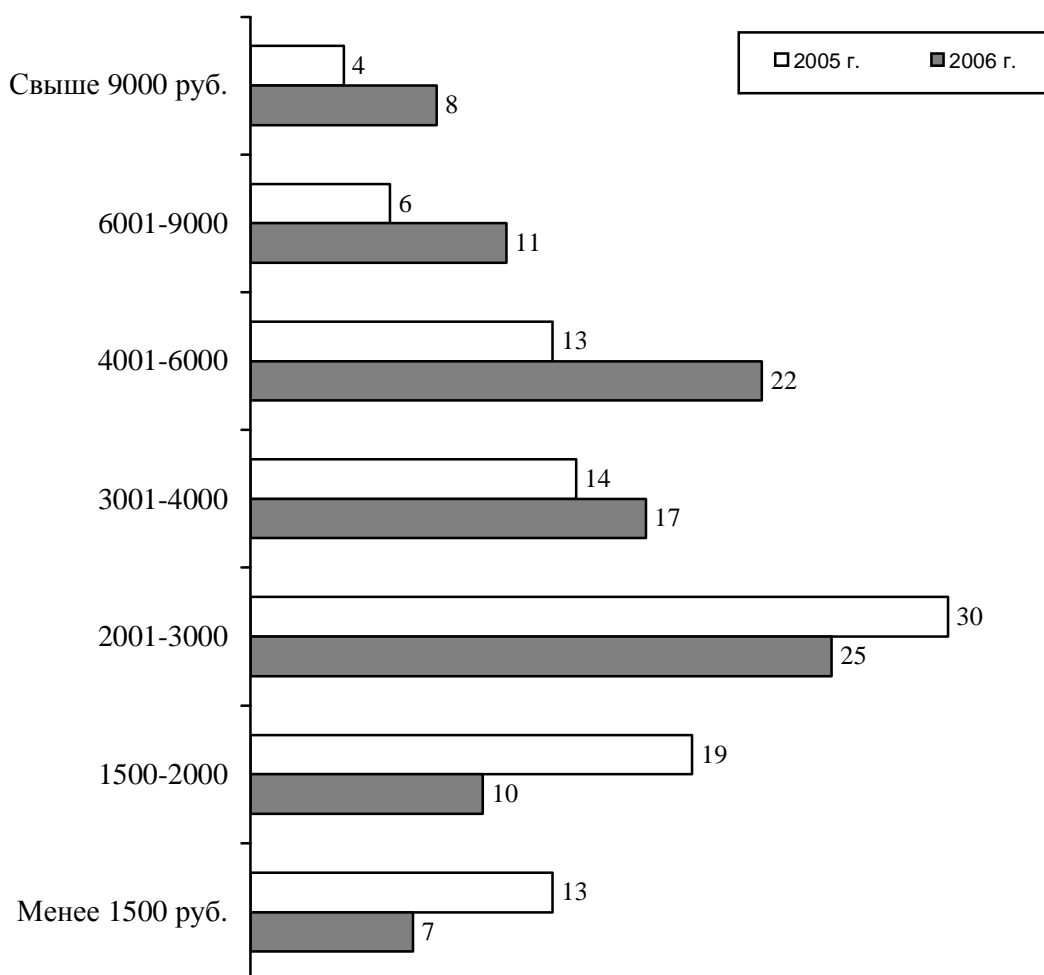

Рис. 5. Динамика среднемесячного дохода россиян в расчете на одного члена семьи в месяц в 2005–2006 гг., %

Как видно из рисунка 5, численность сравнительно высокодоходных групп (от 4000 руб.) несколько выросла и достигла в 2006 г. 45% населения, а низкодоходных (менее 3000 руб.) – сократилась. Однако при этом надо иметь в виду, что, во-первых, за этот год выросла и стоимость жизни, и в среднем по оценкам россиян, прожиточным минимумом в 2006 г. являлась сумма в 4206 руб., причем ниже этого уровня, судя по данным опроса, находились 60% россиян. Впрочем, черту бедности россияне не отождествляли с прожиточным минимумом и проводили ее в среднем на уровне 2420 руб., т.е. черта бедности составляла для россиян примерно 50—60% от прожиточного минимума. Ниже этой субъективной (в отличие от рассчитываемой Росстатом) черты бедности, судя по данным опроса, находились в начале 2006 г. 20% россиян.

Надо отметить, однако, что эта общая картина динамики доходов россиян скрывает очень серьезную региональную и поселенческую дифференциацию. Как и стоило ожидать, в мегаполисах, например, среднемесячные душевые доходы свыше 9000 руб. имели более 40% опрошенных, в то время как в селах уровень доходов даже верхних 20% находился в диапазоне от 4000 до 9000 руб.

На уровень доходов респондентов весьма значимое влияние оказывал и их возраст – судя по данным исследования, средние доходы относительно выше в наиболее молодых группах населения – до 30 лет. Во всяком случае, в этой возрастной категории свыше половины ее представителей имели доходы от 4000 руб. и выше, и лишь треть имела доходы ниже 3000 руб. Прямо обратной была картина в группе «за 60», где только каждый пятый имел доходы свыше 4000 руб. притом, что свыше 60% этой группы имели среднедушевые доходы не более 3000 руб. на человека в месяц.

Нужно учитывать, moreover, что различия в доходах определяются отнюдь не только и даже не столько тем, что россияне пожилого возраста получают меньшую заработную плату. Во-первых, среди россиян старше 50 лет многие уже пенсионеры (по возрасту или инвалидности), доход которых полностью зависит от выплачиваемых им государством пенсий и пособий. Во-вторых, при равном уровне образования работающие россияне более старших возрастов могут получать подчас даже более высокие доходы, чем молодежь. Так, среди россиян до 30 лет, имеющих высшее образование, всего 32% имели душевой доход свыше 6000 руб., а среди россиян с высшим образованием в возрасте 51–60 лет эта доля составляла 36%. Другое дело, что уровень образования у старшего поколения в целом ниже.

Среди основных источников своих дохода россияне называют в первую очередь заработную плату по основному месту работы (79%), пенсии, пособия, стипендии (48%), подсобное хозяйство (27%) – последний источник является наиболее характерным для села. Далее следуют разовые или временные приработки (27%), которые стали гораздо более распространены, чем всего год назад, когда их в качестве трех наиболее значимых для семьи источников доходов отмечали всего 14%, и совместительство (8%).

В целом надо сказать, что вопреки распространенным рассуждениям о пассивности и инертности россиян они продолжают активно использовать все доступные им способы улучшить свое положение. Для 52% из них в число трех основных источников дохода семьи помимо заработной платы и пенсии входят и источники дохода, связанные с их дополнительной активностью. И это не только подсобное хозяйство, но и уже упоминавшиеся приработки, совместительство, финансовая активность и т.д., а 11% россиян эффективно используют даже не менее двух из этих источников дохода. Причем эта активность связана не столько с реальным уровнем дохода россиян (во всех доходных группах она распространена практически одинаково), сколько с состоянием местных рынков труда — максимальная она в мегаполисах, где даже без учета подсобного хозяйства дополнительные виды доходов имеют 45% их жителей, а минимальная в малых городах и селах (30%).

До сих пор речь шла о наиболее значимых источниках доходов. Однако если посмотреть на всю палитру действий, используемых россиянами, хотя результаты их не всегда оказываются в числе трех важнейших для них источников доходов, то готовность населения

нашей страны к активным самостоятельным действиям для решения своих материальных проблем становится еще очевиднее. Другое дело – насколько эти действия экономически эффективны применительно к условиям современной России.

Как видно из рисунка 6, на протяжении всех последних лет россияне очень активно использовали самые разные возможности улучшения своего материального положения.

При этом в последние годы наметилось сокращение так называемых «кризисных» и относительно малоэффективных в экономическом смысле способов улучшения материального положения, прежде всего занятости в подсобном хозяйстве (точнее, она перестала рассматриваться частью горожан как способ улучшения своего материального положения) и разовых приработков. Однако эти способы и сегодня, как уже отмечалось выше, занимают почетное 3-е и 4-е место (сразу после заработной платы и пенсий) в списке трех основных источников доходов россиян. И хотя в этом списке они фигурируют лишь у трех из пяти, их использующих, об их значимости по сравнению с другими источниками доходов от занятости говорит то, что доходы от совместительства фигурируют в числе основных источников дохода лишь у каждого шестого из тех, кто использует совместительство у себя на работе или в другом месте. Конечно, разовые и временные приработки – это, как правило, теневые формы занятости. Но свою роль социального амортизатора они продолжают выполнять довольно успешно.

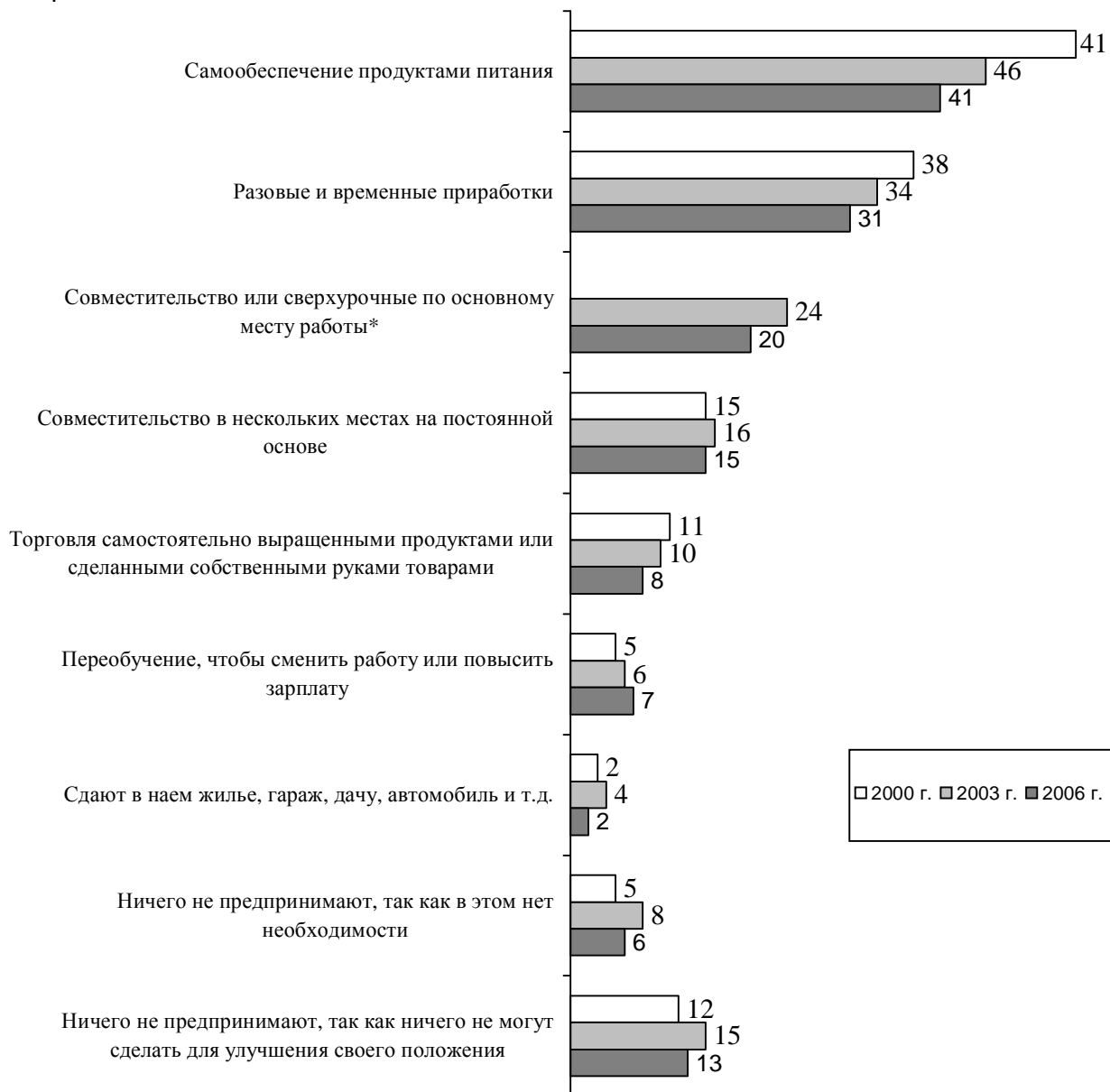
Обращают на себя внимание на рисунке 6 также достаточно устойчивые показатели тех, кто ничего не предпринимает, поскольку не ощущает в этом необходимости (5—8%), и тех, кто не способен ничего сделать для улучшения своего положения (12—15%). Учитывая, что среди представителей последней группы 77% были старше 50 лет, в том числе 51% старше 60 лет, 40% имели плохое здоровье и лишь 8% — хорошее, вряд ли можно рассматривать их позицию как иждивенческую, скорее речь и в этом случае может идти о принадлежности их к объективно слабым социальным группам.

Если от доходов россиян перейти к наличию у них недвижимости и дорогостоящего движимого имущества, которое могло бы рассматриваться как своего рода «стартовый запас», то надо отметить, что в 2006 г. три четверти россиян считали, что они имеют в собственности квартиру или дом, 28% – дачу или участок с домом, 24% — гараж, 16% — садово-огородный участок, 14% — земельный пай или землю, 3% — второе жилье, 2% — место на коллективной стоянке, 7% — скот. Учитывая особенности новой методики определения малообеспеченности, согласно которой определяется право на льготы, дотации и субсидии, и которая предусматривает отсутствие в собственности домохозяйства недвижимого имущества сверх некоего минимального установленного стандарта, это означает, что независимо от уровня их доходов три четверти россиян теряют право на признание их малообеспеченными по этой методике.

Очень существенно при этом, что основная масса формально имеющих право претендовать на льготы по малообеспеченности россиян в силу отсутствия у них значимого имущества не являются таковыми по признакам среднедушевых доходов. Более того, они вообще практически не отличаются по уровню своего благосостояния от средней по России картины, и, видимо, отсутствие у них в собственности недвижимости является скорее следствием неких психологических особенностей и пристрастий, чем материального положения как такового. Во всяком случае, ниже черты бедности по представлениям россиян, т.е. по состоянию на 2006 г. 2400 руб., доходы имели лишь 23% из них; с другой стороны, из тех, кто оказывается за чертой бедности по доходам, лишь 30% по этой методике получают право считаться малообеспеченными. А это значит, что заимствованный из практики западноевропейских стран принцип наличия недвижимости как блокирующего фактора при принятии решения о присвоении домохозяйству статуса нуждающегося идет вразрез со сложившимися российскими реалиями и может принести в условиях современной России больше вреда, чем пользы.

Особо хотелось бы сказать в связи с критикой этой методики также о соотношении доходов россиян и их реального уровня жизни. Дело в том, что в российских условиях показатели дохода всегда носят достаточно спорный характер. Региональная дифференциация

стоимости жизни, значительное занижение многими респондентами своих доходов, большой объем межсемейных трансфертов, специфика расходов домохозяйств (имеющих или не имеющих в своем составе тяжелобольных людей, маленьких детей, школьников старших классов и т.д.) и многие другие факторы приводят к тому, что реальный уровень жизни домохозяйств и их уровень доходов – явления в значительной степени разного порядка, а проще говоря – живущие в реальной бедности люди далеко не всегда имеют наименьшие доходы и наоборот.

* Данная формулировка в опросе 2000 г. отсутствовала.

Рис. 6. Динамика распространения различных способов, которые использовали россияне, чтобы изменить свое материальное положение в лучшую сторону, 2000–2006 гг., %

Понимая практическую невозможность учета этих факторов при формальной процедуре определения нуждаемости в органах социальной защиты, мы полагаем все же, что, определяя приоритеты и основные направления реформы социальной политики, надо учитывать и реальное несоответствие уровня доходов и реального уровня жизни и проводить оценку того, как скажутся те или иные мероприятия социальной политики на реально наиболее

депривированных, а не просто низкодоходных группах. Поэтому рассмотрим теперь те особенности уровня жизни, которые и заставляют россиян оценивать свое материальное положение как хорошее, удовлетворительное или плохое — имущественную обеспеченность, наличие недвижимости, которой можно пользоваться в повседневной жизни (дача, гараж и т.п.) или продать, используя как дополнительный экономический ресурс, качество жилищных условий, наличие сбережений, возможность использования платных социальных услуг, досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами и т.п. Такой подход позволяет выделить среди россиян основные слои или страты, различающиеся не просто уровнем их дохода, но уровнем и качеством их жизни в целом.

Используем для проведения такого рода анализа специальный индекс уровня жизни, разработанный учеными ИКСИ РАН еще в 2003 г.¹ и рассчитанный для состояния российского общества в 2003 г. на основании данных исследования «Богатые и бедные в современной России», для 2005 г. — на основании данных исследования «Собственность в жизни россиян: мифы и реальность» и для 2006 г. — на основании данных описываемого исследования. Как показали результаты всех этих исследований, население России четко распределится на 10 страт, уровень и качество жизни которых принципиально различны. В целом картина распределения россиян по этим стратам и динамики их численности за последние 3 года выглядит следующим образом (рис. 7):

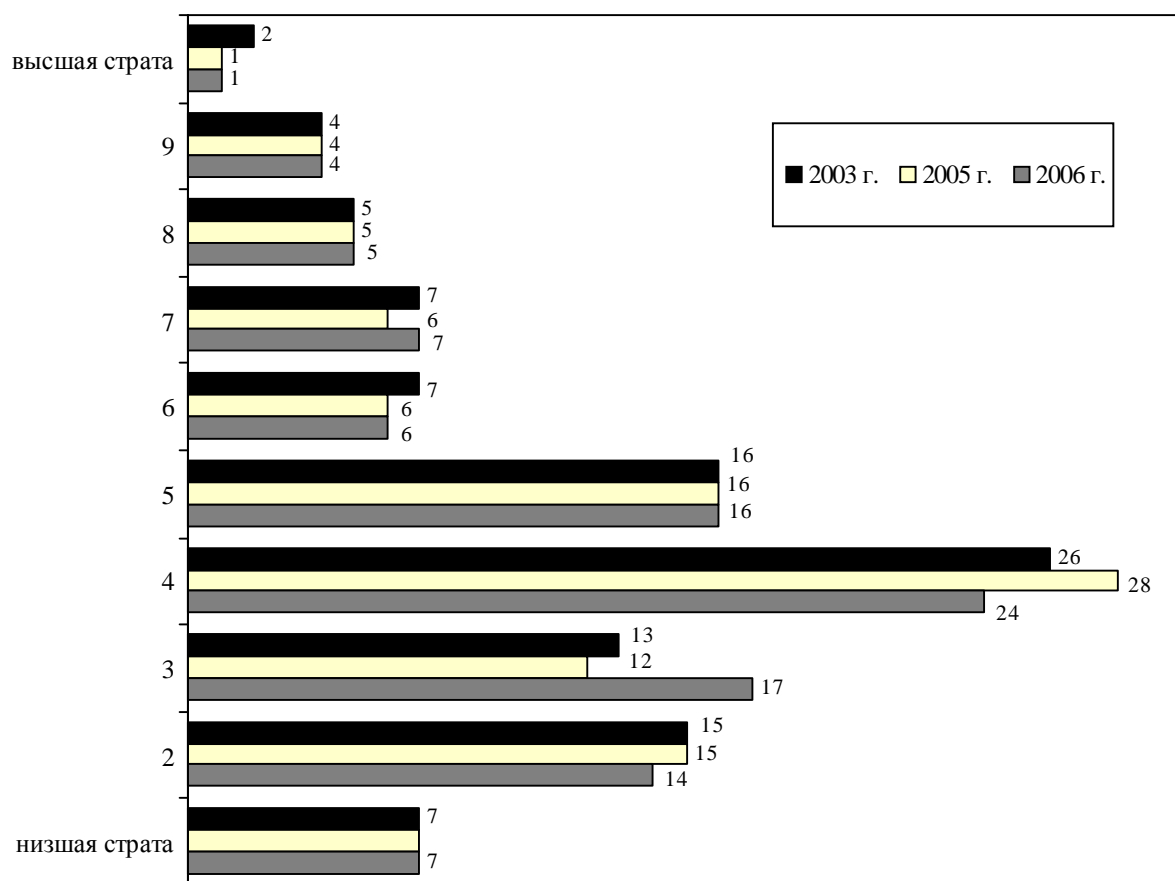

Рис. 7. Численность различных страт российского общества в 2003, 2005 и 2006 гг., %

Как видно из рисунка 7, модель стратификации российского общества по большинству страт за три года практически не изменилась. Это свидетельствует о том, что она уже сформировалась и приняла устойчивые формы. В рамках этой модели нижние две страты (1-я и 2-я) — это люди, находящиеся по их реальному уровню жизни за чертой бедности. 3-я страта носит промежуточный характер и объединяет россиян, балансирующих на грани бедности и то сползающих за эту грань, то чуть поднимающихся над ней. 4-я страта соответ-

¹ Подробное описание методики расчета этого индекса см.: Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. Индекс уровня жизни и социальная структура российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6.

вует уровню малообеспеченности, и в этом плане особую тревогу вызывает тот факт, что единственное значимое изменение в численности страт за последнее время связано со «сползанием» части представителей 4-й страты в состав 3-й страты, что является наглядным свидетельством исчерпания у части малообеспеченного населения России ресурсов для самостоятельного поддержания определенного уровня жизни. При этом в силу реформирования социальной политики по принципу усиления «адресности» именно эта страта теряет все права на получение помощи. 9–10-я страты объединяют тех, кто, с точки зрения подавляющего большинства россиян, может считаться богатым. Страты же с 5-й по 8-ю – это средние слои, благосостояние которых имеет значимые различия между собой, но которые в любом случае не являются объектом социальной помощи, хотя и выступают объектом социальной политики, например, все меры, связанные с развитием ипотеки в стране, даже в случае их максимально успешной реализации затронут только эти страты.

Таким образом, почти 40% россиян (что на 5% больше, чем в 2003 г) находятся сейчас либо за чертой бедности, либо на этой черте, и при малейшем ухудшении макроэкономической ситуации окончательно сползут за черту бедности. Именно они и должны выступать в первую очередь объектом социальной помощи, хотя помощь эта должна оказываться в различных формах (подробнее об этом будет сказано в разделе доклада, посвященном проблемам бедности).

Около четверти россиян находятся в состоянии малообеспеченности, и, хотя государство пытается полностью исключить их из сферы активной социальной политики (за исключением предоставления в рамках новых, «урезанных» госстандартов бесплатных услуг образования и здравоохранения), учитывая их реальный уровень жизни и начавшееся «сползание» представителей этой страты в категорию балансирующих на грани бедности, подобная политика представляется, по меньшей степени, недальновидной. Около трети населения может, хотя и с некоторой долей условности, считаться российским аналогом формирующегося среднего класса. И как раз по отношению к нему общая концепция реформирования социальной политики, согласно которой государство создает условия для самостоятельного решения гражданами своих социальных проблем, но снимает с себя ответственность за прямое их решение (например, развитие ипотеки вместо бесплатного предоставления жилья всем нуждающимся, развитие системы образовательных кредитов вместо развития системы бесплатных образовательных услуг и т.д.), может оказаться эффективной в случае грамотной ее реализации. И наконец, верхние пять процентов, которых россияне считают богатыми, хотя на самом деле это, скорее, верхний средний класс, уже и сегодня все свои социальные проблемы, включая жилищную, достаточно успешно решают самостоятельно.

Чтобы понять, насколько обоснована такая оценка, рассмотрим некоторые характерные особенности жизни представителей различных страт российского общества. Начнем с недвижимости. В низшей страте лишь 41% имеют жилье со всеми удобствами (водоснабжение, канализация, центральное отопление и т.д.), а у 27% (при 12% по массиву в целом) жилье не имеет вообще никаких коммунальных удобств. Впрочем, учитывая, что 48% (при 26% по массиву в целом) представителей этой страты составляют сельские жители, это не удивительно. Но это не просто сельские жители, а самое «дно» российской деревни – не случайно в этой, наиболее «сельской» страте скот имеют всего 3% при среднем показателе по массиву в 7%. А это значит, что только каждый 16-й житель села, относящийся к этой страте по своему уровню жизни, имеет скот.

Во 2-й и в 3-й страте растет доля горожан и ситуация в плане оснащенности жилищ коммунальными удобствами несколько улучшается, но ненамного – лишь 60–61% имеют жилье со всеми удобствами и 16–19% – вообще без всяких удобств. В целом же 60% проживающих в жилье без всяких коммунальных удобств (при доле среди россиян в целом в 12%) – это представители трех нижних страт. Доля селян во 2-й и в 3-й стратах тоже относительно выше, чем по массиву в целом, но и у них показатели наличия скота меньше, чем по массиву.

Неблагополучное положение характеризует и тип жилья, которое занимают представители трех нижних страт. Среди тех, кто проживает в общежитии или служебной квартире,

снимает жилье или живет в коммунальных квартирах, их представители составляют около 60% (причем доля сельчан из этой страты, проживающих в данных типах жилья, прежде всего в общежитиях, составляет около 30%, 27% имеют лишь часть дома и только около 40% имеют отдельное жилье – дом или квартиру). Таким образом, низкое качество этого жилья не позволяет рассматривать его как капитал, хотя более чем в 60% случаев занимаемое ими жилье является собственностью представителей трех нижних страт.

Кроме того, в отличие от остальных россиян большинство представителей трех нижних страт не имеют в собственности никакой недвижимости, кроме той, в которой они проживают (рис. 8). А это значит, что если выше мы говорили о том, что доходы не демонстрируют ярко выраженной связи с уровнем жилищной обеспеченности и наличием другой недвижимости, то про принадлежность к стратам, различающимся их уровнем жизни, этого сказать нельзя. Напротив, связь эта прямая и отчетливая, но нынешней социальной политикой в силу особенностей методик определения нуждаемости не учитывается.

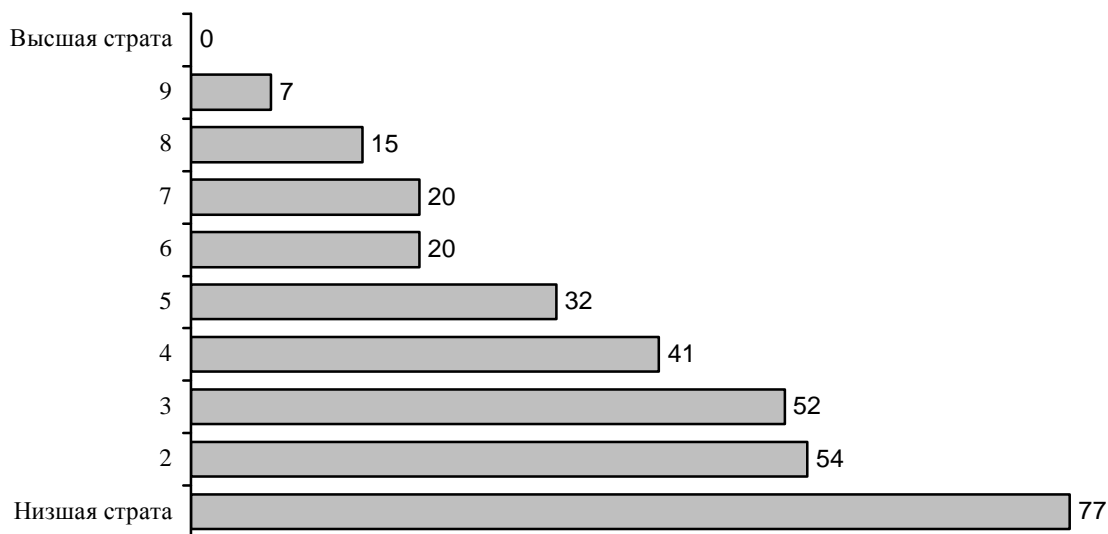

Рис. 8. Доля не имеющих в собственности какой-либо недвижимости помимо жилья, в котором они проживают, в составе различных страт, выделенных по их уровню жизни, %

Как видно на рисунке 8, на общем фоне резко выделяется низшая страта, насчитывающая 7% россиян без учета бомжей. Более половины составляют лица, не имеющие никакой недвижимости и во 2-й и в 3-й стратах, хотя значительная их часть хоть какой-нибудь недвижимостью помимо собственного жилья обычно располагает (в основном это садовый участок без дома и реже с садовым домиком). В 4-й страте происходит своего рода перелом, но наиболее благополучной оказывается ситуация в 6-й страте и выше. Мало того, что доля тех, кто не имеет никакой недвижимости помимо собственного жилья, в этих стратах резко сокращается, параллельно и резко возрастает число тех, кто имеет 2 и более вида недвижимого имущества плюс к своему жилью (от 42% в 6-й страте до 60% в 10-й). Да и само жилье в этих стратах лучше и по качеству (в среднем 85% их представителей имеют жилье со всеми удобствами и только 3—5% без всяких удобств), и по типу (не менее 97% имеют отдельное собственное жилье), и по размеру (40 и более процентов имеют на человека больше санитарной нормы в 18 м и лишь 1—2% имеют 6 и менее метров на человека). А это значит, что только в 6—10-й стратах, составляющих в общей сложности почти четверть населения России, есть некоторый ресурс в виде собственности, позволяющий рассматривать его как «запас прочности». Ресурс, позволяющий при благоприятных условиях (например, социальной, а не коммерческой ипотеке), решать социальные проблемы, требующие серьезных расходов.

В целом же анализ обеспеченности недвижимостью представителей различных страт наглядно показывает, что и в российских условиях наиболее депривированная часть насе-

ния (в отличие от просто низкодоходной) имеет гораздо худшую ситуацию, чем остальные россияне. И в этом плане ситуация не отличается от той, которая имеет место, например, в Западной Европе. Однако в силу исторических особенностей России даже в наиболее бедной стране большинство все же имеет в собственности либо жилье, пусть и некачественное, в котором проживает, или какую-либо другую недвижимость. Таким образом, для России пока еще характерен более глубокий, чем для Западной Европы, разрыв между доходной и имущественной обеспеченностью. И в этой связи переносить на российские условия западные методики определения нуждаемости не только методически неверно, но и очень вредно по своим социальным последствиям. В российских условиях их применение может означать лишь окончательный подрыв ресурсной базы представителей беднейшей части населения. Ведь никакого реального дополнительного экономического ресурса в случае продажи принадлежащей им недвижимости (например, садово-огородного участка в 3 сотки где-нибудь в райцентре), мешающей им считаться нуждающимися, большинство российских бедных не получит, а возможности самообеспечения продуктами при этом лишится.

Рассмотрим теперь следующий важнейший вопрос, связанный с «запасом прочности» россиян и особенностями его у представителей различных страт – вопрос об их финансовых ресурсах россиян. Начнем с того, есть ли вообще у россиян свободные средства и как они предпочитают распоряжаться ими в случае их наличия (рис. 9).

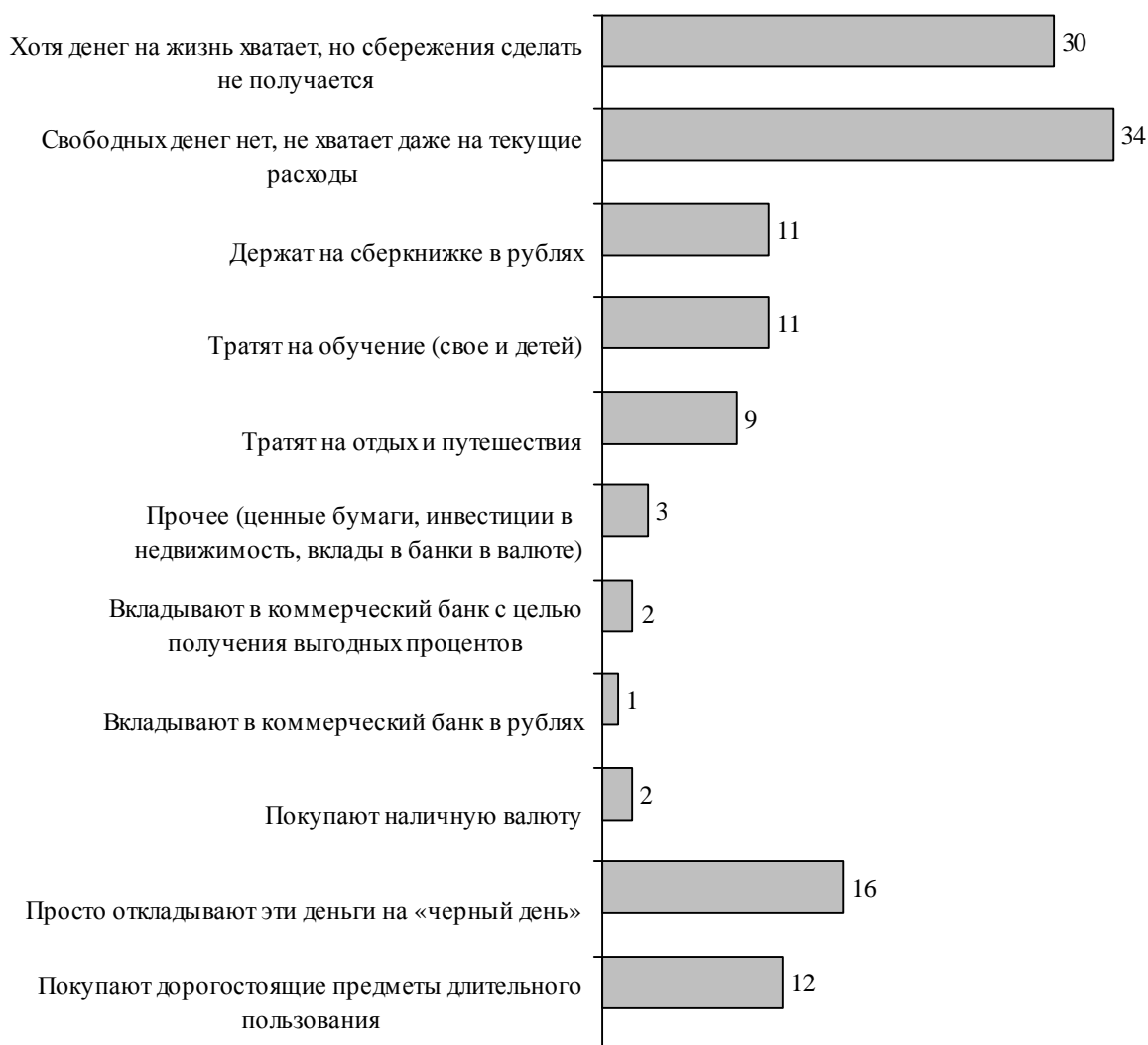

Рис. 9. Как россияне предпочитают распоряжаться свободными деньгами, % (допускалось несколько ответов)

Как видим, большинство россиян весной 2006 г. не имели свободных денежных средств. При этом приоритеты остальных выявились достаточно четко, и безусловными лидерами финансовой активности населения были неорганизованные сбережения (преимущественно в рублях), покупки товаров длительного пользования и инвестиции в человеческий капитал (расходы на образование).

Посмотрим теперь, насколько устойчивы эти приоритеты в той части, которая относится к чисто сберегательному поведению (рис. 10).

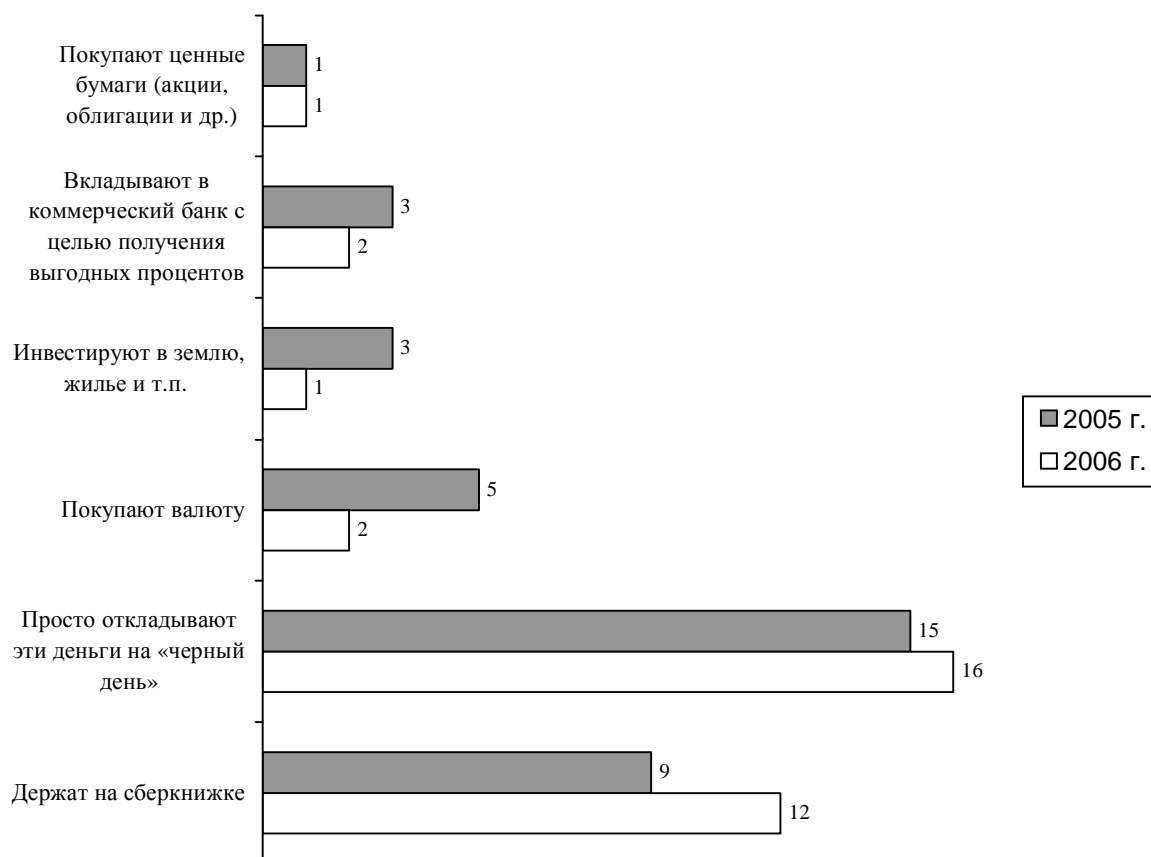

Рис. 10. Динамика основных видов сберегательной активности населения в 2005–2006 гг., %

Как видно из данных, представленных на рисунке 10, в целом модель финансовой активности населения достаточно устойчива. Рост доходов населения в той их части, которая не была направлена на текущие потребительские нужды семьи, в основном коснулся прироста вкладов в Сбербанке. Другие виды финансовой активности (прежде всего покупки наличной валюты, что, впрочем, неудивительно, учитывая четко взятый Центробанком курс на рост котировок рубля) несколько потеряли в популярности, и похоже, что проблема надежности в большей степени начинает сегодня волновать россиян, чем получение прибыли от своих сбережений. Во всяком случае, три основных вида инвестиционной активности (вклады в коммерческих банках с выгодными процентами, инвестиции в землю и недвижимость и использование возможностей фондового рынка) набрали в сумме втрое меньше приверженцев, чем всего год назад. Таким образом, часть населения под влиянием меняющихся обстоятельств начинает постепенно пересматривать свои финансовые стратегии.

Это, разумеется, касается в первую очередь той части населения, которая имеет финансовые средства сравнительно небольшого объема, поскольку люди, распоряжающиеся

сколько-нибудь крупными суммами, имеют несколько отличающиеся от остального населения модели финансовой активности (как сберегательной, так и кредитной).

Учитывая ситуацию с наличием свободных денег, рассмотрим теперь краеугольный для определения «запаса прочности» россиян вопрос – о динамике наличия у них сбережений, причем как положительных – в форме собственно сбережений, так и отрицательных – в виде долгов (рис. 11).

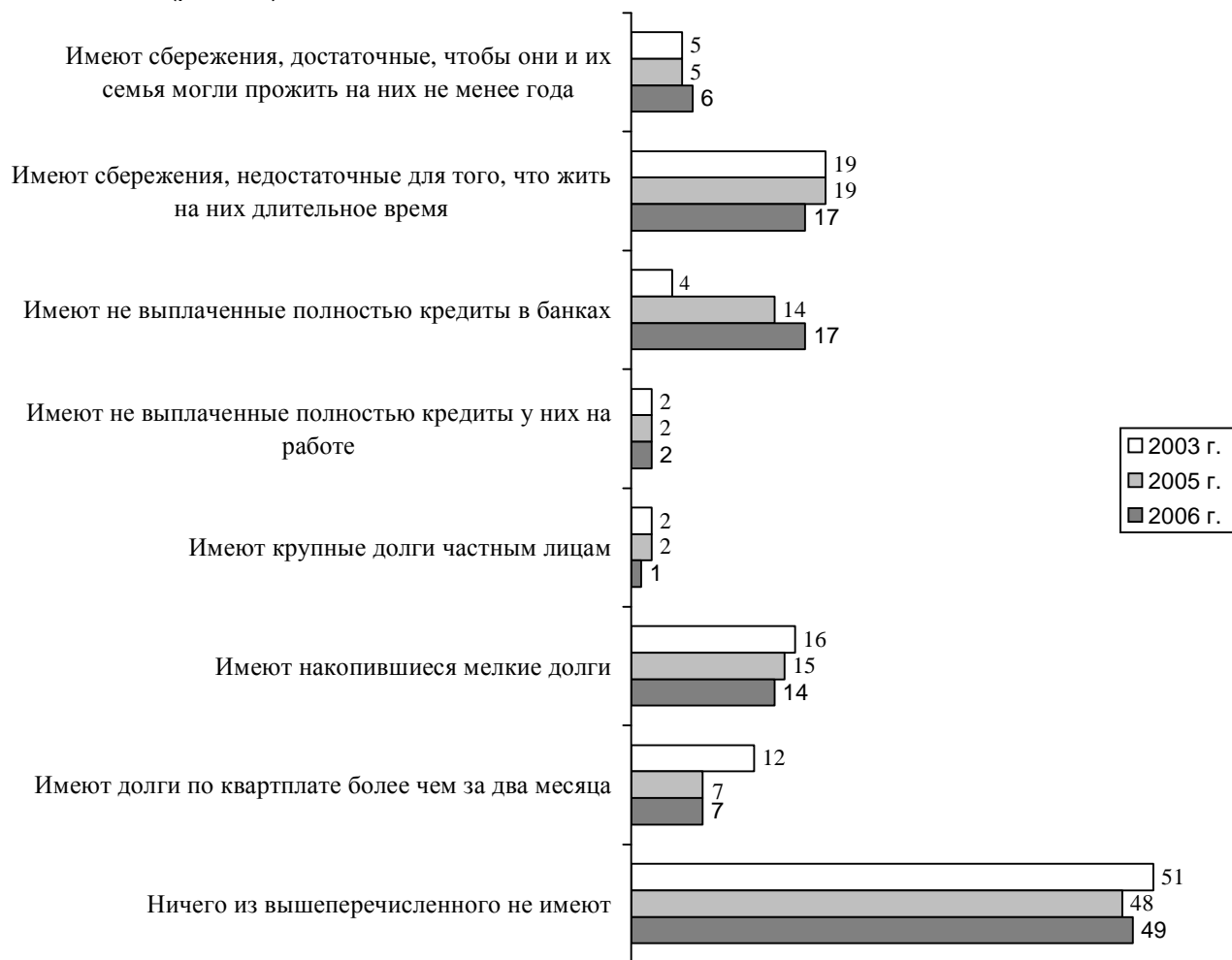

Рис. 11. Динамика положительных и отрицательных сбережений среди россиян в 2003–2006гг., %

Как видно на рисунке 11, за исключением одного параметра – не выплаченных полностью банковских кредитов, картина как положительных, так и отрицательных сбережений у россиян достаточно устойчива. При этом лишь 5–6% россиян имеют сбережения, достаточные для того, чтобы прожить на них не менее года. Еще 17–19% имеют только небольшие сбережения. Такое положение дел свидетельствует о том, что при любом серьезном потрясении не менее трех четвертей россиян могут оказаться в очень плачевном состоянии. У населения России сейчас практически нет необходимого «запаса прочности», экономических ресурсов, которые могли бы подстраховать их при неудачном стечении обстоятельств вне зависимости от того, будут ли связаны эти обстоятельства с их личными проблемами или с очередным экономическим кризисом макроэкономического характера.

Более того, если посмотреть, кому принадлежат эти сбережения, особенно позволяющие жить на них не менее года, то становится ясно, что они вообще практически не выполняют функцию страхующего ресурса, так как принадлежат тем, кто итак занимает ста-

бильное и прочное положение в обществе и в большей степени застрахован от резкого спада уровня жизни даже в случае каких-либо радикальных изменений в их судьбе. Достаточно сказать в этой связи, что сбережения, на которые можно жить не менее года, начинают встречаться лишь начиная с 5-й страты, а ощутимо представлены лишь в верхних стратах (8—10-й), где их имеют от 20 до 90% соответственно. Мелкие сбережения также, впрочем, начинают относительно массово присутствовать только с 5-й страты (рис. 12).

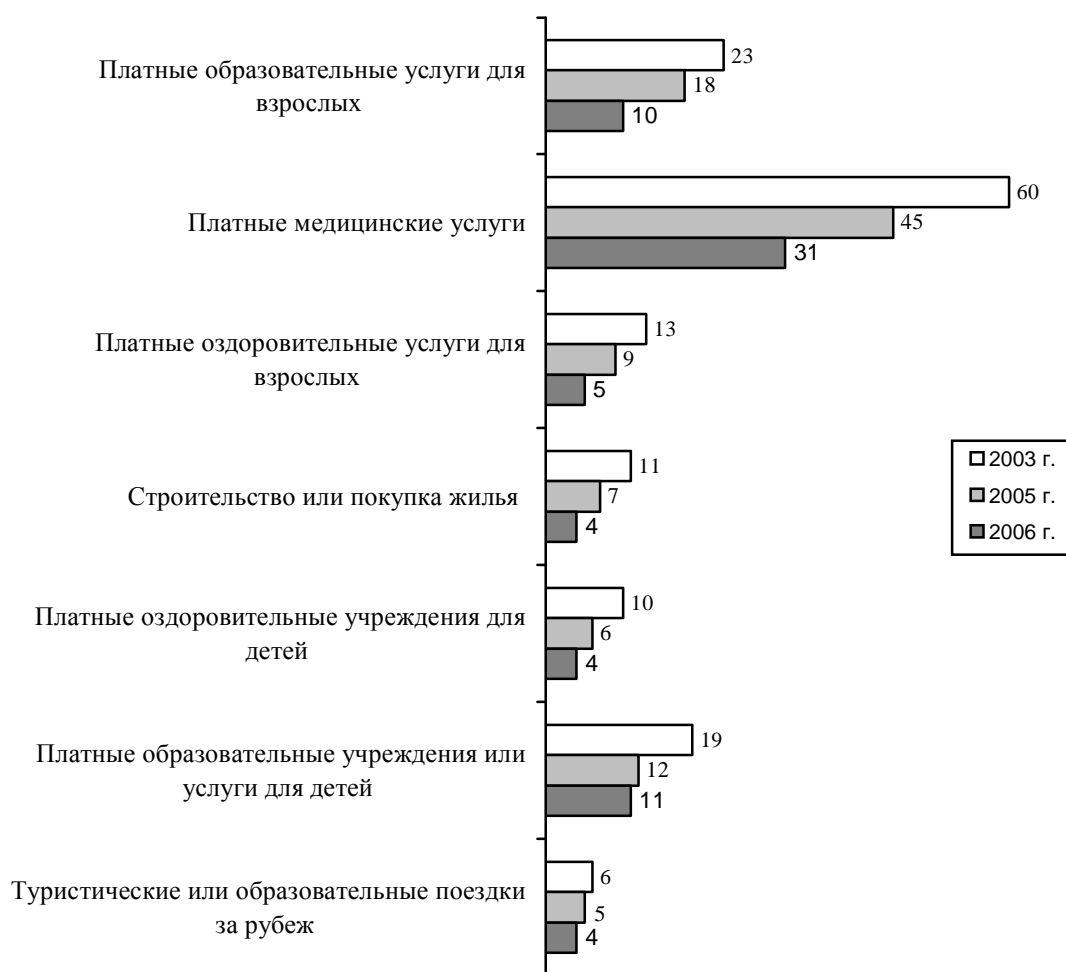

Рис. 12. Динамика некоторых видов расходов россиян в 2003-2006 гг., %

Что же касается низших страт, то любое финансовое поведение у них практически отсутствует – сбережения им делать не на что, а в долг, видимо, уже никто не дает. Во всяком случае, в двух нижних стратах три четверти не имели в 2006 г. ни долгов, ни сбережений, а остальные почти поголовно имели долги. В 3-й страте сбережения и долги отсутствовали почти у двух третей, четверть имела только долги, а остальные – в основном мелкие сбережения. В 4-й страте сбережения присутствовали уже у 15%, долги – у 30%, но более половины ее представителей не имели ни положительных, ни отрицательных сбережений. Еще раз в этой связи обратим внимание на отсутствие всякого «запаса прочности» у этой страты, которая полностью выпадает из программ помощи при реформировании социальной политики, но, одновременно не может самостоятельно решать свои проблемы из-за ситуации на местных рынках труда и нищенской заработной платы. Реально же активное финансовое поведение начиналось только с 5-й страты, где 27% имели сбережения, 4% — сбережения и долги, 37% — только долги и 32% — не имели ни долгов, ни сбережений.

Как видим, отсутствие у россиян «запаса прочности» подтверждается не только тем, что основная часть населения не имеет сбережений, но и тем, что вплоть до 9-й страты россияне в достаточно массовом масштабе (от 20 до 37% в различных стратах) имеют задол-

женности различного характера и объема (доля населения, имеющего те или иные виды долговых обязательств, составляет, по результатам исследования 2006 г., 31% всех опрошенных и практически равна ситуации в 2005 г., когда она составляла 32%). Таким образом, у подавляющего большинства населения не только нет страхового ресурса в виде сбережений, но их ситуация еще дополнительно отягощается уже имеющимися у них долгами.

На первый взгляд при этом представляется странным наличие одновременно и долгов, и сбережений у довольно значительной доли россиян. Однако большую часть этих долгов (62%) составляют долги, связанные с потребительским кредитованием, развитие которого сыграло очень негативную роль в контексте проблематики социальной политики вообще и социальных реформ в частности. Дело в том, что в российских условиях потребительское кредитование выступает не столько способом рационализации экономического поведения, сколько возможностью купить в принципе недоступную без него вещь, не слишком задумываясь о том, какой ценой придется отдавать взятый кредит. То есть в современных российских условиях потребительское кредитование явно выступает для большинства населения в роли волшебной палочки, обеспечивающей выполнение казавшихся ранее невыполнимыми пожеланий.

В этой связи важно понять, как под воздействием новых открывающихся возможностей, предоставляемых финансово-кредитными учреждениями, видоизменялась структура потребительских расходов россиян в целом и удовлетворения значимых социальных потребностей в частности.

Как видим, бурное развитие потребительского кредитования¹ привело в силу необходимости выплачивать взятые кредиты к серьезным деформациям в и без того далекой от экономической рациональности структуры удовлетворения россиянами своих значимых социальных потребностей. Таким образом, относительное улучшение положения части россиян в последние годы, проявляющееся в росте их имущественного потенциала, привело к тому, что качество их жизни при этом, наоборот, ухудшилось. Это, разумеется, не означает, что развитие потребительского кредитования «плохо» или «нецелесообразно». Однако развитие форм потребительского кредитования, предполагающих возможность покупки в кредит приглянувшегося телевизора или мобильного телефона прямо в магазине, рядом с полкой, где стоит понравившаяся вещь, должно, по крайней мере, сопровождаться развитием аналогичных (в смысле доступности и простоты оформления) форм кредитования на образовательные, медицинские, рекреационные цели. Когда же потребительское кредитование развивается однобоко и простота получения кредита на покупку товаров сопровождается сбором кучи справок, подписями поручителей и т. д. для получения образовательного кредита или кредита на медицинскую помощь, то результатом оказывается не рост благосостояния населения, а деформация структуры его потребления. Деформация, очень опасная по своим социальным последствиям, так как она сразу «бьет» по качеству человеческого капитала страны.

Впрочем, данные 2006 г. демонстрируют своего рода отрезвление, которое наступает у россиян по поводу потребительского кредитования и спад интереса к нему. Так, если в 2005 г. собирались взять потребительский кредит 21%, то в 2006 г. потребительский кредит планировали взять уже всего 6% опрошенных. При этом собирались взять кредит на социальные цели в 2006 г. уже 5% (вместо 3% в 2005 г.), в том числе ипотечный – 2%. Таким образом, при понижающемся показателе стремления получить кредит для покупки предметов длительного пользования в самое последнее время наблюдается рост интереса к кредитованию на социальные нужды, но в любом случае речь идет о считанных процентах населения, и эта тенденция заведомо не может стать в ближайшем будущем основой нового типа социальной политики, при которой, пользуясь рыночными инструментами, большинство населения самостоятельно решает возникающие у них социальные проблемы. Учитывая же

¹ Доля тех, кто в течение последних трех лет перед опросом 2006 г. брал кредиты на покупку товаров длительного пользования в банках, составляла 25% всех россиян. Кредиты же, взятые на решение социальных проблем, составили около 3%, в том числе ипотечный кредит – 1%, кредит на решение проблем, связанных со здоровьем, – 2%, образовательный кредит – менее 1%.

приводившиеся выше данные о «запасе прочности» россиян (как в смысле имеющейся собственности, так и в форме свободных денежных средств), а также их отношение к различным видам кредитования, понятно, что рассчитывать на массовую готовность россиян в ближайшем будущем принять на себя полную ответственность за решение своих социальных проблем в принципе невозможно.

Но, может быть, настороженное отношение россиян к социальному кредитованию и отсутствие у них свободных денежных средств, которые можно было бы направить на решение своих социальных проблем, связано не только с объективной невозможностью для большинства из них «выкроить» соответствующие средства, но и с отсутствием навыков рационального распоряжения имеющимися средствами или неумением правильно выстраивать системы приоритетов своих расходов? Не сбрасывая со счетов полностью эти соображения (поскольку и то, и другое, безусловно, также имеет место), рискуем утверждать, что главное в отсутствии у них финансовых средств для перехода к последовательно рыночным отношениям в сфере социальных услуг при минимизации государственной помощи в этой области все же не в этом. И об этом еще раз свидетельствуют данные проведенного исследования.

Достаточно сказать, что 62% россиян, которые нуждались в медицинской помощи, не смогли получить ее из-за нехватки денежных средств. 41% не представляли, где взяли бы деньги на необходимую платную операцию (и только 14% обошлись бы при этом своими силами). Только 16% россиян оценивали весной 2006 г. как хорошее возможность приобретения необходимой им одежды и 25% считали, что их питание может оцениваться как хорошее. 24% россиян за последние 7 лет не смогли купить в дом ни одного (!) предмета длительного пользования, и еще около 10% приобрели за это время всего 1 предмет.

Таким образом, так называемые «патерналистские ожидания» у большинства россиян являются отнюдь не столько следствием иждивенческих настроений, сколько их единственной надеждой на получение помощи при неспособности самостоятельно решить свои проблемы. Не случайно большинство так называемых «патерналистов» в сегодняшней России — это люди, которые на собственном примере убеждаются, что решить свои проблемы столь же успешно, как это делает большинство окружающих, они не способны, даже когда речь идет о таких базовых потребностях, как получение медицинской помощи. Учитывая, что 33% из них не работают, в том числе 30% — это неработающие пенсионеры по возрасту и по инвалидности и 3% — неработающие по другим причинам, и еще 29% — это работающие представители тех, кому «за 50», и о положении которых на российском рынке труда уже упоминалось выше, объективная основа их патерналистских ожиданий абсолютно понятна. Для сравнения отметим, что соответствующие показатели для сторонников опоры на собственные силы — 13% (12% + 1%) и 17%.

3. Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике

В последнее время отмечается рост российской экономики и увеличение доходов российских граждан, на основании чего часто делаются выводы относительно улучшения социально-экономического положения в стране. Однако при более детальном изучении российского социума оказывается, что положение дел в социальной сфере не так однозначно, как кажется, а порой и просто тяжелое. Об этом объективно свидетельствуют социально-психологическое состояние россиян, характер проблем, с которыми сталкиваются наши граждане, а также специфика их переживаний и страхов.

Согласно проведенному исследованию, больше 80% россиян за последний год не раз испытывали чувство собственной беспомощности повлиять на происходящее (табл. 2). 90% россиян не раз сталкивались с несправедливостью, при этом 77% считали, что дальше так жить нельзя.

В какой степени за последний год россияне переживали различные чувства, %¹

<i>Чувства</i>	<i>Часто</i>	<i>Иногда</i>	<i>Практически никогда</i>
Испытывали страх перед будущим из-за ситуации на работе	20	44	32
Чувствовали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг	33	49	17
Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг	44	46	9
Чувствовали, что дальше так жить нельзя	30	47	22
Чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится	42	46	11

Распространенность одних чувств (например, ощущение того, что дальше так жить нельзя) за последние десять лет заметно сократилась; других (страхи из-за ситуации на работе) – незначительно колебалась; наконец, третьих – ощущение надежной поддержки близких и коллег – заметно возросла.

Интересна динамика изменения психологического состояния россиян (рис. 13). Из рисунка 13 видно, что чувство надежной поддержки близких и коллег и уверенности, что они придут на помощь, если понадобится, сначала росло (с 1995 г. – на 16%). К 2006 г. наблюдается уменьшение доли людей, которые часто испытывают чувства надежной поддержки близких и коллег, на 5%. Намечившееся снижение данного показателя, при неизменной доле затруднившихся ответить, говорит о том, что увеличивается число людей, которые чувствуют все больше неопределенности относительно возможности воспользоваться ресурсами своего окружения.

Нарастание подобной неопределенности свидетельствует о том, что россиянам будет все сложнее полагаться на собственные силы, особенно если учесть исключительную важность личного окружения в жизни российских граждан и развитую практику межсемейных трансфертов. Поскольку адресная социальная помощь требует от большинства населения самостоятельного решения своих жизненных проблем, то в случае сохранения этой отрицательной динамики сама возможность такой политики будет зависеть от того, какая доля населения сможет решить свои проблемы собственными силами.

С точки зрения понимания наличия у россиян необходимых для этого ресурсов, надо прежде всего рассмотреть ситуацию у них на работе – ведь именно заработная плата для большинства россиян является основным источником дохода. Пока же более 16% работающего населения часто испытывает страх перед будущим из-за ситуации у себя на работе, и еще 39% испытывают подобный страх иногда.

Важно отметить, что абсолютно все россияне, которые часто испытывают страх перед будущим из-за ситуации у себя на работе, нередко переживают и другие деструктивные чувства – собственную беспомощность повлиять на происходящее, несправедливость всего происходящего вокруг, а также чувство, что дальше так жить нельзя. Получается, что дело не только в том, что россияне, живущие с чувством страха из-за ситуации на работе, боятся просто потерять работу, а в том, что даже при наличии работы данная часть россиян относится к наименее благополучным слоям населения. Не случайно почти 60% тех россиян, кто

¹ В таблице не указаны затруднившиеся ответить. Цифры приведены с учетом пенсионеров.

в 2006 г. часто испытывал чувство страха перед будущим из-за ситуации на работе, отмечали проблему плохого материального положения в числе своих основных проблем.

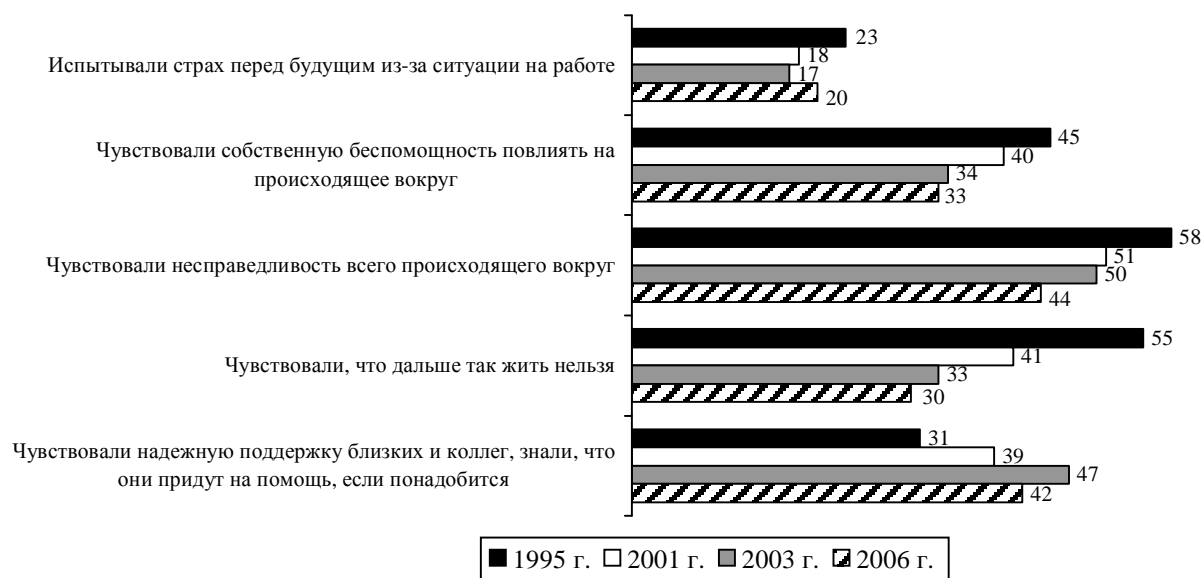

Рис. 13. Динамика частых переживаний россиянами различных чувств с 1995 по 2006 г., %

Кроме того, россияне, которые часто испытывают страхи по поводу профессионально-трудовой сферы, характеризуются своеобразным психоэмоциональным складом и отношением к миру, который психологи называют внешним локус-контролем, то есть стремлением перекладывать ответственность за происходящее на внешние условия и других людей. Так, 66% рассматриваемой группы россиян уверены, что жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями, а около 80% испытывающих страх перед будущим из-за ситуации на работе уверены, что без материальной поддержки со стороны государства им выжить сложно.

Есть ли у данной группы наших сограждан возможности социально-экономического характера, чтобы отказаться от помощи государства? Насколько вынужденным является подобное отношение к реальности, и в частности характер соответствующего запроса к государству?

Для большей части россиян, которые часто испытывают чувство страха перед будущим из-за ситуации потерять работу, характерно наличие в ближайшем окружении людей, которые оказались в бедственном положении из-за длительной безработицы или невыплаты заработной платы на предприятии. Более того, для 32% россиян, которые за последний год часто испытывали чувство страха перед будущим из-за ситуации на работе, доход с приусадебных участков и подсобных хозяйств входит в число основных источников дохода, что отражает их слабую конкурентоспособность на рынке труда. И не случайно более 40% россиян, часто испытывающих страх перед будущим из-за ситуации на работе, пессимистично оценивают свои перспективы, считая, что в ближайшие два-три года их материальное положение будет скорее ухудшаться, чем улучшаться.

Как показало исследование, боязнь потерять работу (или страх ухудшения ситуации на работе) определяется для россиян их опасениями лишиться возможности поддерживать и без того достаточно скромное существование. Это становится еще более очевидным, если учесть, что среди наших сограждан, постоянно испытывающих страх перед будущим из-за ситуации на работе, почти в два раза чаще, чем в целом в российском обществе, встречаются разнорабочие и подсобные рабочие, неконкурентоспособные на рынке труда при потере их нынешней работы. Отсюда стремление большинства россиян, часто испытывающих

страх перед будущим из-за ситуации на работе, к государственной поддержке всех малоимущих. Это является скорее следствием объективной слабости их положения на рынке труда, чем проявлением мировоззренческих особенностей.

Что касается динамики других чувств, которые носят деструктивный характер, то среди них можно выделить следующие закономерности (рис. 13). Во-первых, за последние десять лет снижалась доля россиян, которые испытывают чувство собственной беспомощности повлиять на происходящее вокруг (почти на 12%), а также несправедливости всего происходящего вокруг (на 14%). Во-вторых, резко снизилась доля граждан, которые часто испытывали чувство, что дальше так жить нельзя (с 55% в 1995 г. до 30% в 2006 г., то есть в целом на 25%), что отражает, с одной стороны, привыкание части россиян к сложившейся ситуации, а с другой – объективное сокращение доли тех, кто находится в экстремально тяжелом положении. Это позволяет говорить о том, что в эмоционально-психологическом плане ситуация в стране становится более благоприятной, поскольку видна отрицательная динамика числа тех россиян, которые часто испытывали названные «деструктивные» чувства.

Тем не менее и в 2006 г. доля россиян, часто испытывающих одновременно все три типа деструктивных чувств, составляла 17%. В то же время доля россиян, практически никогда не испытывавших ни одного из названных чувств, составляла всего около 5%. Это говорит о том, что лишь малая часть российского общества чувствует себя по-настоящему комфортно.

Здесь стоит отметить, что из 17% «отчаявшихся» россиян около 7% – пенсионеры. Еще 3% – лица, которым «за 50». И хотя часто испытываемые деструктивные чувства – во многом прерогатива старшего поколения, тем не менее более 7 миллионов сравнительно молодых людей, хронически находящихся в тяжелейшем психологическом состоянии, заставляют задуматься о степени адекватности государственной социальной политики реалиям современной России. И не случайно частые деструктивные чувства, которые испытывают работающие россияне, тесно связаны с другими их страхами. В числе их – резкий рост жилищно-коммунальных платежей; потеря собственного здоровья или здоровья близких; потеря средств к существованию.

Данную группу многое роднит с теми, кто часто испытывает страх перед будущим из-за ситуации на работе. Они также уверены, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семье выжить сложно, и оценивают свое материальное положение как «плохое». Более 1/3 россиян отмечают невозможность получения определенного образования и необходимых знаний, а также реализации себя в профессии, 31% – плохой уровень своей безопасности.

Так же как и для испытывающих страх из-за ситуации на работе, для большинства из них не характерен «деятельный» подход к происходящему вокруг. Они уверены, что жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями. Однако практически полное отсутствие «деятельной» ориентации говорит не только о «пассивности» россиян, часто испытывающих деструктивные чувства, но является также следствием существования неких объективных барьеров, которые они не способны преодолеть и которые способствуют укоренению подобных взглядов. В их числе – депрессивность многих региональных и местных рынков труда, неконкурентоспособность на них этой части россиян в силу низкого уровня образования и квалификации, плохое здоровье, наличие в семье иждивенцев (в соотношении более чем один иждивенец на одного работающего). Все это в условиях низких заработных плат приводит к очень низкому уровню жизни семьи.

Для того чтобы понять возможности российского населения выдерживать «адресный» характер программ социальной политики, необходимо оценить динамику доли россиян, не находящихся в современных условиях ничего дискомфортного, то есть практически никогда не испытывающих как чувства беспомощности, несправедливости и апатии, так и страха по поводу нестабильности в профессионально-трудовой сфере. Как показало исследование, их не более 5%. По всем показателям – это очень благополучная группа людей. Их положение в обществе диаметрально противоположно положению, занимаемому группой россиян, кото-

рые часто испытывают подобные чувства. Тревожная тенденция состоит в том, что с 2003 по 2006 г. отмечается снижение доли этих благополучных в психологическом отношении россиян, хотя по сравнению с 1995 г. ситуация до последнего времени являлась более благоприятной (рис. 14).

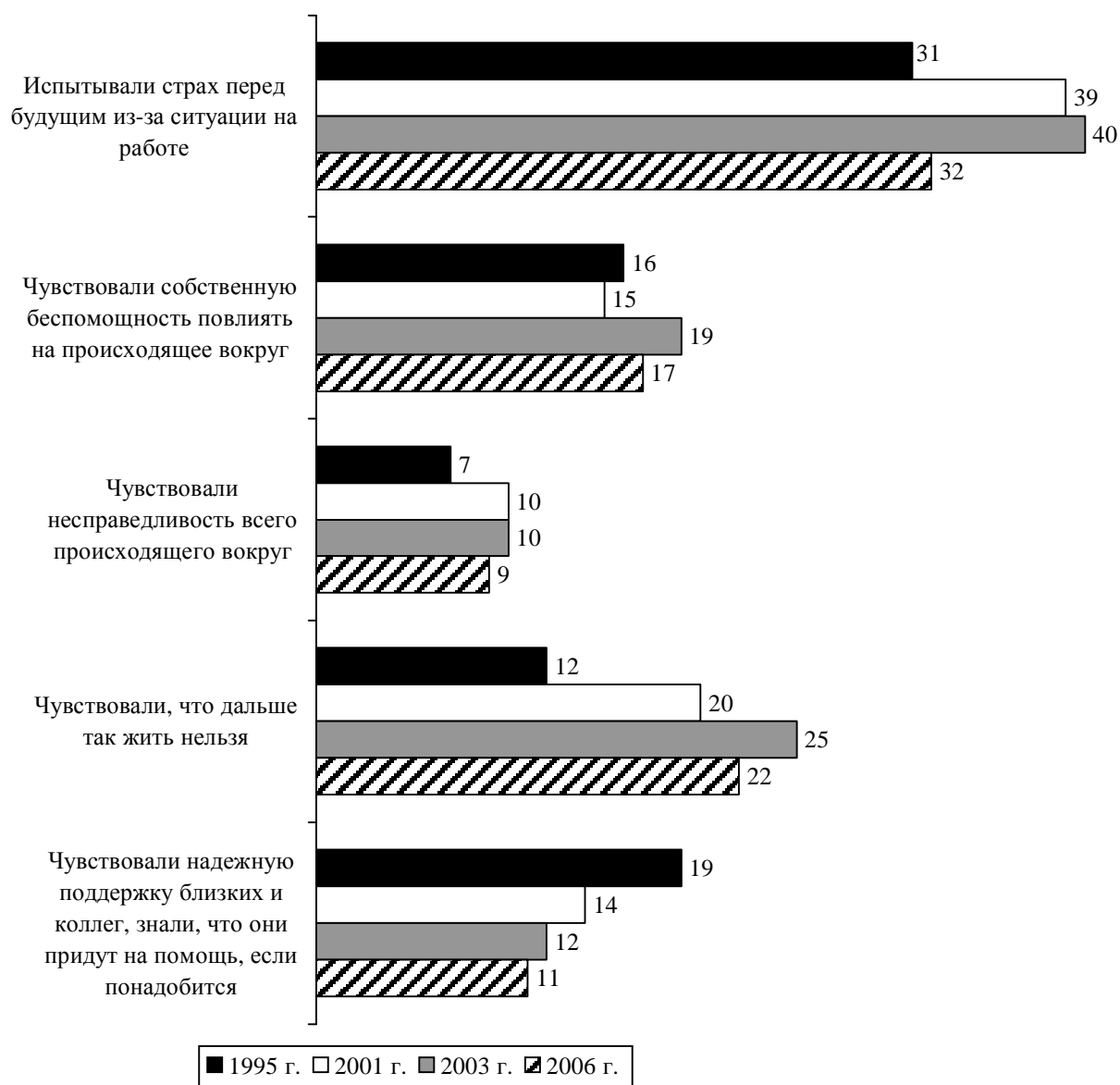

Рис. 14. Динамика различных чувств, которые практически никогда не возникали у россиян, с 1995 по 2006 г., %

Характер кажущегося благополучия в социально-экономической сфере подтверждает и динамика основных опасений россиян в социальной сфере.

Из рисунка 15 видно, что в целом интенсивность опасений россиян за последние три года возросла, особенно опасения роста жилищно-коммунальных платежей и страх остаться без работы.

Опасения

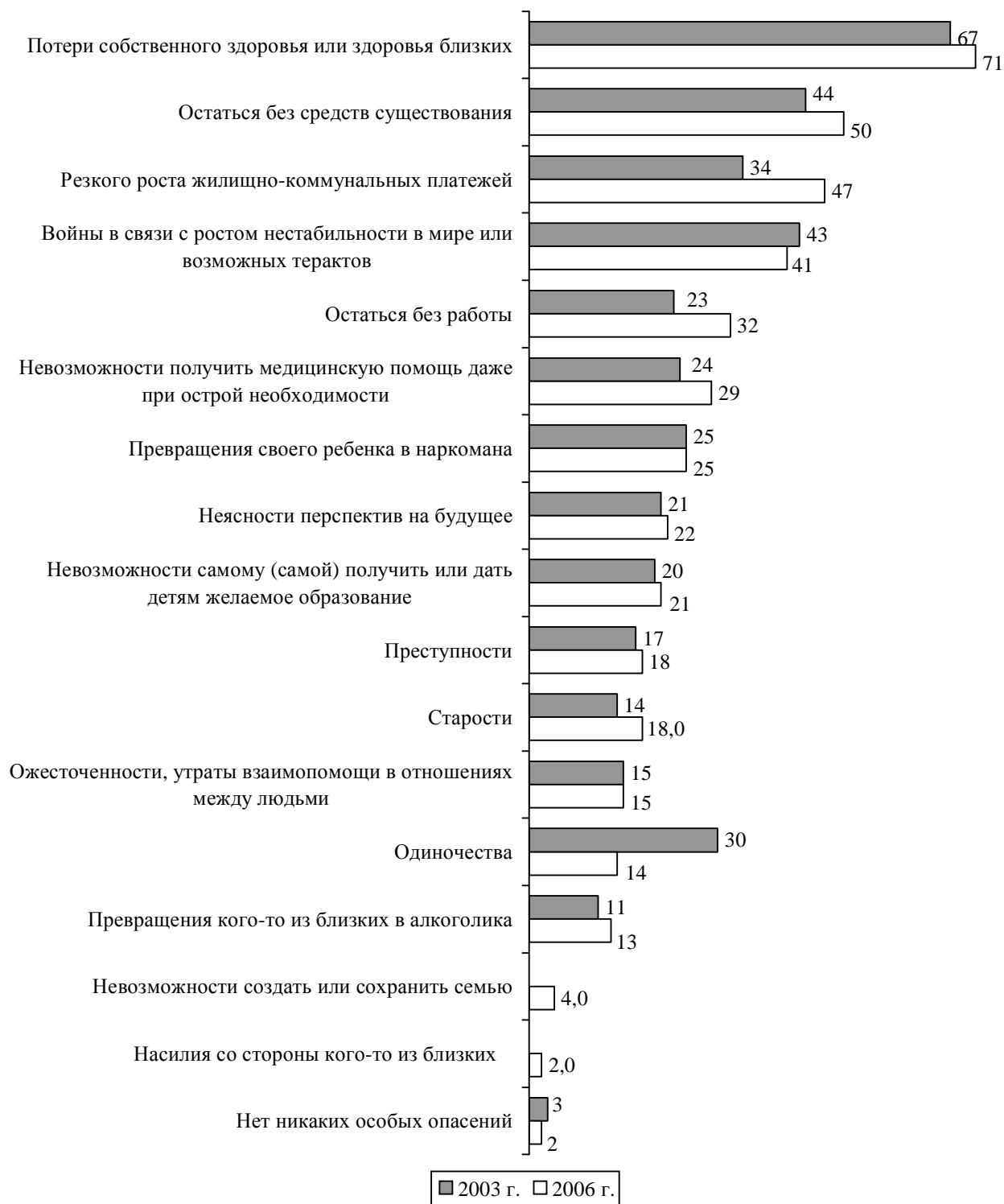

Рис. 15. Динамика опасений россиян за 2003–2006 г., % (допускалось до пяти ответов)

Как же соотносятся страхи россиян с реально переживаемыми ими проблемами (рис. 16)?

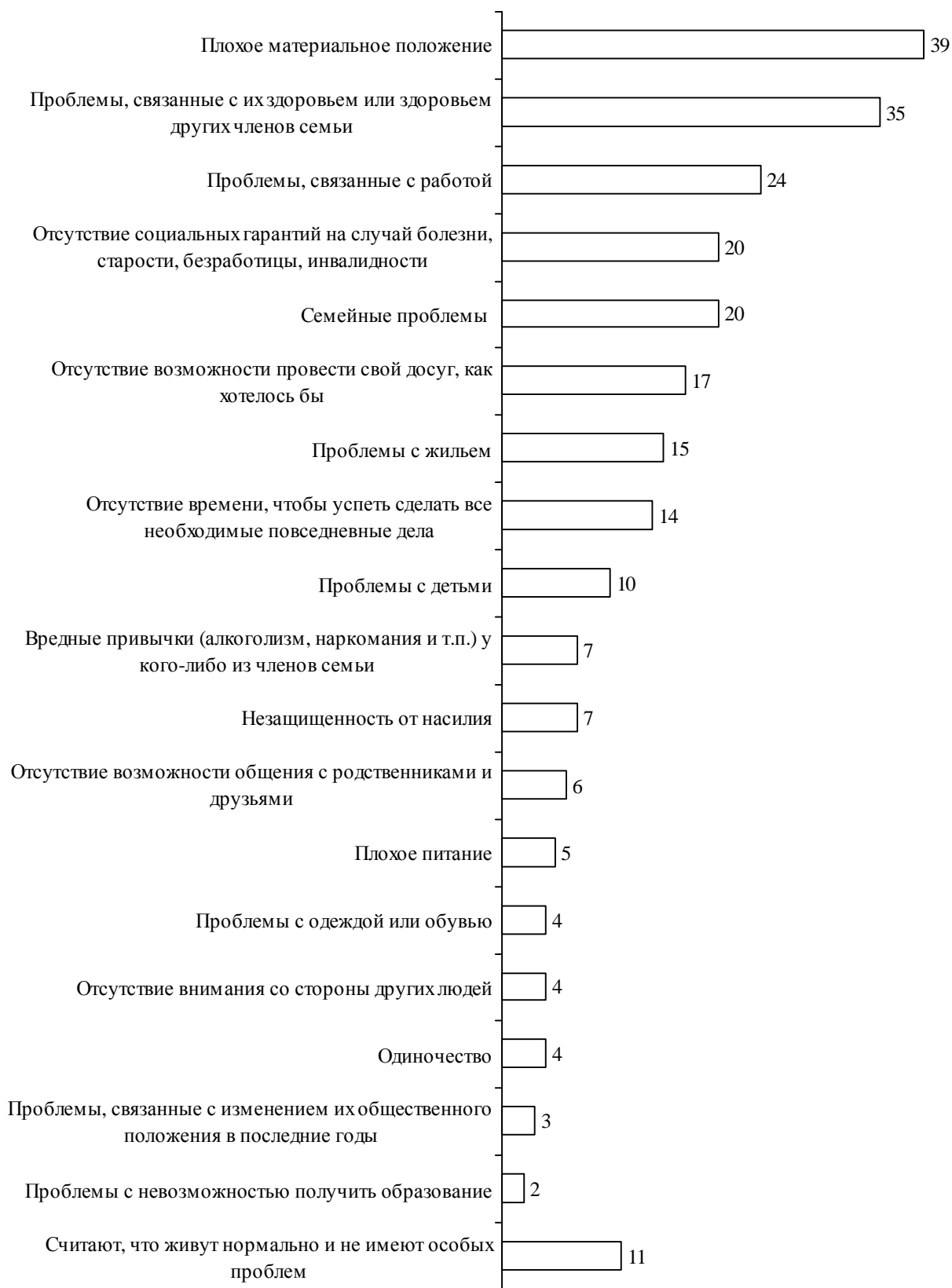

Рис. 16. Проблемы, с которыми сталкивались россияне в 2006 г., % (допускалось до трех ответов)

Из рисунка 16 следует, что с проблемами плохого материального положения в 2006 г. столкнулись 39% россиян, в то время как без средств к существованию боятся остаться около 50%. Проблемы, связанные с работой, испытывали 24%, в то время как боятся потерять работу – 32%. Доля россиян, которые знают, что такие вредные привычки у близких (алкоголизм и т.п.), составляет 7% (причем, в 2001 г. доля россиян, считавших главной причиной неустроенности своей жизни наличие вредных привычек у кого-либо из членов семьи, также составляла 7%). В то же время боятся превращения кого-то из близких в алкоголика 13% россиян, а превращения ребенка в наркомана – почти 25%. С проблемами, связанными со здоровьем, сталкивались 35% россиян, хотя по поводу потери собственного здоровья или здоровья близких испытывают страх более 70% опрошенных.

Таким образом, наши сограждане опасаются не столько того, что уже произошло, сколько того, что может случиться. Так, например, страх потери здоровья больше характерен для тех, кто находится в возрасте от 50 до 60 лет (при этом пенсионеров среди рассматриваемых россиян не больше, чем в среднем по России). Многие из них часто испытывают деструктивные чувства и находятся, даже при относительно благополучном положении, в тяжелом психологическом состоянии. Причем страх потери здоровья для них связан и с ослаблением позиции на рынке труда – многие из них уверены, что не могут устроиться на хорошую работу по специальности по состоянию здоровья.

Разрыв между опасениями и проблемами характерен и для других страхов россиян. Это невозможность получить медицинскую помощь и определенное образование; остаться без средств к существованию; рост жилищно-коммунальных платежей и неясность перспектив на будущее и т.д.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство россиян, которые в 2006 г. отвечали, что их опасения сосредоточены в социально-экономической сфере, часто испытывали чувства беспомощности, несправедливости и чувство, что дальше так жить нельзя. Они входят в группу риска, которая живет «на пределе» своих возможностей, оставаясь при этом в неблагоприятном положении. Среди 17% россиян, часто испытывающих все три деструктивных чувства, 75% составляли представители четырех нижних страт. При этом, начиная с 5-й страты, большинство не испытывало их никогда.

Насколько реальны страхи, которые испытывают те представители низших страт, которых можно охарактеризовать как «отчаявшихся», с точки зрения их материализации в реальных проблемах?

На рисунке 17 видно, что жизнь представителей группы «отчаявшихся» состоит из сплошных проблем, и практически все их опасения имеют объективные основания. Таким образом, опасения и проблемы являются для них следствием специфики социально-экономической ситуации, которая не учитывается современной социально-экономической политикой.

Как же при этом соотносятся проблемы, волнующие россиян, с оценкой ими ситуации в различных областях жизни?

Из рисунка 18 видно, что больше всего негативных оценок дается материальному положению – треть россиян оценивают ситуацию в этой сфере как плохую. Тем не менее эта оценка немного занижена, так как реально с проблемой плохого материального положения в 2006 г. столкнулось 39% россиян.

Положительные тенденции наблюдаются в сферах жизни, которые связаны с уровнем материальной обеспеченности в целом и тратами на текущее потребление (питание, одежда). Это можно назвать заслугой экономического курса последних лет.

Рис. 17. Проблемы, с которыми сталкивались россияне в 2006 г., % (допускалось до трех ответов, отранжировано по россиянам в целом)

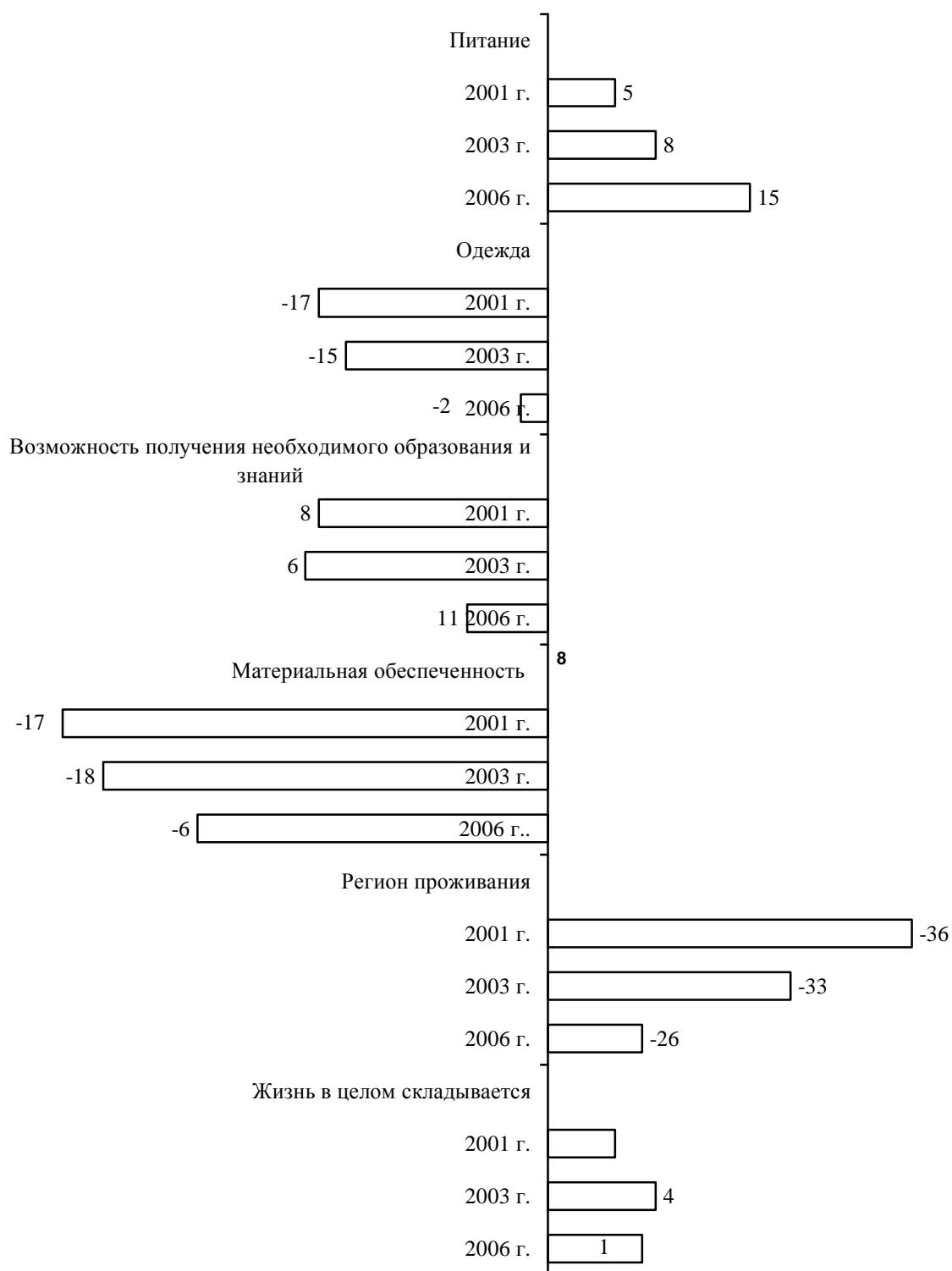

Рис. 18. Динамика разности позитивных и негативных оценок россиянами своего положения за 2001–2006 гг. в следующих сферах жизни, %

Тем не менее, как показывают данные исследования, с годами увеличивается неудовлетворенность россиян регионом своего проживания, что ставит целый ряд вопросов касательно возможностей реализации многих социальных преобразований на «локальном уровне».

4. Бедность и проблемы реформирования социальной политики

Основными параметрами социальной сферы, на которые необходимо ориентироваться при разработке и проведении любой социальной политики, являются ситуация с занятостью, обеспечивающей доходы населения, и с бедностью, которая генерируется недостатком этих доходов. Все остальные сектора социальной сферы производны от первых двух, поскольку полноценная занятость предоставляет человеку возможность обеспечить не только собственные потребности и потребности своей семьи, но и – через налоги – социальные нужды всего общества. Бедность, как основной «социальный груз», в случае выхода из-под контроля, способна нанести серьезный удар по социально-экономической и политической стабильности общества. Поэтому задачи роста благосостояния и улучшения качества жизни россиян напрямую связаны не только с сокращением доли слабых и социально ущемленных групп, но и с одновременной поддержкой наиболее активных, квалифицированных, инициативных членов сообщества и создания для них благоприятных условий и возможностей.

Чтобы понять, как лучше решать эти две задачи, надо, прежде всего, найти ответ на следующие вопросы. Почему люди оказываются в бедности и как общество воспринимает бедных? Считают ли россияне, что бедным необходимо помогать или склонны перекладывать вину за сложившееся положение на самих бедных? Как реализуется поставленная федеральной властью еще несколько лет назад задача сокращения числа бедных вдвое – до 10–12% населения? Это важно знать для того, чтобы властные структуры смогли ориентироваться на тот или иной способ борьбы с бедностью, поскольку достижение консенсуса в отношении к данной проблеме между чиновниками и гражданами способно существенно повлиять на эффективность предпринимаемых мероприятий.

Именно поэтому в нашем исследовании россиянам задавался вопрос: «Если среди людей из Вашего ближайшего окружения (родственники, знакомые, соседи, друзья) есть те, кого Вы могли бы назвать живущими за чертой бедности, то каковы причины их нынешнего тяжелого положения?». Только 15% опрошенных заявили, что им не приходилось сталкиваться с такими людьми в своем ближайшем окружении. Остальные ответы условно можно разделить на три большие группы: 1) бедность как результат социально-экономических условий; 2) бедность как следствие семейно-ситуационных проблем; 3) бедность как индивидуальная особенность людей и их собственный выбор.

Большинство россиян полагают, что их знакомые оказались в бедности в результате экономических реформ, повлекших за собой безработицу (36%), нестабильное материальное положение, вызванное невыплатой заработных плат или задержкой пенсий (30%), сокращение социальных гарантий и фактический отказ государства от социального обеспечения нуждающихся (37%).

Тем не менее респонденты понимали, что в подобных экономических условиях оказались многие, но при этом не все скатились за черту бедности. Наличие определенных характеристик увеличивало для некоторых россиян риск обнищания. Среди них – плохое здоровье (38%), низкий образовательно-квалификационный уровень (21%), проживание в бедном регионе (21%), наличие большого числа иждивенцев (17%). Помимо этого многие россияне оказались в бедности в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, связанных как с их личными неурядицами — семейными несчастьями (25%), отсутствием поддержки со стороны родственников, друзей (14%), так и с низким уровнем жизни их родителей и стартовой нехваткой необходимых ресурсов выживания (17%).

Среди причин скатывания в бедность были названы такие индивидуальные особенности людей, как алкоголизм и наркомания (32%), лень, неспособленность к жизни (17%), нежелание менять привычный образ жизни (15%). Еще 8% населения посчитало, что бедным просто не повезло.

Анализ показывает, что ни социально-экономические условия, ни семейно-ситуационные проблемы, ни индивидуальные особенности людей не могут претендовать на роль главной, определяющей причины расслоения на бедных и благополучных. Этих причин множество, и зачастую они переплетаются в судьбе конкретного человека самым

неожиданным образом. Поэтому и отношение к бедности, и ее сущность в России далеко неоднозначны.

В настоящее время не менее трети россиян живут за порогом или на грани бедности. О подобном уровне жизни свидетельствуют не только их низкие доходы, но и имущественный потенциал, структура потребления, доступные им ресурсы. Следует отметить, что в состоянии крайней бедности, глубокой нищеты (1-я страта) пребывает около 7% населения (положение этих людей практически безысходно, поскольку они, по сути, являются социальными изгоями или современным российским андерклассом со всеми присущими ему негативными характеристиками). Еще 14% бедных (2-я страта) фактически также прочно «застряли» в этом состоянии. Кроме того, 17% населения (3-я страта) пребывает в зоне постоянного риска бедности, хотя пока им удается удерживаться «на плаву», балансируя на грани бедности и малообеспеченности. Причем обе группы бедных за последние 3 года остаются неизменными по численности, а «группа риска» даже несколько выросла.

Очевидно, что в этих условиях меры, направленные на борьбу с бедностью, должны учитывать сложившуюся дифференциацию внутри самих бедных. С одной стороны, бедность необходимо рассматривать как устойчивое гомогенное состояние определенной доли населения (а в этом состоянии, как показано выше, пребывает каждый пятый россиянин), а с другой – как социальную проблему, чреватую серьезными рисками для тех, кто пока не переступил, но при определенных условиях рискует переступить опасную черту, учитывая, что риск этого, несмотря на рост доходов населения, становится реальностью для все большего числа россиян за счет исчерпания во многом сохранившихся еще с советских времен ресурсов домохозяйств.

Весной 2006 г. среднедушевой (медианный) доход россиянина, по самооценкам респондентов, составлял примерно 3500 руб. в месяц. При этом доходная обеспеченность могла варьироваться, но главное здесь – это существенная межрегиональная и поселенческая дифференциация доходов. Если в столичных регионах среднедушевые доходы находились на уровне 8000—9000 руб., то жители села в среднем располагали не более чем 2800 руб., жители малых городов – 3500 руб., жители крупных областных центров – 5000 руб. на члена семьи ежемесячно. К числу наиболее бедных регионов, по уровню доходов, традиционно принадлежат Юг, Северный Кавказ, Центральное Черноземье, Поволжье.

Доходы бедных отставали от среднероссийских примерно на 1000 руб. на человека в месяц, то есть составляли около 2500 руб. в среднем, доходы пограничной группы, рискующей оказаться в бедности, – 3000 руб. Сильнее всего доходы бедных отстают от средних в крупных промышленных городах (в Москве, например, фактически в два раза, в областных центрах – в полтора). В то же время в малых городах и на селе, где помимо денежной составляющей важна их натуральная составляющая, это отставание менее заметно, хотя также присутствует (от 500 до 1000 руб на члена нуждающейся семьи ежемесячно). То есть и в случае с реальной бедностью, и в случае с группой риска мы имеем дело с социальной группой, живущей в условиях постоянного дефицита денежных средств.

Российская бедность наделена определенными чертами, формирующими ее общий портрет. Так, до 40% российских бедных в возрасте старше 60 лет. Если в столице и крупных областных центрах в глубокой бедности пребывает или рискует оказаться в ней в ближайшее время каждый третий пенсионер, то в малых городах и на селе – это каждый второй житель преклонного возраста. При рассмотрении поселенческого среза выявляется тенденция бедности концентрироваться в российской глубинке. Если жители крупных городов оказываются в крайней нужде в 11—13% случаев, то в малых городах и на селе реальная бедность затрагивает 20—30% населения. Учитывая долю населения, которая балансирует на пороге бедности, ситуация в российской деревне складывается критическая, поскольку до 50% жителей сел обладают крайне низкими жизненными стандартами (в городах это не более трети опрошенных) (рис. 19).

Как видно из рисунка 19, было бы неверно утверждать, что в бедности оказываются в основном экономически неактивные члены российского общества, которые не могут обеспечить себе нормальный уровень доходов по причине возраста (пенсионеры) или плохого здо-

ровья (инвалиды), а также жители российского села. Бедность, хотя и в разных масштабах, затронула многих россиян, независимо от возраста и места проживания. Что касается тех, кто рискует в скором времени оказаться в бедности (а это еще 10—15% населения), то в данном случае возрастная и поселенческая ситуация имеет обратный знак. Представители молодого и среднего поколений (до 40 лет) составляют более трети группы риска, причем чем крупнее населенный пункт, тем эта доля выше (например, в мегаполисах доля лиц до 40 лет, пребывающих в «зоне риска» бедности, составляет 54% респондентов).

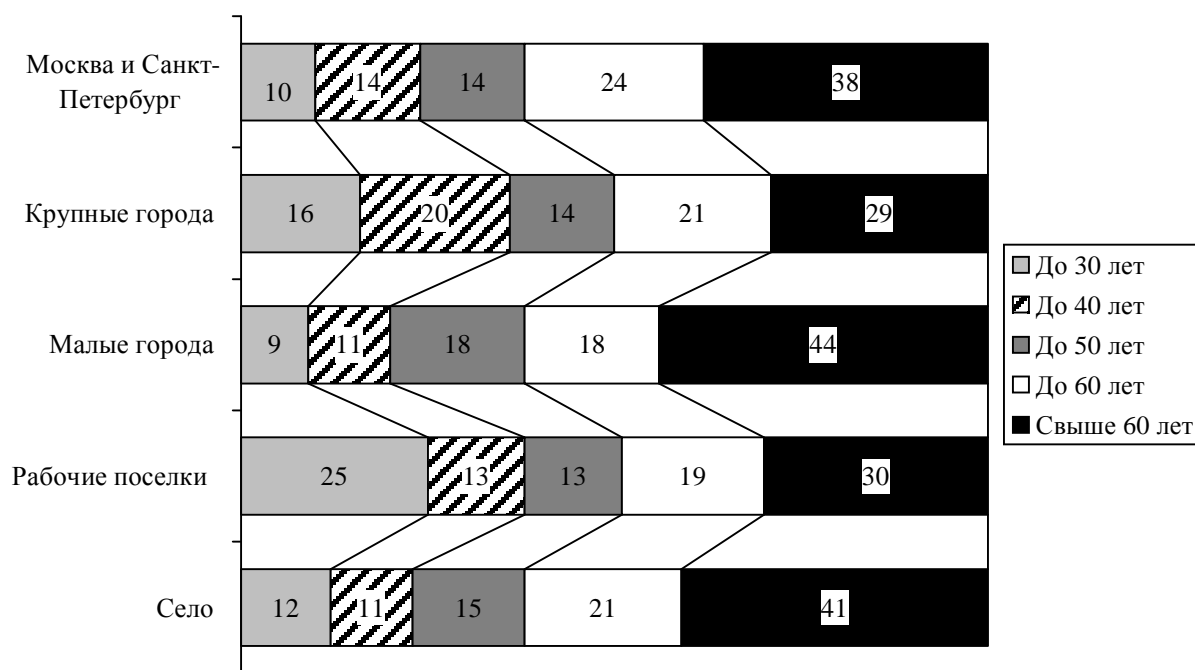

Рис. 19. Распределение бедных по возрастам в разных типах поселений, %

Таким образом, российскую бедность необходимо рассматривать не только в возрастном и поселенческом контексте, как это зачастую принято при разработке тех или иных мер социальной политики, но и ясно представлять себе социально-профессиональные, квалификационные, образовательные характеристики тех россиян, которые не в состоянии самостоятельно выбраться из бедности, несмотря на экономически активный возраст. Без этого портрет российской бедности будет неполным, а любые меры борьбы с этим явлением – недостаточно эффективными.

Исследование показывает, что в бедности одними из первых оказываются люди с низким образовательным и квалификационным уровнем. Каждый четвертый бедный не имеет полного среднего образования, и только каждый десятый обладает дипломом вуза. В целом более половины бедных не имеет никакого специального профессионального образования (на фоне трети населения в целом и только каждого десятого респондента из средних и обеспеченных слоев).

Социально-профессиональная структура экономически активного населения, пребывающего за чертой бедности, также обладает рядом особенностей. Во-первых, это крайне низкая доля специалистов (не более 12—15%) при заметном преобладании представителей рабочих специальностей, причем не самой высокой квалификации. Каждый четвертый работающий бедный – это подсобный рабочий, занятый ручным физическим трудом (в среднем по массиву – 10%). Всего доля рабочих среди экономически активных бедных составляет 62% при 43% в среднем по массиву. Рискуют оказаться или уже пребывают в бедности и многие работники сферы услуг и торговли низшего звена, то есть продавцы, грузчики, убор-

щицы и другой обслуживающий персонал многочисленных торговых точек и фирм-однодневок. Причем тип собственности предприятия, на котором заняты низкоквалифицированные работники, в настоящее время заметной роли не играет. Среди бедных, так же как и среди представителей более благополучных групп населения, удельный вес государственных и частных предприятий, где респонденты получают основной доход, практически равен.

Каково же положение российских бедных и в чем на сегодня состоят их основные проблемы (табл. 3)?

Таблица 3

Неудовлетворенность российских бедных различными сторонами их жизни по сравнению с населением в целом, %

<i>Сферы жизни</i>	<i>Нищие (1 страта)</i>	<i>Бедные (2 страта)</i>	<i>«Группа риска» (3 страта)</i>	<i>Население в целом</i>
Плохая материальная обеспеченность	71	59	52	33
Плохое здоровье	43	31	21	17
Плохая ситуация на работе	33	23	14	12
Невозможность реализовать себя в профессии	46	34	26	22
Невозможность получения необходимого образования и знаний	52	36	32	23
Проблемы с жильем	39	23	23	16
Плохое питание	41	22	17	10
Проблемы с одеждой	55	40	28	18
Плохие возможности досуга	61	44	42	33
Плохие возможности отдыха	68	58	52	41
Проблемы с общением	11	16	9	7
Неудовлетворенность статусом в обществе	46	25	24	16
Неудовлетворенность жизнью в целом	34	23	16	10

Как видим, среди бедных, и особенно той их части, которая опустилась до уровня нищеты, крайне актуализированы не просто проблемы нехватки денежных средств, но и неудовлетворенности базовых, жизненно важных потребностей – в полноценном питании, одежде, жилье. Плохое материальное положение отмечается бедными в два раза чаще, чем населением в целом (эта проблема касается многих россиян, но дело здесь в степени ее остроты). Исходя из этого, нуждающаяся часть населения просто вынуждена сосредоточиваться в основном на проблемах текущего выживания. Если в зоне риска бедности степень неудовлетворенности качественной стороной жизни – возможностями хорошей работы, самореализации, разнообразием досуга и отдыха, пока не слишком расходится с мнением по этому поводу у населения в целом, то по мере снижения уровня жизни эти проблемы становятся все неразрешимее. Исследования показывают, что бедные теряют надежду и сознательно отказываются от удовлетворения многих потребностей, реализация которых стала им недоступна.

В самом бедственном положении находятся те, кто перешагнул черту нищеты – у них в результате чрезмерной депривации начинают проследиваться черты глубокой социальной эксклюзии. Их возможности сильно сужены, они недоедают, практически в половине случаев живут в неудовлетворительных жилищных условиях, у них плохое здоровье, они недовольны своим положением, статусом в обществе, тем, как складывается их жизнь. Беднейшая часть населения практически утратила не только возможности, но и надежду улучшить собственное положение. Каждый третий российский бедный не обладает никаким стратегически значимым имуществом (квартира, дача, участок земли), которое можно было бы использовать для улучшения материального положения. По каким-то причинам (возможно, из-за страха

перед резким ростом жилищно-коммунальных платежей) нуждающееся население предпочитает оставить собственное жилье в муниципальной собственности и гораздо реже, чем население в целом, использовало возможность бесплатной приватизации. Около 40% бедных не являются собственниками жилья, в котором они проживают, в отличие от 25% для россиян в целом, и это при высокой доле среди них сельских жителей, проживающих, в основном, в собственных домах. Но если сельские бедные, по меньшей мере, обладают хотя бы участком земли, позволяющим обеспечить пропитание при отсутствии денежных средств, то городские бедные в 90% случаев не имеют даже садово-огородного участка.

Те же тенденции, но пока не столь ярко выраженные, прослеживаются и у населения России, которое балансирует на грани бедности, рискуя оказаться за ней в ближайшее время, если не будут предприняты специальные меры, сдерживающие дальнейшее падение их уровня жизни. Почти каждый третий из них заявляет о том, что не в состоянии ничего дополнительно предпринять, чтобы улучшить свое положение самому (в отличие, например, от каждого десятого представителя 4-й страты, которые в большинстве своем тоже не могут похвастаться приемлемым уровнем благосостояния). В условиях, когда решение целого ряда социальных проблем (прежде всего связанных со здоровьем, образованием, жильем) планируется частично перенести на плечи самого населения, предлагаемые реформы практически полностью исключают значительную долю россиян из сферы доступа к удовлетворению насущных, жизненно важных потребностей.

Бедные, обладая заведомо низкими стартовыми возможностями (не только по причине отсутствия значимых ресурсов, но и по причине их низкой функциональной грамотности, плохой информированности и недостаточного уровня образования), зачастую не в состоянии самостоятельно планировать свою жизнь и просчитывать угрожающие им социальные риски. Так, 58% бедных ничего не знают о проводимой в стране пенсионной реформе (причем как сами пенсионеры, так и представители экономически активных возрастных групп); 48% не информированы о переменах в образовательной системе; каждый пятый не понимает, что будет происходить в сфере здравоохранения и в чем суть предлагаемой жилищно-коммунальной реформы. Как показало исследование, степень информированности о реформе социальной политики, проводимой в стране, у респондентов из средних слоев на порядок выше.

До 70% бедных не знают, что в марте 2005 г. вступил в силу новый Жилищный кодекс (в средних слоях об этом не знала только треть опрошенных); половина бедных ничего не знает о такой форме организации медицинского обслуживания, как добровольное медицинское страхование (по сравнению лишь с каждым пятым представителем средних слоев), и до 60% остро нуждающихся россиян (что практически в два раза чаще, чем в средних слоях) не понимают сути предложенных Президентом новых национальных проектов в социальной сфере, хотя, казалось бы, в первую очередь должны быть информированы о них социально незащищенные слои населения.

Динамика материального положения бедных за последние 2—3 года носит явно негативный характер (46% отмечают его ухудшение и только 6% считают, что их жизнь начинает налаживаться), то есть поставленная Президентом РФ задача борьбы с бедностью не приводит ни к сокращению их числа, ни к уменьшению глубины бедности. Вера бедных в то, что в ближайшем будущем у них появятся лучшие перспективы, постепенно утрачивается – на улучшения в будущем надеются только 14% из них в отличие от каждого третьего россиянина, а 40% продолжают ждать дальнейших ухудшений (по массиву в целом – 25%). Похожая ситуация складывается и в зоне риска бедности. Скепсис в этой области характерен не только для бедных: 16% населения России считают, что за последнее время ситуация с бедностью в стране улучшилась, в то время как каждый третий опрошенный уверен, что благосостояние населения падает и бедность растет. Среди самих бедных эта убежденность еще более выражена. Свои шансы устроиться на хорошую работу по месту жительства бедные оценивают более чем критически (по сути, только десятая их часть верит в шансы успешного трудоустройства). В результате бедные не в состоянии сами обеспечить себя и свои семьи, проникаются фаталистическими настроениями и «патерналистскими ожиданиями», которые в их ситуации невозможно считать «иждивенчеством».

5. Состояние пенсионного обеспечения в свете реформ

Проблема поддержки пенсионеров была и остается одной из основных в социальной политике, так как уровень жизни этой категории россиян значимо отражается на уровне жизни страны, ведь данная группа составляет примерно 27% населения России, и этот процент с каждым годом увеличивается в связи с тенденцией старения населения. В последние десятилетия содержание пенсионеров традиционно ложилось в нашей стране на плечи государства. В настоящее время федеральный центр пытается частично снизить эту ответственность проведением пенсионной реформы и разделением пенсионных отчислений на страховую и накопительную части.

Как же сказывается эта реформа на положении сегодняшних пенсионеров и их жизни? Как россияне относятся к изменениям, происходящим в пенсионной сфере?

Результаты данного исследования показывают, что, несмотря на идущую индексацию пенсий, в последнее время наблюдается тенденция снижения уровня жизни российских пенсионеров – более трети из них говорят об ухудшении своего материального положения. Особенно трудно приходится неработающим пенсионерам (рис. 20).

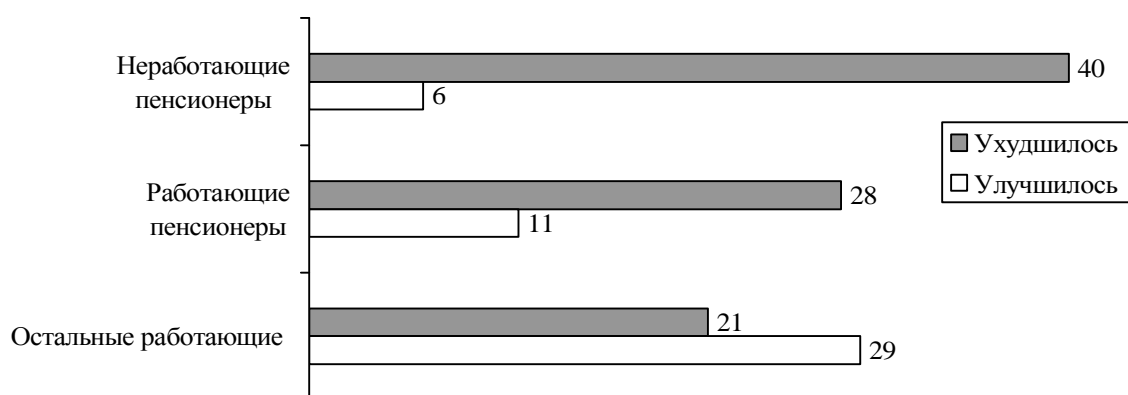

Рис. 20. Изменение материального положения различных групп россиян за последние 2–3 года, %

Однако, как показало исследование, оценка пенсионерами отдельных сторон их жизни даже улучшилась по сравнению с той, что наблюдалась три года назад. В 2006 г. пенсионеры чаще стали лучше питаться, приобретать необходимую одежду.

В итоге в 2006 г. о признаках глубокой бедности можно было говорить лишь применительно к 25–30% пенсионеров в отличие от 2003 г. (50%). Но при этом подавляющее большинство пенсионеров не поднимаются выше уровня малообеспеченности, в результате чего наблюдается деградация имущественного потенциала семьи, что вызывает у части пенсионеров ощущение ухудшения своего положения.

Так, работающее население обладает достаточно широким спектром товаров длительного пользования – у половины из них этих товаров насчитывается не менее 10, 7 из которых куплены за последние 7 лет. Для пенсионеров ситуация качественно иная. Половина пенсионеров имеет не более 7 товаров длительного пользования, причем младше 7 лет у неработающих пенсионеров являются только 3 из них (что не обеспечивает даже их необходимого обновления), а у работающих пенсионеров – 5. Более четверти неработающих пенсионеров не имеют полного набора товаров, который считается сейчас россиянами абсолютно необходимым, и отсутствие хотя бы одного предмета из которого рассматривается как признак бедности (холодильник, стиральная машина, пылесос, мебель и цветной телевизор).

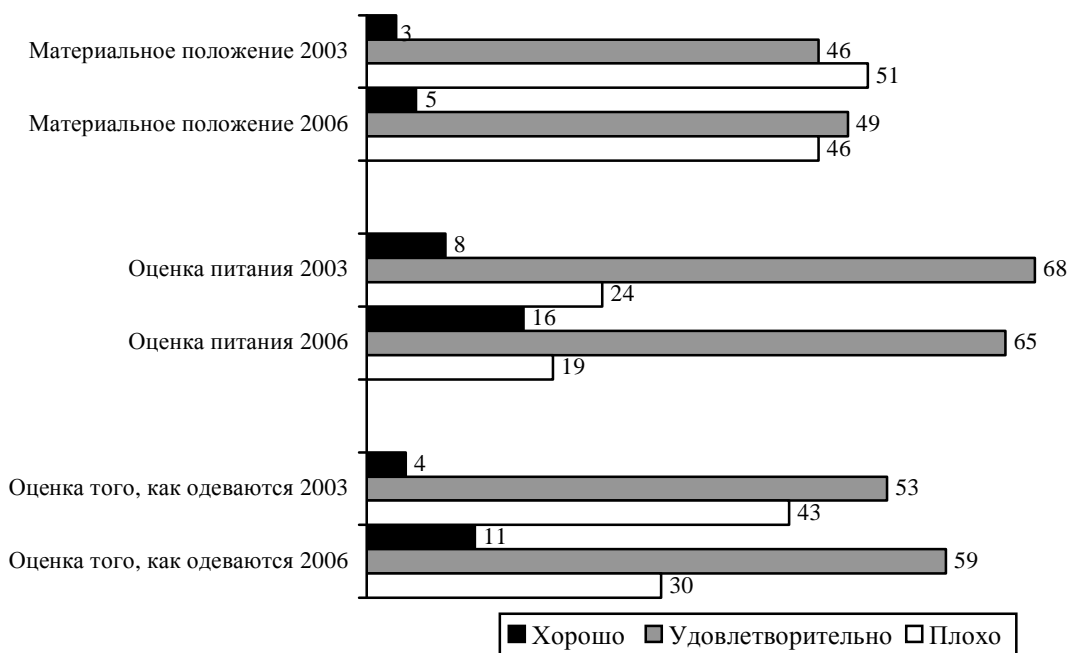

Рис. 21. Оценка своего положения пенсионерами в 2003 и 2006 гг., %

Как же оценивает в перспективе свое материальное положение население России, в том числе работающие и неработающие пенсионеры (рис.22)?

Рис. 22. Оценка перспектив изменения своего материального положения на ближайшие 2–3 года, %¹

¹ На рисунке не представлены те, чье положение не изменилось.

Как видно из рисунка 22, положение большинства российских пенсионеров действительно продолжает внушать тревогу, а у части из них даже ухудшается. Связано ли данное ухудшение с системой пенсионного обеспечения или «корень зла» в чем-то другом?

Судя по данным исследования, последнее предположение более вероятно. Среди неработающих пенсионеров доля тех, кто считает, что ситуация в сфере пенсионного обеспечения ухудшилась, составляет всего 28% при том, что число считающих ее улучшившейся

достигает 31%. Более того, в отличие от оценки динамики своего собственного материального положения в этом вопросе нет серьезных различий между пенсионерами и работающими россиянами (рис. 23).

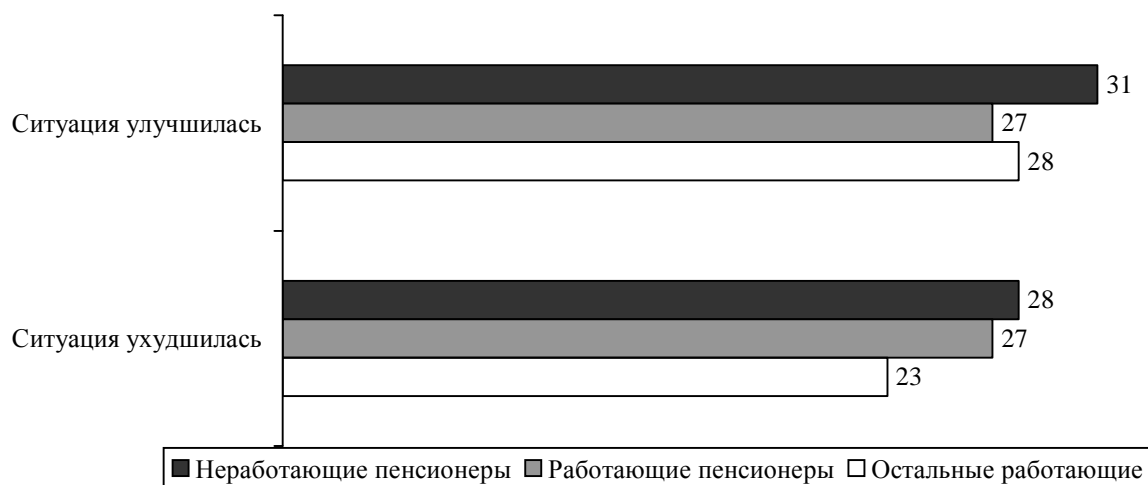

Рис. 23. Изменение ситуации в сфере пенсионного обеспечения за время президентства В.Путина, %

Как видно из рисунка 23, ситуация в сфере пенсионного обеспечения в период руководства страной В. Путиным изменилась незначительно. Неработающие пенсионеры (31%) считают, что ситуация изменилась в лучшую сторону, а вот работающие пенсионеры оценили в процентном соотношении одинаково (27%) – ухудшилась, и столько же – улучшилась.

Сегодня треть пенсионеров проживают отдельно, а остальные живут совместно с более молодыми родственниками, и, естественно, динамика их ситуации влияет на положение семей в целом (в настоящий момент, судя по данным исследования, в России 14% населения живут в семьях, состоящих только из пенсионеров, и 26% – в семьях, в составе которых есть пенсионеры). Причем если в 1990-х годах достаточно распространена была ситуация, когда вся семья жила на пенсию одного из своих членов, то сейчас она качественно изменилась (рис. 24).

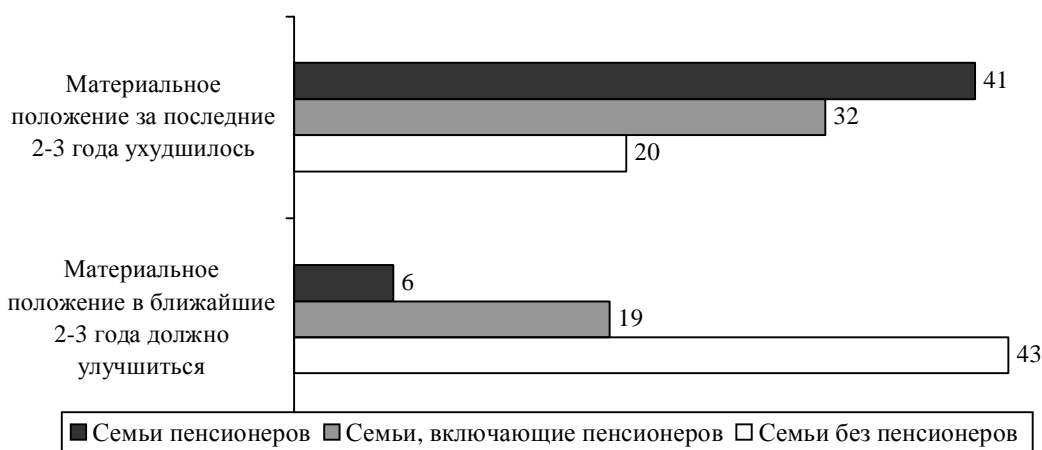

Рис. 24. Изменение материального положения различных групп россиян за последние 2–3 года, %

Возможно, это связано с ростом заработных плат работающих, но в любом случае остается фактом, что семьи, состоящие как из работающих, так и пенсионеров, оценивают динамику своего положения хуже, чем не имеющие пенсионеров в своем составе. Таким образом, пенсионер оказывается сегодня для семьи в тягость, или, по крайней мере, снижает ее жизненный уровень.

Учитывая, что в настоящее время социальные пособия и пенсии, за счет которых формируется доход пенсионеров, значительно ниже трудовых заработков, эта разница способна значимо повлиять на среднедушевой показатель дохода домохозяйств, в составе которых есть как пенсионеры, так и работающие (рис. 25), а следовательно и на динамику их материального положения.

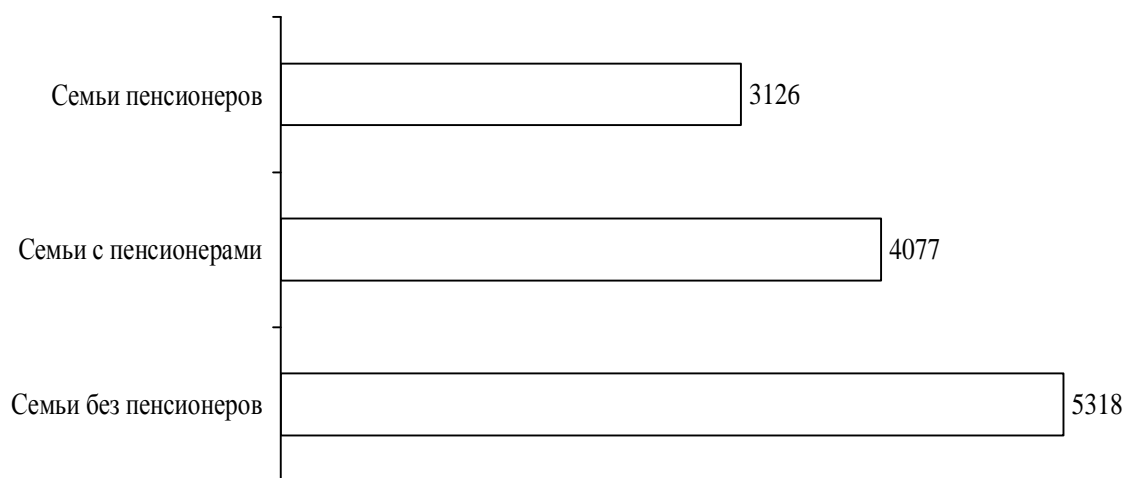

Рис. 25. Среднедушевой доход россиян из разных типов семей, руб.

Сегодня пенсионеры являются наряду с детьми ключевыми членами семьи, определяющими положение домохозяйства. Для того чтобы понять, за счет чего они играют, несмотря на наличие собственных источников доходов, негативную для благосостояния семьи роль, необходимо рассмотреть расходы и доходы семей разных типов.

Крайне значимая характеристика состояния бюджета семей – расходы. Их состав различен для семей пенсионеров, семей с пенсионерами или без них. Дополнительная статья расходов как первых, так и вторых – медицинское обслуживание пенсионеров, что связано с худшим по сравнению с остальным населением состоянием их здоровья. Так, если 41% пенсионеров говорят о плохом состоянии своего здоровья и только 5% – о хорошем, то остальное население наоборот – в 37% случаев имеет по самооценкам хорошее и отличное здоровье и лишь в 8% случаев – плохое.

В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что пенсионеры, естественно, чаще других сталкиваются с проблемами, связанными со своим здоровьем или здоровьем других членов семьи. О них говорят 54% неработающих и 41% работающих пенсионеров, в то время, как для остальных работающих этот показатель равен 29%. При этом из-за нехватки денег 18% пенсионеров не смогли в течение последнего года позволить себе стационарное лечение (для остального населения этот показатель равен 8%), а 38% – купить лекарства (для остального населения этот показатель – 17%). Не удивительно, что в случае необходимости платной операции или дорогостоящего лечения более половины пенсионеров (при чуть более трети работающих) не смогли бы найти требующиеся для этого средства (табл. 4).

Как видно из таблицы 4, работающие россияне имеют некоторые собственные резервы и обладают сетью знакомых, которые могут помочь. Их круг общения состоит из коллег по работе, школьных и университетских друзей, которые, также будучи в трудоспособном возрасте, имеют большие материальные возможности, чем пенсионеры. Пенсионеры могут рас-

считывать на помощь друзей намного меньше, так как, если они и есть, то тоже, как правило, не имеют свободных средств. Легче приходится тем пенсионерам, которые работают и имеют коллег по работе или живут с другими членами семьи непенсионного возраста, что расширяет диапазон их социальных связей, а также тем, кто в свое время работал руководителем, служащим или специалистом с высшим образованием, то есть принадлежал к более благополучным слоям населения. Остальных пенсионеров необходимость поиска материальных средств на дорогостоящее лечение загоняет в тупик. Более половины из них говорят о том, что не представляют, что будут делать в таком случае.

Таблица 4

Оценки различных групп россиян того, где бы они взяли деньги, если бы им предстояли платная операция или дорогостоящее лечение¹, %

	<i>Неработающие пенсионеры</i>	<i>Работающие пенсионеры</i>	<i>Остальные работающие</i>
Обошлись бы своими средствами	7	9	17
Обратились бы за помощью к родственникам, друзьям	32	41	50
Обратились бы за помощью к государственным организациям	8	3	6
Обратились бы за помощью к общественным организациям	2	1	6
Даже не представляют, что бы они стали делать	57	56	36

¹ Допускалось несколько ответов.

В этой ситуации не удивительно, что неработающие пенсионеры рассчитывают на государство при проблемах со здоровьем больше, чем на себя. Но при этом половина из них отмечает ухудшение ситуации со здравоохранением в последние годы и массово выступает против реформ в этой сфере. И действительно, учитывая то, что было сказано выше о недоступности необходимой медицинской помощи для многих пенсионеров, это означает, что планирующаяся реформа здравоохранения в первую очередь ударит по пенсионерам, затрудняя им получение необходимой медицинской помощи.

Таким образом, дополнительные «медицинские» расходы станут тяжелым грузом для пенсионеров и их семей. При этом положение работающих пенсионеров несколько лучше, чем неработающих. Недаром работающие пенсионеры чаще неработающих говорят о своих неблагоприятных перспективах, поскольку велика вероятность потери работы, которая может усложнить их ситуацию в будущем. Среднедушевой доход в семьях работающих пенсионеров выше того, что наблюдается в семьях, где пенсионеры не работают, но ниже, чем в семьях остальных работающих, хотя этот доход включает в себя наряду с заработной платой также пенсию (!), что и обуславливает их тревогу по поводу будущего (рис. 26). Трудовые заработки помогают пенсионерам улучшить свое материальное положение. Но рабочие места доступны далеко не всем. Главный ограничитель выхода на работу – состояние здоровья.

Рис. 26. Среднедушевой доход россиян из разных типов семей, руб.

Как видно из рисунка 27, состояние здоровья работающих лучше, чем пенсионеров, а работающих пенсионеров – лучше, чем неработающих, то есть работать могут только те, кому это позволяет здоровье. Поэтому работают пенсионеры в основном в раннем пенсионном возрасте: средний возраст работающего пенсионера равен 62 годам, в то время как неработающего – 67. Но трудовая деятельность ухудшает ситуацию со здоровьем пенсионеров, так как работать им чаще приходится «на подхвате», на низкооплачиваемых и маловостребованных среди более молодых россиян должностях.

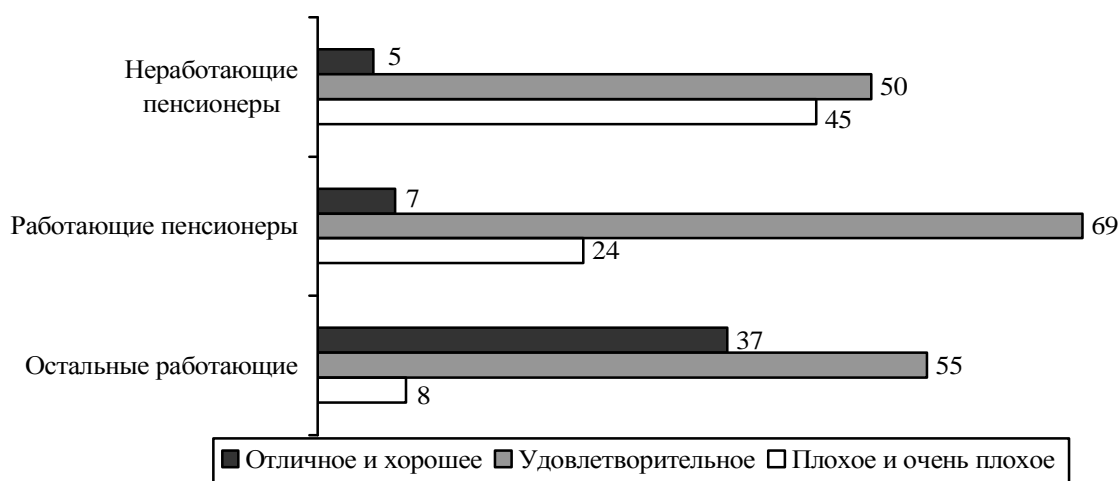

Рис. 27. Состояние здоровья различных групп россиян по их самооценке, %

Работающие пенсионеры часто занимают позиции служащих и разнорабочих, не требующие квалификации: вахтеров, консьержей, работников киосков, дворников, билетеров, гардеробщиков и т.п. Причем они занимают эти позиции чаще остального работающего населения. Можно сказать, что эти ниши нацелены именно на пенсионеров с учетом их состояния здоровья, образа жизни, материальных притязаний.

С другой стороны, часть пенсионеров, хотя и небольшая, все же конкурирует с более молодыми россиянами за рабочие места высокого уровня, вплоть до руководящих позиций. Нельзя не обратить внимания на то, что 12% работающих пенсионеров (7% по остальным работающим) занимают должности руководителей различного уровня и что наблюдается большое количество пенсионеров (27% от всех работающих пенсионеров), занимающих позиции специалистов с высшим образованием (для остальных работающих этот показатель равен 19%)

Профессионально-должностной статус работающего населения, %

<i>Профессиональный статус</i>	<i>Работающие пенсионеры</i>	<i>Остальные работающие</i>
Предприниматель, имеющий более 5 наемных работников	0	1
Руководитель, заместитель руководителя предприятия или учреждения, руководитель среднего звена	12	7
Специалист с высшим образованием	29,0	19,0
Военнослужащий, сотрудник МВД, прокуратуры (офицерский состав)	0,0	4,0
«Самозанятый» (индивидуальная трудовая деятельность, частная практика и т.п.) или имеющий бизнес, где работают члены их семьи, а также бизнес с числом наемных работников 5 и менее человек	2,0	3,0
Служащий (включая неофицерский состав силовых ведомств), офисный работник, работник из числа технического персонала (секретарь, лаборант, библиотекарь, охранник и т.д.)	22	12
Рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг (продавец, парикмахер, и т.д.)	3	14
Квалифицированный рабочий	17	31
Разнорабочий, подсобный рабочий	13	9
Другое	2	0

Разнообразие должностных позиций пенсионеров говорит о том, что уровень квалификации является менее критичным по сравнению со здоровьем блокиратором для трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста. При этом с ростом уровня образования все большая часть пенсионеров продолжает работать (рис. 28).

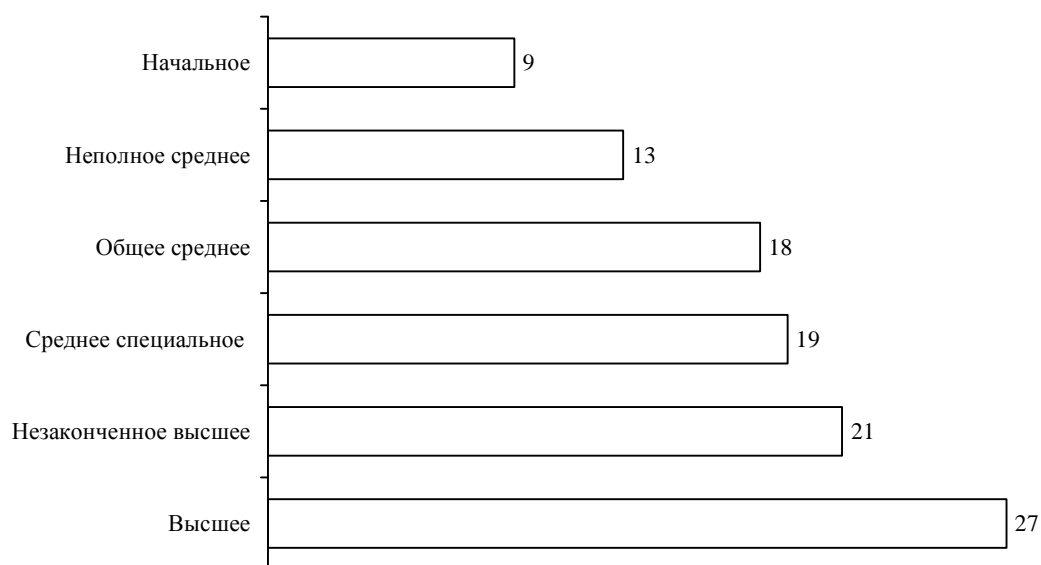

Рис. 28. Зависимость занятости пенсионеров от уровня их образования, %

Продолжение трудовой деятельности с разной вероятностью возможно в различных отраслях экономики (рис. 29). Максимальна она для предприятий образования, науки, куль-

туры, здравоохранения и соцобеспечения. Пенсионеры работают в этих отраслях руководителями, специалистами, служащими. Максимальная занятость пенсионеров в этих сферах объясняется, с одной стороны, тем, что уровень заработных плат здесь достаточно невысок и существует ограниченный спрос на эти рабочие места со стороны молодежи, а с другой стороны, квалификация, требующаяся работникам организаций этих сфер, достаточно высока и присуща далеко не каждому, что создает трудность поиска соответствующих кадров среди молодых.

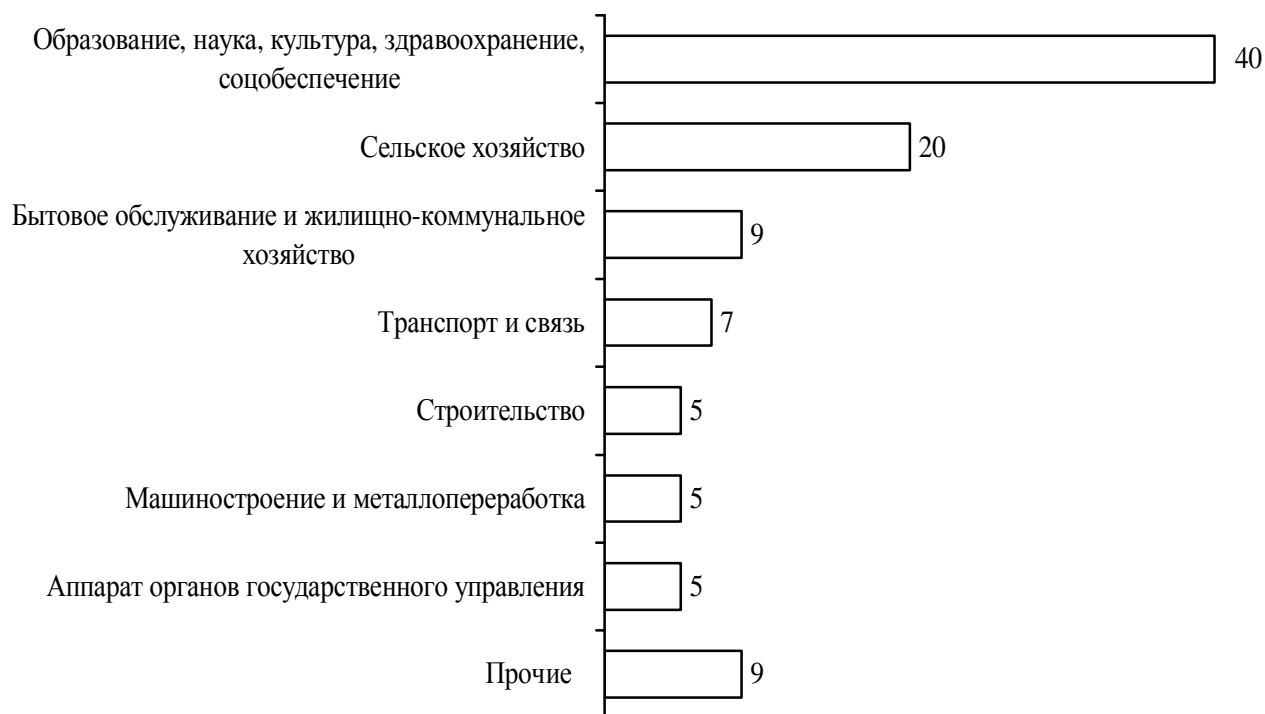

Рис. 29. Занятость пенсионеров в различных отраслях экономики, %

Как показало исследование, самостоятельно улучшить свое положение посредством занятости может далеко не каждый пенсионер, а если и может, то зачастую лишь ценой своего здоровья, и, как правило, получая при этом маленькую зарплату.

Как же выглядят в глазах россиян последние новации Российского государства, затронувшие положение пенсионеров, и прежде всего Закон ФЗ–122, по которому были заменены (в том числе и на основании заявлений пенсионеров) денежной компенсацией многие льготы, включая бесплатное получение лекарств? Судя по результатам исследования, население страны отрицательно относится к данному Закону, особенно те, кто отмечает ухудшение ситуации со здравоохранением, а также пенсионеры из числа тех, кто считает, что их материальное положение за последние 2—3 года ухудшилось.

Однако, значимые изменения в системе пенсионного обеспечения связаны не только с новшествами, введенными ФЗ–122, хотя об этом знает далеко не каждый. Так, почти половина россиян не знают о пенсионной реформе, включая появление накопительной части пенсии для лиц после 1967 г. рождения, а 13% населения страны не знает о возможном увеличении возраста выхода на пенсию. При этом первое начинание полностью поддержали всего 23% осведомленного о нем населения, а 43% одобрили его общий замысел, но боятся, что от его реализации их положение только ухудшится. Увеличение возраста выхода на пенсию встречено россиянами менее одобрительно: только 7% населения разделяют подобный замысел.

В целом отношение к пенсионной реформе хуже у неработающих пенсионеров и членов семей пенсионеров. Население предпенсионного возраста, то есть те россияне, которые должны стать пенсионерами в течение следующих пяти лет, также чаще критикуют, нежели поддерживают пенсионную реформу. Лишь 18% считают ее правильной и способной улучшить их положение, в то время как 36% имеют противоположное мнение. Увеличение пенсионного возраста воспринималось практически всеми россиянами как неправильное и вредное (рис. 30). Естественно, оно вызывает особенно негативную реакцию у тех, кто в ближайшие 5 лет достигает пенсионного возраста.

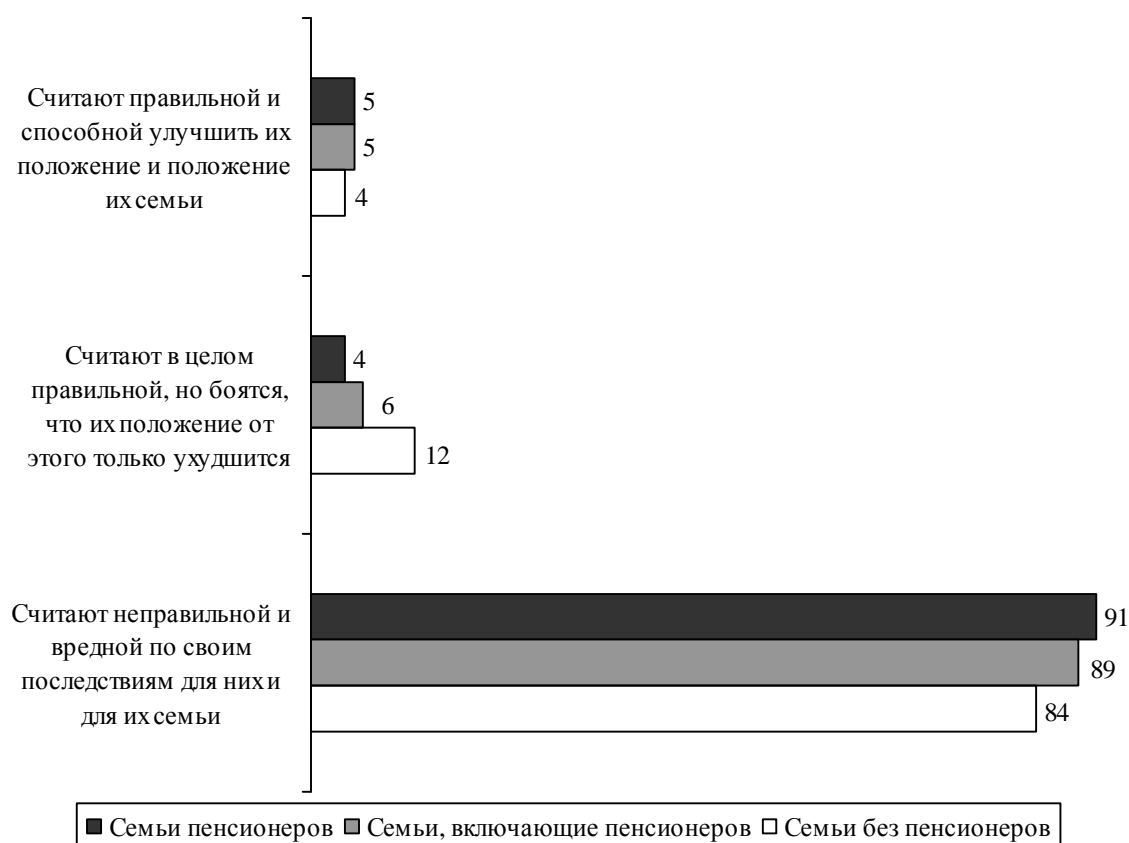

Рис. 30. Отношение к возможному увеличению возраста выхода на пенсию, % от осведомленных о дискуссиях на эту тему

На самом деле пенсионная реформа в первую очередь касается тех россиян, которые родились позже 1967 г. и имеют право на накопительную часть пенсии. Их же коснется и повышение возраста выхода на пенсию, которое вряд ли будет проведено в ближайшие несколько лет. Учитывая это, удивительно, что данная группа россиян наиболее лояльно относится к пенсионной реформе, хотя и понимают риск ухудшения собственного положения в результате ее реализации.

Россияне, родившиеся после 1967 г., не являются однородной группой. Пенсионная реформа по-разному воспринимается ее представителями из различных сфер профессиональной деятельности (табл. 6).

Как вытекает из данных на рисунке 31, максимальные показатели одобрения пенсионной реформы наблюдаются у предпринимателей и «самозанятых». Квалифицированные же рабочие и руководители среднего звена в минимальной степени поддерживают реформу. Лояльность к реформе снижается также с увеличением возраста. Если среди молодежи до 26 лет ее считают правильной и способной улучшить их положение 36% населения, то уже для 31–40-летних – этот показатель падает до 23%.

Отношение к изменениям в системе пенсионного обеспечения, % от осведомленных о них

	<i>Пенсионеры</i>	<i>Непенсионеры до 1967 г.р.</i>	<i>Непенсионеры после 1967 г.р.</i>
Отношение к пенсионной реформе, включая появление накопительной части пенсии для лиц после 1967 г. рождения			
Считают правильной и способной улучшить их положение и положение их семьи	17	23	28
Считают в целом правильной, но боятся, что их положение от этого только ухудшится	38	42	45
Считают неправильной и вредной по своим последствиям для них и для их семьи	45	35	27
Отношение к возможному увеличению возраста выхода на пенсию			
Считают правильной и способной улучшить их положение и положение их семьи	5	3	5
Считают в целом правильной, но боятся, что их положение от этого только ухудшится	6	10	12
Считают неправильной и вредной по своим последствиям для них и для их семьи	89	87	83

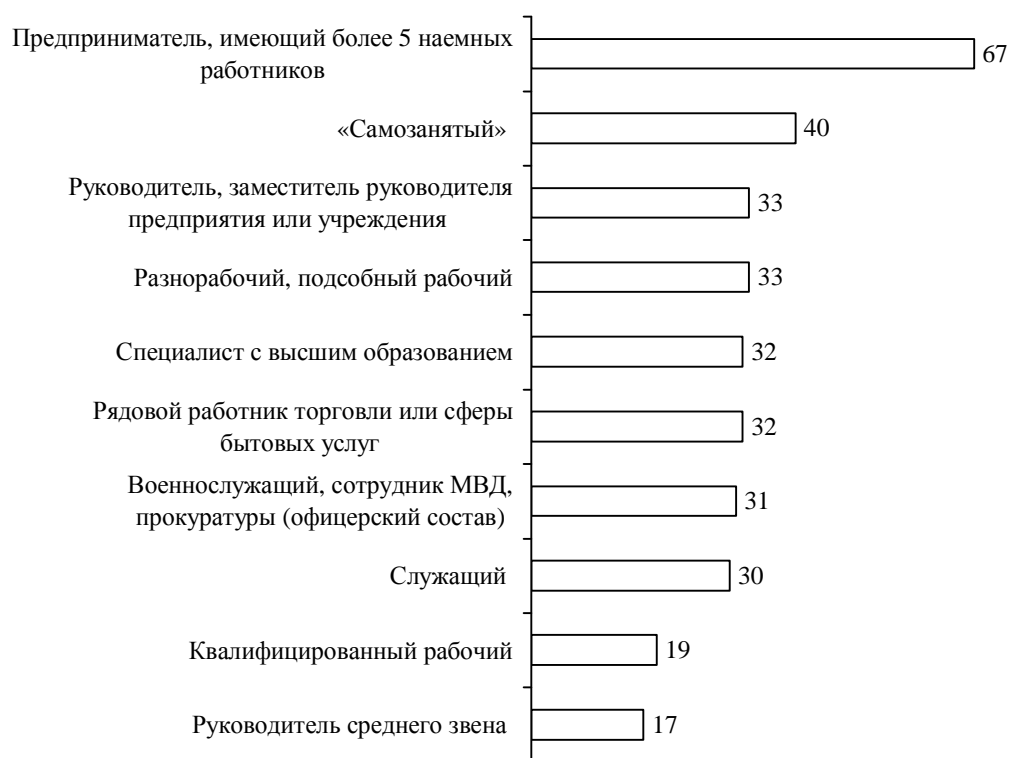

Рис. 31. Одобрение пенсионной реформы представителями разных групп по профессионально-должностному статусу, % от осведомленных о ней

Также по-разному на пенсионную реформу смотрят и представители групп, различающихся уровнем доходов. Чем больше среднедушевой доход в семье, тем более лояльно отношение к реформе (рис. 32).

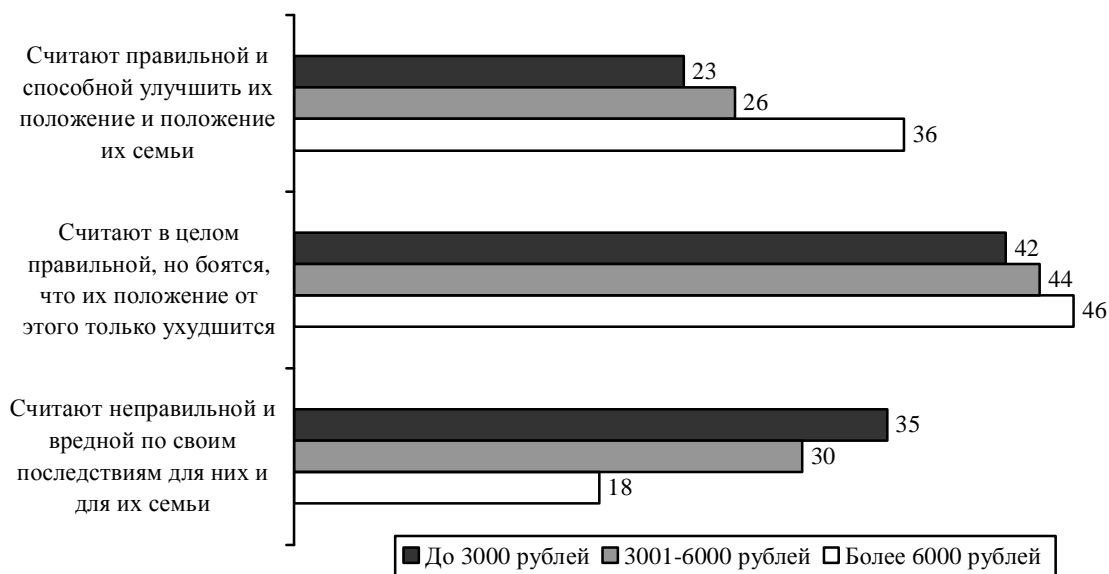

Рис. 32. Отношение к пенсионной реформе, включая появление накопительной части пенсии для лиц после 1967 г. рождения, у представителей разных доходных групп, % от осведомленных о ней

Несмотря на то, что пенсионная реформа воспринимается россиянами несколько неоднозначно, некоторые из них уже использовали свои новые права относительно размещения накопительной части пенсии в частных пенсионных фондах (всего 2%).

В этой связи в первую очередь стоит отметить, что именно те россияне, которые перевели накопительную часть своей пенсии в частные пенсионные фонды, в большей степени положительно расположены и к реформе в целом (табл. 7).

Таблица 7

Отношение к пенсионной реформе, включая появление накопительной части пенсии для лиц после 1967 г. рождения, % от осведомленных о местонахождении накопительной части своей пенсии¹

	<i>Считают правильной и способной улучшить их положение и положение их семьи</i>	<i>Считают в целом правильной, но боятся, что их положение от этого только ухудшится</i>	<i>Считают неправильной и вредной по своим последствиям для них и для их семьи</i>
Вкладчики государственного пенсионного фонда	25	44	31
Вкладчики частных пенсионных фондов	43	32	25

Основную часть клиентов частных пенсионных фондов России составляет население в возрасте 30–40 лет, живущее в основном в крупных городах. Наиболее склонны к вложениям в частные пенсионные фонды предприниматели и те россияне, чей среднедушевой доход составляет более 10000 руб. в месяц. Это говорит о том, что приумножить пенсионные отчисления при помощи более рискованных, но в то же время более доходных частных пенсион-

¹ Учитывались лишь те респонденты, которые говорили о размещении накопительной части пенсионных отчислений в том или ином пенсионном фонде.

ных фондов стараются в основном те, кто вкладывает туда достаточно крупные суммы в силу высоких заработных плат.

Несмотря на то, что значительно большей популярностью у россиян обладает пока государственный пенсионный фонд, его вкладчики чаще испытывают опасения относительно старости и потери средств к существованию. Среди клиентов частных фондов лишь 32% говорят о боязни остаться без средств к существованию и 8% – о боязни старости, в то время как для вкладчиков Государственного пенсионного фонда эти цифры равны 50% и 14%. Причины подобной разницы, скорее всего, кроются в том, что в частные пенсионные фонды изначально вкладывают свои средства более успешные россияне: жители мегаполисов с высокими доходами, которые в большей степени уверены в своем будущем. Но если население России поймет, что избираемая ими стратегия заботы об обеспеченной старости более эффективна и начнет их копировать, то распространение может получить и практика вложения накопительной части пенсионных отчислений в частные пенсионные фонды (хотя, разумеется, речь при этом идет о достаточно продолжительном периоде времени).

6. Здоровье россиян и реформа здравоохранения

Если от особенностей социальной политики по отношению к отдельным группам населения перейти к отраслям социальной сферы и национальным проектам социальной направленности, то первое, что следует выделить, – это проблемы здравоохранения. Повышенное внимание к данной проблематике объясняется не только плохим состоянием здоровья, но и общим страхом россиян потерять его. Важность и актуальность этого направления обуславливается также и тем, что здоровье является одним из главных компонентов человеческого капитала и в совокупности с другими факторами определяет не только возможности индивида на микроуровне, но и потенциал страны на макроуровне. Неудивительно, что качественное улучшение всей системы здравоохранения выделено Президентом России на уровень национальных проектов, отражающих основные приоритеты развития страны в социальной сфере.

Каковы же запросы россиян в сфере здравоохранения? Как они видят оптимальную организацию системы медицины и здравоохранения? Насколько соответствует этому идеалу предлагаемая реформа? И как население оценивает состояние своего здоровья?

Самооценка здоровья не может являться точным индикатором его реального состояния, но тем не менее на ее основе можно получить достаточно хорошее представление о существующей ситуации. Кроме того, именно самооценка здоровья может во многом определять поведение индивида (например, его активность на рынке труда), а также его самочувствие, субъективную оценку степени своей «включенности» в общество и соответственно степень удовлетворенности своими возможностями и своей жизнью в целом. Именно самооценка здоровья во многом определяет и поведение индивида с точки зрения его взаимодействия с системой государственной и частной медицины.

Как видно из данных, представленных на рисунке 33, более 50% населения оценивают состояние своего здоровья как среднее. При этом суммарная доля тех, кто оценивает свое здоровье как отличное и хорошее, превышает долю тех, кто оценивает его как плохое и очень плохое.

Стоит отметить, что мужчины в целом лучше оценивают состояние своего здоровья, чем женщины. Так, среди мужчин только около 12% оценили свое здоровье как плохое или очень плохое, в то время как аналогичная оценка была свойственна 21% женщин. Аналогичным образом гораздо больший процент мужчин оценили свое здоровье как хорошее и отличное. Возможно, именно в завышенной самооценке своего здоровья, явно не совпадающей с данными статистики, кроется одна из причин ранней смертности российских мужчин.

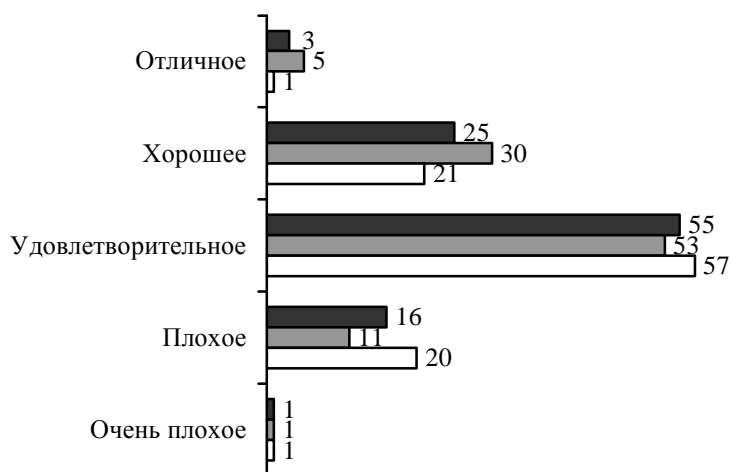

Рис. 33. Самооценка здоровья россиянами в зависимости от пола, %

Самооценка здоровья напрямую связана с возрастом респондентов. Чем выше возраст, тем более негативную оценку дают россияне своему здоровью. Наибольшим оптимизмом в отношении здоровья отличаются люди в возрасте до 30 лет, наиболее пессимистичные оценки высказывают россияне старше 60 (табл. 8).

Таблица 8

Самооценка здоровья в различных возрастных группах, % от численности групп

Самооценка здоровья	Возраст				
	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
Отличное	9	4	2	1	0
Хорошее	47	39	24	10	5
Удовлетворительное	38	52	65	65	53
Плохое	6	5	9	23	37
Очень плохое	0	0	0	1	5

Как видно из таблицы 8, различия между возрастными группами в оценке своего здоровья очень значительны. Если россияне моложе 30 лет оценивают свое здоровье обычно позитивно (как отличное или хорошее) (50%), то старше 50 лет эта доля не превышает 11%. В свете этого вполне понятна общая боязнь потери здоровья.

Что касается типа поселения, то наибольший оптимизм в отношении своего здоровья проявляют жители Москвы и Санкт-Петербурга. Среди них положительно оценили свое здоровье около 45% опрошенных, в то время как в селах, где оценка отличалась наибольшим пессимизмом, эта доля оказалась более чем в два раза ниже (21%).

Интересно также, что самооценка здоровья тесно связана с уровнем дохода и жизни. По мере перехода от низкодоходных к высокодоходным группам и от низших страт к высшим растет доля оценивающих свое здоровье как хорошее и отличное, а доли оценивающих свое здоровье как плохое или удовлетворительное, наоборот, сокращаются. Так, в трех низших стратах положительно оценивают свое здоровье менее 20% россиян, а в высших стратах эта доля оказывается в три раза выше. Таким образом, люди, занимающие верхние позиции в иерархической структуре общества, отличаются от остального населения не только лучшим материальным положением и уровнем жизни, но и положительной самооценкой своего здоровья.

Взаимосвязь между уровнем жизни и самооценкой здоровья может наблюдаться в обоих направлениях. Состояние здоровья, отражающееся в его самооценке, влияет на возможности

индивида на рынке труда (способность выдерживать тот или иной уровень нагрузок, использовать шансы дополнительных заработков). Плохое состояние здоровья может являться фактором снижения конкурентоспособности и, следовательно, занятия менее выгодной позиции на рынке труда. При этом положение, занимаемое на рынке труда, является для россиян одним из ключевых факторов, определяющих их благосостояние, поскольку заработная плата, получаемая по месту основной или (и) дополнительной работы, является в подавляющем большинстве случаев главным источником дохода. Кроме того, плохое состояние здоровья (или его самооценка как плохого) будет отражаться на структуре трат домохозяйств. Необходимость покупки дорогостоящих лекарств и прохождения платных осмотров или лечения может отвлечь значительную долю средств из общего дохода домохозяйства.

С другой стороны, уровень жизни домохозяйства во многом определяет структуру питания, которая, в свою очередь, может влиять на состояние здоровья. Уровень жизни непосредственно связан и с доступностью платных и оздоровительных услуг, что также может определять оптимистичную или пессимистичную оценку своего здоровья.

Исследование показало, что люди с более низкой самооценкой здоровья хуже оценивают свою жизнь в целом. Это неудивительно, так как роль здоровья в полноценной жизни действительно трудно переоценить (рис. 34).

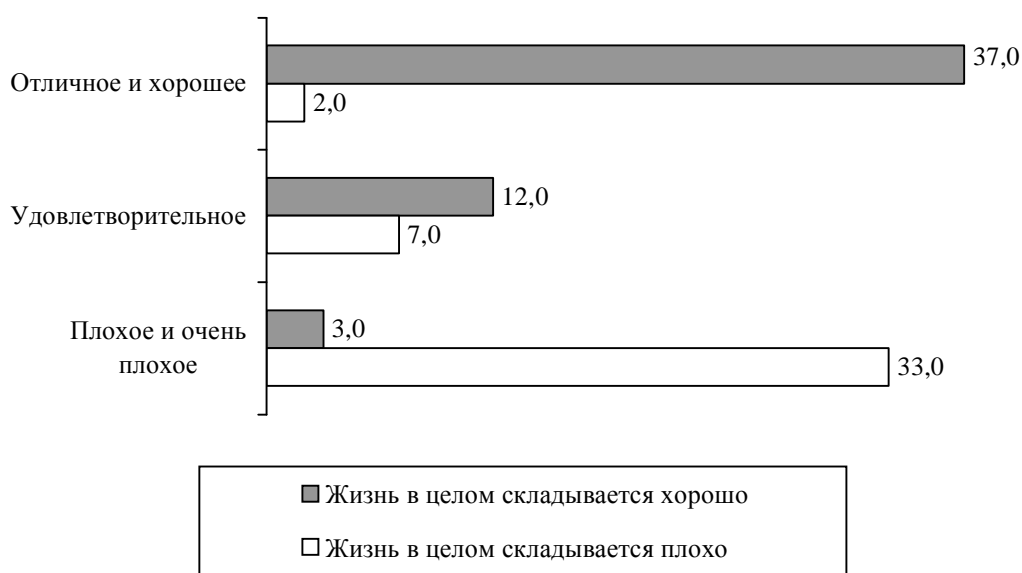

Рис. 34. Оценка своей жизни в группах с различной самооценкой здоровья, % от группы¹

Из рисунка 34 видно, что более трети россиян с отличным или хорошим здоровьем считают, что в целом их жизнь складывается хорошо, и лишь 2% считают, что жизнь складывается плохо. В группе с плохим и очень плохим здоровьем наблюдаемая картина имеет прямо противоположный характер: практически треть населения считает свою жизнь плохой, и менее 3% считают ее хорошей. Как оказалось, такие различия нельзя списать исключительно на различия материального положения или уровня жизни групп с различной самооценкой здоровья. Данная тенденция сохраняется и при рассмотрении однородных групп с сопоставимым уровнем жизни (наиболее благополучных россиян, россиян из средних слоев и наименее благополучных групп населения). Таким образом, влияние состояния здоровья на общую удовлетворенность жизнью очень велико.

Особая значимость здоровья для россиян подтверждается тем, что 71% населения отмечает: больше всего они опасаются в жизни именно потери своего здоровья и здоровья близких людей.

¹ В вопросе присутствовал также вариант ответа «Жизнь в целом складывается удовлетворительно», не представленный на рисунке.

Стоит отметить, что потери здоровья опасаются все возрастные когорты населения. Даже среди молодого поколения (до 30 лет) страх потери здоровья отмечают более 60% респондентов. Чаще всего такой ответ дают люди в возрасте от 51 до 60 лет, то есть работающие россияне, но уже в силу возраста столкнувшиеся с проблемами здоровья, влияющими на возможность активной работы и полноценной жизни.

Кроме того, опасение потери здоровья тем сильнее, чем хуже человек оценивает свое текущее состояние здоровья (табл. 9).

Таблица 9

Доля россиян, опасющихся потери здоровья, в группах с различной самооценкой здоровья, % от численности групп

	<i>Самооценка здоровья</i>				
	<i>Отличное</i>	<i>Хорошее</i>	<i>Удовлетворительное</i>	<i>Плохое</i>	<i>Очень плохое</i>
Доля опасующихся потери здоровья	55	67	73	73	78

Одним из важных факторов, определяющих такую высокую значимость здоровья, является его роль, связанная с возможностью или невозможностью получить хорошо оплачиваемую работу и обеспечить себе достойный уровень жизни. Не случайно доля тех, кто называет потерю здоровья в числе основных жизненных страхов, немного увеличивается с ростом дохода и уровня жизни – им уже есть что терять, но они еще не имеют капитала, который обеспечивал бы их доходом независимо от состояния здоровья. Так, среди тех, кто имеет среднемесячный доход менее 1500 руб. в расчете на одного члена семьи, опасались потери здоровья около 68% россиян, а среди тех, для кого этот показатель превышал 10000 руб. – практически три четверти респондентов. Такие же различия проявлялись и при рассмотрении различных страт, выделенных по уровню жизни.

Показательно, что около 40% россиян говорят о том, что людей из их окружения, живущих за чертой бедности, привела к этой ситуации болезнь или инвалидность. Именно этот вариант ответа называется россиянами чаще всего в качестве причины, приведшей к бедности их знакомых, опережая даже такие варианты, как длительная безработица и недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению.

В наибольшей степени такое понимание причин бедности людей из их окружения свойственно людям, принадлежащим к старшим возрастным когортам. Если среди тех, кто младше 30 лет, такой ответ давали около четверти респондентов, то среди тех россиян, кому уже «за 50», эта доля составила около 50%. Как видим, эта проблема наиболее остро стоит именно для людей старшего поколения, которые хорошо понимают связь здоровья и возможности обеспечивать свое существование, поддерживая определенный стандарт жизни, так как в максимальной степени находятся под угрозой потери здоровья и соответственно работоспособности.

Однако вне зависимости от самооценки здоровья, материального благосостояния и уровня жизни проблемы здоровья касаются так или иначе всех россиян. Несмотря на то, что в верхних стратах доля позитивно оценивающих состояние здоровья выше, чем в средних, а оценка в наименее благополучных группах является наиболее негативной, доля тех, кто за последний год в реальности сталкивался с проблемами своего здоровья или здоровья близких, незначительно варьируется в группах с различным уровнем благосостояния и колеблется в пределах 35%.

Но если представители разных социальных групп одинаково часто сталкиваются с проблемами, связанными со здоровьем, и дифференциации в этом вопросе практически не наблюдается, то иначе обстоит дело с опасением невозможности получить медицинскую помощь даже при острой необходимости. Такой страх называют в числе основных 29% россиян, то есть почти треть всего населения страны. Подобные опасения в большей мере свойственны наименее обеспеченным группам, пожилому населению страны, а также группам с

низкой самооценкой своего здоровья. Вместе с тем они касаются и других групп, пусть и в меньшей степени.

Опасения россиян невозможности получения медицинской помощи имеют под собой реальные основания. За последний год 62% наших сограждан из числа нуждавшихся в медицинской помощи (т.е. 38% от числа всех россиян) не смогли ее получить только из-за нехватки денег. При этом у 40% россиян никто в их семье в течение года не нуждался в медицинской помощи и 23% заявили о том, что в подобной ситуации средства всегда находились. На рисунке 35 видно, какие виды медицинской помощи оказались в наибольшей степени недоступными для россиян.

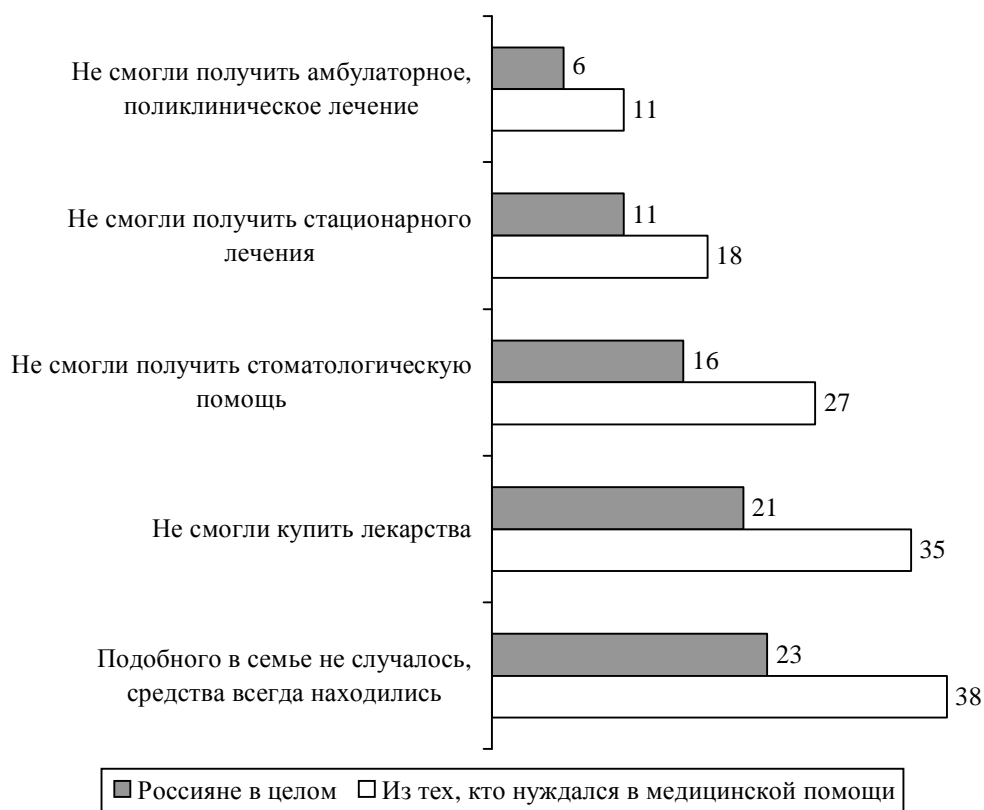

Рис. 35. Ответ на вопрос: «За последний год случилось ли так, что Вы или кто-то из членов Вашей семьи нуждались в каком-то из видов медицинской помощи и не смогли ее получить только из-за нехватки денег?», % (допускалось несколько ответов)

Более 70% россиян, которые не смогли получить требуемую медицинскую помощь, хотя и нуждались в ней, являются представителями наименее благополучных групп населения и принадлежат к четырем нижним стратам по уровню жизни.

Кроме того, несмотря на все льготы, наиболее незащищенными в плане получения столь необходимой им медицинской помощи оказываются пожилые россияне. Среди тех, кто нуждался в медицинской помощи и был при этом старше 60 лет, 73% не смогли за последний год получить необходимую медицинскую помощь или купить требуемые лекарства из-за нехватки денег. Эта доля меньше в других возрастных когортах и достигает минимального значения в группе россиян до 30 лет, оставаясь все же очень высокой – 55% россиян младше 30 лет, которые нуждались в медицинской помощи, не смогли ее получить из-за нехватки средств (табл. 10).

Проблема нехватки средств для получения необходимой медицинской помощи в различных возрастных когортах, %¹

<i>Возраст</i>	<i>До 30 лет</i>	<i>31-40 лет</i>	<i>41-50 лет</i>	<i>51-60 лет</i>	<i>Старше 60</i>
Не смогли получить требуемую медицинскую помощь из-за нехватки средств	55	57	56	68	73

Важно также отметить, что в наибольшей степени пострадали от недостатка средств на медицинскую помощь люди с плохим, по их самооценке, здоровьем (рис. 36).

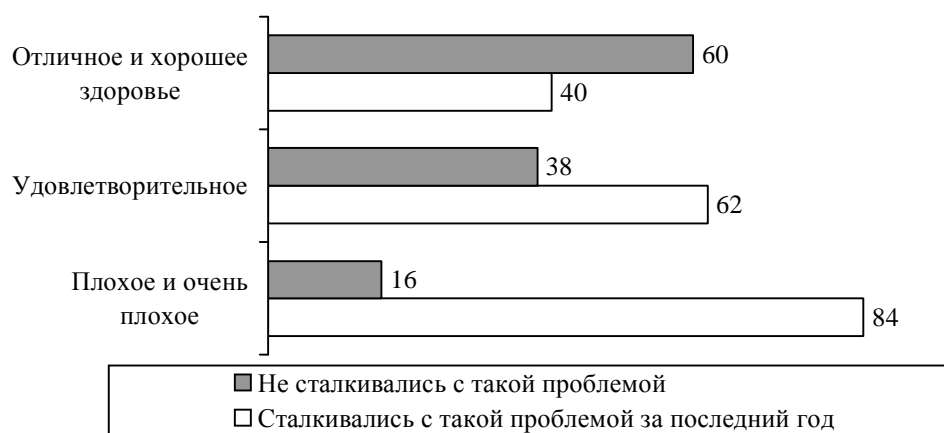

Рис. 36. Проблема нехватки средств для получения необходимой медицинской помощи в группах с различной самооценкой своего здоровья, % от группы²

Как видно из анализа данной ситуации, люди с плохим здоровьем – представители менее благополучных слоев населения – больше страдают от необходимости использования платной медицины или неформальных платежей врачам. Они вынуждены отказывать себе в требуемой медицинской помощи из-за нехватки средств. Кроме того, с проблемами такого рода чаще сталкиваются представители старших возрастных групп.

Исследование показало, что от невозможности купить требуемые лекарства из-за недостатка денег в большей степени страдали домохозяйства, в которых были инвалиды (1-й или 2-й группы инвалидности) или хронические больные. Несмотря на то, что эти группы населения должны иметь льготы на покупку необходимых лекарств, 35% семей с инвалидами и 43% семей с хронически больными за последний год перед опросом не смогли приобрести необходимые лекарства из-за нехватки средств (при среднем по России значении 21%). Монетизация льгот в том виде, как она была проведена, имела, видимо, весьма существенные технические дефекты, и в результате даже хронически больные и инвалиды зачастую вынуждены отказывать себе в покупке жизненно необходимых им лекарств. В этой связи надо отметить, что на результатах исследования еще не успели сказаться последствия отказа части инвалидов от права на бесплатные лекарства. В противном случае доля тех, кто не смог бы приобрести необходимые лекарства из-за нехватки денежных средств, оказалась бы еще выше.

¹ Расчеты приведены для тех, кто нуждался в медицинской помощи или лекарствах.

² Рассчитано для тех россиян, кто нуждался в медицинской помощи.

Учитывая тот факт, что почти двум третям нуждавшихся в услугах здравоохранения или лекарствах россиян пришлось за последний год отказаться от использования того или иного вида необходимой им медицинской помощи, стоит обратиться к вопросу о том, где стали бы они доставать деньги, если бы им или их родственникам предстояло дорогостоящее лечение или платная операция (рис. 37).

Рис. 37. Ответ на вопрос: «Если бы Вам или Вашим родным предстояла платная операция или дорогостоящее лечение, где бы Вы взяли на это средства?», % (допускалось несколько вариантов ответов)

Из рисунка 37 понятно, что лишь 14% россиян, оказавшись в подобной ситуации, смогли бы справиться с ней самостоятельно. В то же время 45% россиян пришлось бы обращаться за помощью к родственникам и друзьям, и еще около 10% обратились бы в различные государственные или общественные организации (прежде всего в органы социальной защиты населения, администрации, банки и профсоюзы).

Более 40% населения просто не представляли, что они смогли бы сделать в такой ситуации, причем свыше половины из них составляли люди старше 50 лет, для которых риск попасть в подобное положение относительно выше. Кроме того, половина из тех, кто не представлял, что стал бы делать в такой ситуации, за последний год и так уже не смогла получить медицинской помощи для себя или своих родных из-за нехватки средств. Иначе говоря, это та доля населения, которая, с одной стороны, реально нуждается в медицинской помощи, а с другой – исчерпала все доступные для ее получения ресурсы.

Вполне предсказуемо, что люди не знающие, что они стали бы делать, столкнувшись с необходимостью дорогостоящего лечения, являются представителями наименее благополучных групп населения. Отметим также, что не знают, что они стали бы делать в такой ситуации, более половины россиян в каждой из трех низших страт. Это та треть населения, которая лишена всякого социального и экономического ресурса, и уже не может рассчитывать даже на помощь знакомых или родственников, а уж тем более обращаться в банк или профсоюзы. Далее, по мере роста уровня жизни, доля тех, кто не знает, что он стал бы делать, сокращается (рис. 38).

Однако именно в низших стратах россияне наименее оптимистично оценивают свое здоровье и вероятность столкнуться с такой ситуацией в жизни для них выше. Таким образом, при возникновении проблем со здоровьем половина представителей низших слоев населения, составляющих около 40% всего населения России, окажется не в состоянии решить эти проблемы, не сможет найти никаких путей выхода. Более того и в 4—5 стратах, состав-

ляющих в совокупности еще около 40% населения, 35—40% также не смогут найти необходимые средства.

Какие резервы для предотвращения такого рода угрозы могут использовать россияне, «подключив» предлагаемые для этого в условиях рыночной экономики возможности, в частности кредиты?

Рис. 38. Доля россиян, не представляющих, где бы они достали деньги на дорогостоящее лечение, в различных стратах, % от численности страт

Как показало исследование, в России кредитование для решения проблем со здоровьем пока не распространено. За последние три года кредит для решения проблем, связанных со здоровьем (операция, протезирование, санаторий, поездка на курорт и т.д.), использовали в целом менее 2% россиян. Причем в верхних стратах кредитование используется более активно, чем в низших: если, в нижних четырех стратах кредитование для решения проблем со здоровьем использовали только 1% их представителей, то в верхних трех стратах эта доля оказалась практически в четыре раза выше.

В течение ближайшего года планировали использовать такой кредит 1% россиян. Вновь это намерение активнее выражали именно представители наиболее благополучных слоев населения.

Важно отметить, что при этом россияне в целом и представители наименее благополучных слоев населения довольно активно использовали потребительское кредитование (для покупки бытовой техники, компьютеров, мобильных телефонов). В среднем по России за последние три года такой вид кредитов брали 15% представителей низших страт. Причем россияне, которые говорили о том, что им не хватает денег на получение необходимой медицинской помощи, пользовались потребительскими кредитами в той же мере, что и россияне, не сталкивавшиеся с подобной проблемой.

Полученные данные говорят о том, что кредитование пока не воспринимается как источник финансирования медицинских расходов, и вряд ли станет таковым в ближайшем будущем, так как его использует или планирует использовать очень малая доля населения, особенно из тех слоев, которые действительно нуждаются в таком финансировании.

Другой возможностью для россиян самостоятельно решить проблемы со здоровьем и обезопасить себя на случай неожиданно возникающих проблем является добровольное медицинское страхование. По результатам исследования, 62% населения знают о такой форме организации медицинского обслуживания, но за счет собственных средств в 2005—2006 г. его использовали лишь 12%, в основном представители наиболее обеспеченных слоев (рис. 39).

Как видим, добровольное медицинское страхование, являясь относительно новой практикой для россиян, как и кредитование на медицинские услуги, пока не прижилось в стране. Максимально оно используется высшими слоями российского общества, однако и в этих слоях его использует лишь пятая часть респондентов, хотя для представителей высших страт забота о здоровье характерна в большей степени. Вполне вероятно, что по мере появления соответствующей материально-технической базы в учреждениях здравоохранения можно ожидать роста доли использующих такой вид медицинского обслуживания, так как средства для этого в верхних слоях есть. Стоит также добавить, что только в Москве и Санкт-Петербурге доля использовавших добровольное медицинское страхование приближалась к отметке 20%, во всех остальных типах поселения эта доля была практически в два раза ниже.

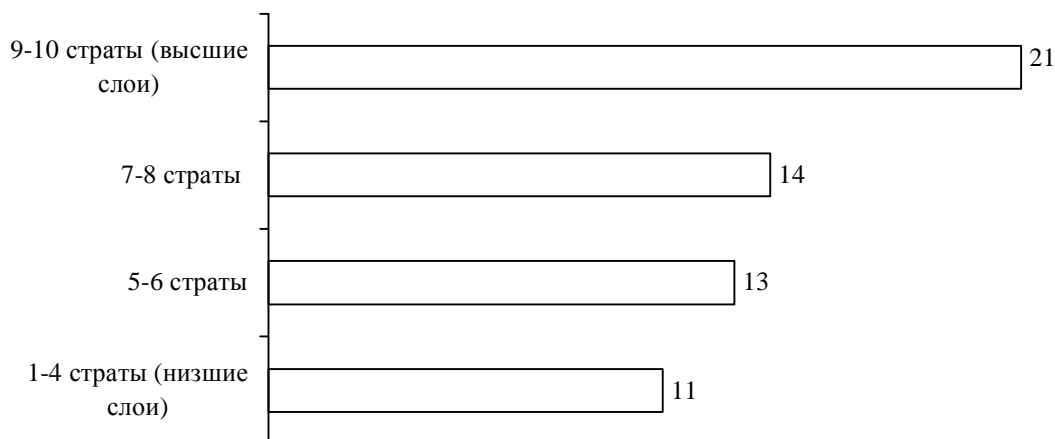

Рис. 39. Доля использовавших в 2005–2006 гг. добровольное медицинское страхование в различных стратах, выделенных по уровню жизни, %

Таким образом, говорить о добровольном медицинском страховании как о новой форме организации медицинского обслуживания и механизме самостоятельного решения проблемы финансирования медицинских услуг применительно ко всей России пока преждевременно. Однако у него есть реальный потенциал для роста в наиболее благополучных слоях населения, проживающих в крупных городах (верхние 5—10% населения).

Еще один возможный механизм самостоятельного решения проблем со здоровьем – это обращение к знакомым врачам. 37% россиян имеют знакомого врача, к которому можно обратиться в случае необходимости. Однако в наибольшей степени это вновь свойственно наиболее благополучным группам населения (более половины представителей двух верхних страт имеют такого врача, в то время как в четырех низших стратах об этом говорят менее трети респондентов).

Исследование показало, что значительная часть населения сталкивается с теми или иными проблемами в сфере здоровья, которые они не в состоянии решить самостоятельно. Рыночные механизмы для их решения пока практически не распространены. Социальная политика в области здравоохранения является наиболее острым и актуальным вопросом для всего населения страны в сфере государственного регулирования. Поэтому подавляющее большинство россиян убеждено: ответственность за решение проблем здравоохранения и медицинской помощи должно нести государство (рис. 40).

Как видно из рисунка 40, практически все россияне считают, что ответственность за медицинское обслуживание лежит на государстве в лице его федеральных, региональных и местных властей. Только 1% населения заявляет о том, что ответственность должно нести население. Очевидно, что патерналистские ожидания россиян именно в сфере здравоохранения очень высоки, и, учитывая их низкие реальные возможности и остроту проблем с получением требуемой медицинской помощи, это вполне естественно. В связи с этим нужно

понимать, что любые реформы в медицинском обслуживании, которые будут восприняты россиянами как попытка государства сократить свою ответственность в данной сфере, столкнутся с высоким уровнем сопротивления.

Рис. 40. Кто, по мнению россиян, должен нести ответственность за решение проблем в сфере медицинской помощи, %

Поэтому вполне ожидаемо и то, что большая часть наших сограждан считают реформу здравоохранения, предусматривающую ограниченный перечень случаев, в которых медицинская помощь в рамках госстандарта останется бесплатной, а все остальные медицинские услуги станут платными, неправильной и вредной по своим последствиям. Так отозвались о реформе здравоохранения 60% россиян. При этом правильной и способной улучшить их положение и положение их семьи считают данную реформу лишь 5% россиян. Еще 23% считают реформу в целом правильной, но опасаются, что их собственное положение от этого только ухудшится, а 16% не знают суть этой реформы и считают, что она не имеет к ним никакого отношения.

Наиболее критично к подобной реформе относятся люди старших возрастов. Практически 70% россиян старше 50 лет считают ее неправильной и вредной. Однако и в остальных возрастных группах процент не принимающих такое направление реформирования достаточно велик (табл. 11).

Таблица 11

Негативное отношение к реформе медицины и здравоохранения в различных возрастных когортах, %

	<i>Возраст</i>						
	<i>18–21 лет</i>	<i>22–26 лет</i>	<i>27–30 лет</i>	<i>31–40 лет</i>	<i>41–50 лет</i>	<i>51–60 лет</i>	<i>Старше 60 лет</i>
Считают реформу неправильной и ухудшающей их положение	43	44	51	59	59	67	69

Лучше понять критическое отношение россиян к переходу на новый тип взаимоотношений с системой здравоохранения, при котором предусматривается лишь ограниченный перечень случаев, в которых медицинская помощь останется бесплатной, можно в контексте их общих представлений о социальной политике в сфере здравоохранения. Только так можно определить, что в этой оценке идет от нормативной модели, а что – от физической невозможности самостоятельно справиться с возникающими проблемами, связанными со здоровьем.

Как показало исследование, 48% россиян считают, что люди должны хотя бы частично оплачивать медицинские услуги. При этом 52% уверены, что даже частичной оплаты услуг не должно быть. Более склонны говорить о самостоятельной (хотя бы частичной) оплате люди из более обеспеченных групп, которые имеют такую возможность (рис. 41). Таким образом, при наличии необходимых для этого средств россияне готовы частично брать на себя ответственность за решение своих проблем, связанных с финансированием услуг здравоохранения.

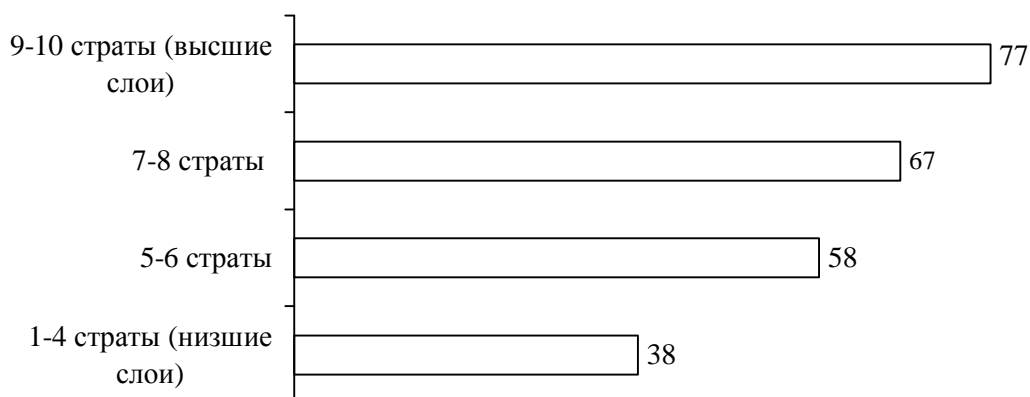

Рис. 41. Отношение к частичной оплате самим человеком медицинских услуг в различных стратах, выделенных по уровню жизни, %

Отношение к оплате медицинских услуг зависит и от возраста. Россияне более старших возрастов гораздо чаще говорят о том, что даже частичной оплаты услуг самим человеком быть не должно. Среди тех, кто старше 60, с принципом частичной оплаты соглашается лишь треть, в то время как в молодых группах картина прямо противоположная – практически две трети считают, что частичная оплата должна присутствовать.

Кроме того, отношение к оплате медицинских услуг связано и с самооценкой здоровья респондентов – чем лучше они оценивают свое здоровье, тем более склонны выступать в поддержку частичной оплаты.

Однако в ответах на вопрос: «Должно ли государство обеспечивать полное медицинское обслуживание, увеличив при этом налог на рядовых граждан?» большинство россиян придерживались мнения, что не должно (70%), и ряд сторонников полной бесплатности медицинского обслуживания также оказались в рядах противников роста налогов на граждан ради этой цели. Интересно, что в данном случае на мнение респондентов практически не оказывали влияние их уровень жизни, различная самооценка здоровья, а также возраст. Явно выделялась только одна возрастная группа (старше 60 лет), в которой поддержка полного медицинского обеспечения со стороны государства была более распространена, чем в других возрастных группах, возможно, потому, что рост налогов при этом им не грозит.

На вопрос о том, согласны ли они сами платить больше налогов, чтобы обеспечить всем нуждающимся бесплатную медицинскую помощь, ответы распределились так: 25% россиян заявили о своей готовности, а 75% были не готовы к этому. Таким образом, лишь четверть россиян говорят о том, что ради возможности предоставления бесплатной медицинской помощи всем жителям страны, которым она может потребоваться, они лично готовы отказаться от части своего дохода. Доля тех, кто выбрал такой ответ, выше в наиболее благополучных слоях населения, хотя и в низших слоях (1–4-й страте) пятая часть всех респон-

дентов также соглашаются с такой гипотетической ситуацией. Мотивы подобных ответов при этом различны: в верхних стратах у населения больший доход и повышение налогов ради улучшения медицинской помощи кажется довольно безболезненным, в низших стратах основную роль может играть не величина дохода, которой придется пожертвовать, а возможность получения бесплатной медицинской помощи, которая в ином случае может оказаться недоступной. Однако во всех стратах большинство их представителей не готовы идти на жертвы ради возможности бесплатной медицинской помощи для всего населения страны и требуют обеспечения ее от государства. Эту позицию очень важно учитывать при реформаторских инициативах в сфере здравоохранения и медицины.

7. Оценка ситуации и реформ в сфере образования

Реформа образования в России, так же как и реформа здравоохранения, является одной из наиболее болезненных. Это сопряжено не только с тем, что изменяется устоявшаяся десятилетиями формальная организация учебного процесса (количество лет обучения на той или иной ступени, механизмы перехода от одной ступени к другой и т.д.), но и с тем, что образование — одна из важнейших ценностей россиян. Можно сказать, что поведение в сфере образования является своеобразной «лакмусовой бумажкой» ценностных установок населения. Поэтому при проведении реформы в этой области необходимо четко понимать, насколько она соответствует ожиданиям россиян и на чьи плечи ляжет основное бремя нововведений.

Как обстоят дела с образованием населения в настоящий момент?

В целом в этой области можно отметить несколько явно выраженных тенденций, учет которых позволяет понять, почему образование является для россиян значимой ценностью и «лифтом» для восходящей социальной мобильности. Речь идет о том, что чем выше уровень образования, тем больше смещение места проживания людей из сельской местности в сторону крупных городов, тем выше место в профессионально-должностной иерархии и тем выше уровень дохода. Так, большинство людей, обладающих начальным и неполным средним образованием, являются жителями сельской местности (56%), квалифицированными рабочими или разнорабочими (81%), среднедушевой уровень дохода которых чаще всего не превышает 3000 руб. в месяц (49%). Обладатели общего среднего образования проживают преимущественно в районных центрах и сельской местности (28% и 36% соответственно). Они заняты в сфере торговли и бытовых услуг (17%), на рабочих специальностях (70%). Их уровень дохода составляет преимущественно до 4500 руб. в месяц на человека (62%).

Место проживания людей со средним специальным образованием смещается в сторону городов: 25% из них проживают в областных центрах, 32% — в районных городах, хотя 23% живут на селе. Соответственно месту проживания изменяется и структура занятости. Так, занятость в городах сейчас часто предполагает «офисную» работу, и действительно 23% людей со средним специальным образованием востребованы именно в таких сферах: служащие, офисные работники, работники из числа технического персонала (секретари, лаборанты, библиотекари, охранники и т.д.). К этому добавим, что 18% заняты в сфере торговли и бытового обслуживания 39% являются квалифицированными рабочими. Они лучше материально обеспечены по сравнению с предыдущей группой: лишь 52% из них имеют доход менее 4500 руб. в месяц на человека.

Большинство людей, имеющих высшее образование, проживают в областных и районных центрах (38% и 28% соответственно), а 63% из них работают на должностях специалистов. Эта группа является и наиболее материально обеспеченной по сравнению с остальными: только 31% среди людей с высшим образованием имеют среднедушевой доход до 4500 руб., 19% — 4500—6000 руб., половина имеет доход свыше 6000 руб. в месяц на человека.

Улучшение положения с ростом образования связано не только с более высокими денежными доходами. Подобные изменения затрагивают и уровень жизни в целом, включая

обеспечение предметами длительного пользования, рекреационные возможности, сберегательную активность, возможность питаться и одеваться и т.д. (рис. 42).

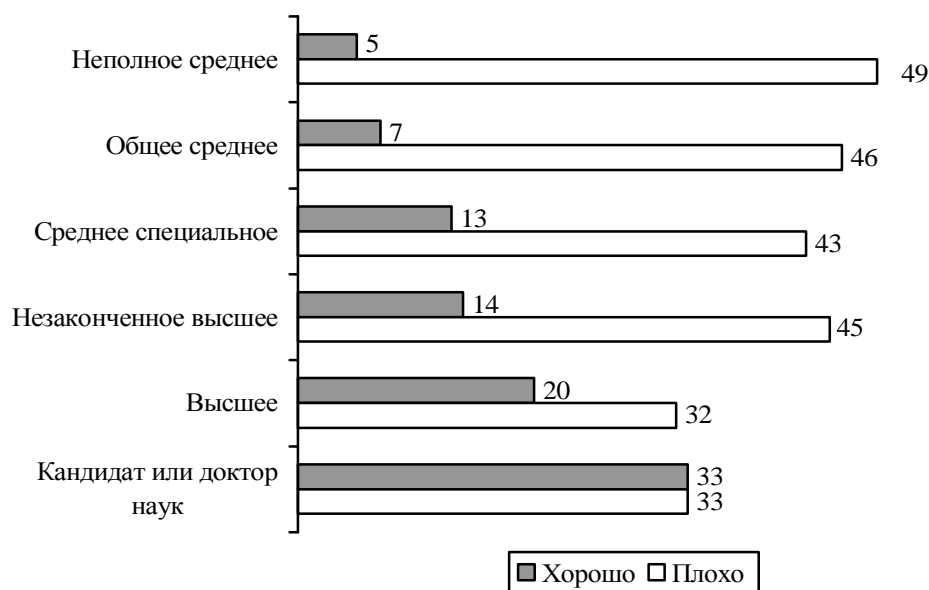

Рис. 42. Распределение мнений россиян относительно возможностей отдыха в период отпуска в зависимости от уровня образования, %

Интересно отметить, что зафиксированная в ходе исследования связь уровня благосостояния и уровня образования осознается и самими россиянами. Так, почти четверть россиян, имеющих в своем ближайшем окружении людей, живущих за чертой бедности, считает причиной их нынешнего тяжелого положения плохое образование и низкую квалификацию. При этом 33% семей в 1—4-й стратах оценивают свои возможности получения необходимых знаний как плохие, и лишь 16% — как хорошие. Из этого можно сделать вывод о том, что причиной негативных оценок доступности образования выступают недостатки государственной политики в сфере образования, фактически дискриминирующей от него наименее обеспеченные слои населения.

В настоящее время образование играет важную стратифицирующую роль в российском обществе. В свете этого выглядит тем более опасной зафиксированная в ходе исследования тенденция сокращения доли молодежи до 30 лет, имеющей профессиональное образование, хотя доля тех, кто имеет высшее и незаконченное высшее образование, остается при этом неизменной (табл. 12).

Таблица 12

Уровень собственного образования россиян в зависимости от возрастной когорты, % от соответствующей возрастной группы

Собственный уровень образования	Возраст				
	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
Начальное	0	0	0	1	9
Неполное среднее	6	3	1	10	22
Общее среднее	23	16	22	23	16
Среднее специальное	41	51	44	33	26
Незаконченное высшее	7	2	1	2	2
Высшее	24	27	31	31	24

Как видно из таблицы 12, если среди 31–40-летних россиян доля не имеющих профессионального образования составляла 19%, то среди лиц младше 30 лет – уже 29%. Важно отметить, что люди в возрасте до 30 лет, имеющие неполное среднее и общее среднее образование (т.е. не проходившие профессиональной подготовки), живут преимущественно в сельской местности и рабочих поселках городского типа. Здесь может играть роль значительное сокращение практики целевых наборов в учебные заведения, использовавшихся в советское время и дававших шансы получения достаточно высокого образования для сельских жителей за счет возвращения «целевиков» после окончания учебы на прежнее место жительства. Учитывая низкий уровень доходов негородского населения, расходы, связанные с пропитанием и жильем студентов в период учебы в городах с высоким уровнем жизни, не говоря о проезде до места учебы и обратно, для многих родителей сегодня становятся неподъемными. Государство от помощи этой категории населения, судя по полученным данным, практически самоустранилось. Не случайно в настоящее время сельские жители отмечают ухудшение возможностей получения образования чаще жителей других населенных пунктов (рис. 43).

Это свидетельствует о том, что стремление к получению образования среди селян не ослабевает, но наталкивается в своей реализации на объективные проблемы, которые не могут быть решены самостоятельно. Проблемы с получением образования ограничивают возможности профессионального роста и снижают уровень дохода, возможности самостоятельно решить проблему образования.

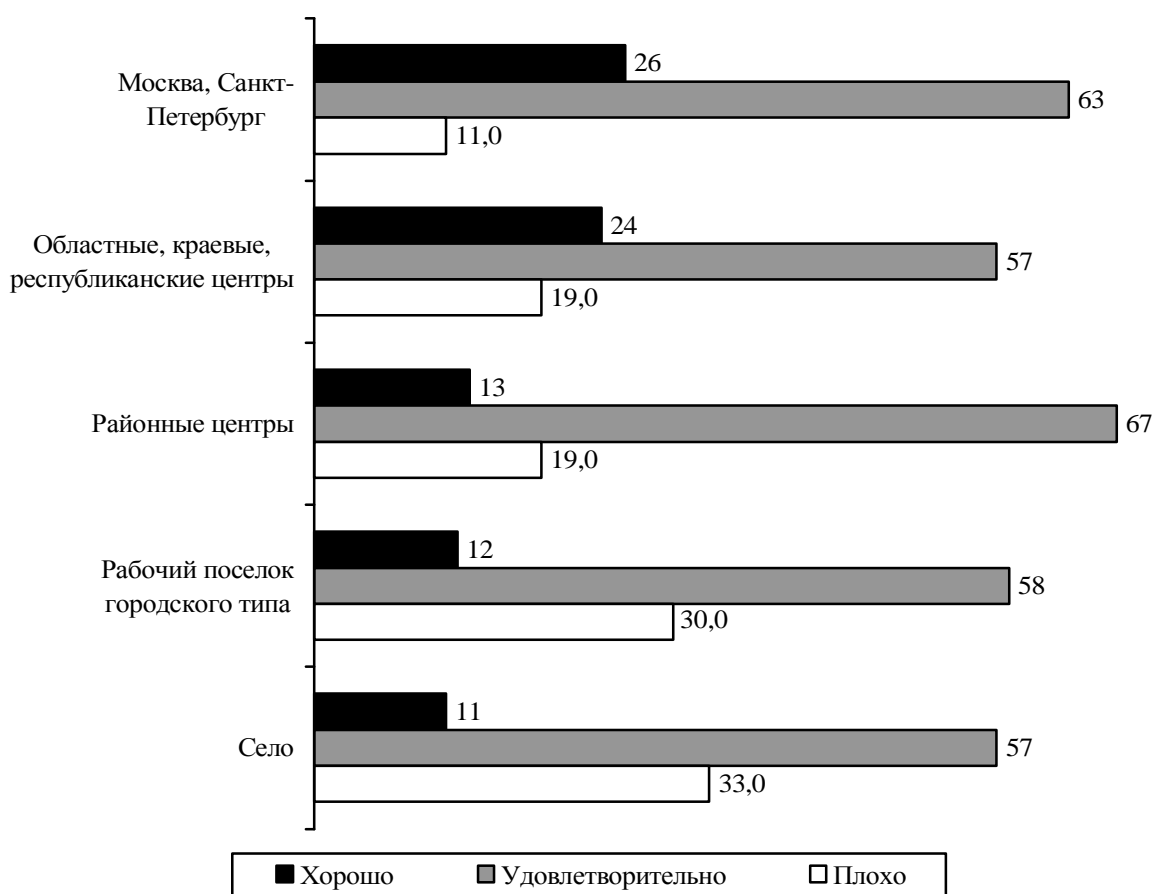

Рис. 43. Оценка возможностей получения необходимых знаний и навыков россиянами в зависимости от типа поселения, %

При этом сам по себе страх невозможности получения необходимого образования среди молодежи распространен не очень широко (табл. 13), хотя каждый пятый россиянин до 30 лет, оценивающий свои возможности получения необходимых знаний в этой категории как

плохие, – весьма тревожный показатель, особенно если учесть, что в селах в этой возрастной категории он еще выше.

Таблица 13

Доля представителей разных возрастных когорт, различающихся их оценкой возможностей получения необходимых знаний и навыков, % от групп с разными оценками этих возможностей

Возрастные когорты	Оценка возможностей		
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
До 30 лет	30	17	21
31–40 лет	22	23	21
41–50 лет	24	26	19
51–60	16	18	19
Старше 60	8	16	20

При этом компенсация рисков неполучения нужного образования, особенно детьми, в настоящее время происходит за счет собственных материальных средств семей.

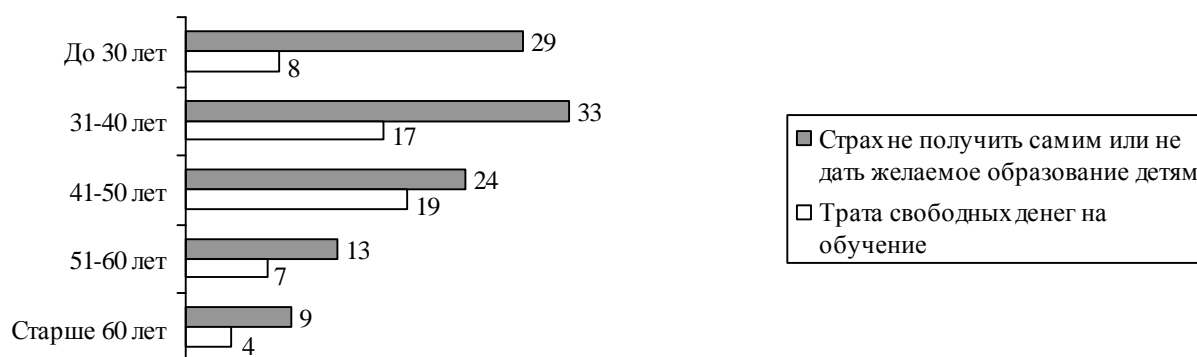

Рис. 44. Отношение представителей разных возрастных когорт к проблемам в сфере образования, %

В целом по России на оплату образовательных услуг, по данным исследования, вынуждены были затрачивать средства 11% наших сограждан, а среди семей с несовершеннолетними детьми этот показатель достигает 14%. Связь опасений (как и затрат) в сфере образования преимущественно с детьми, а не со взрослыми членами домохозяйств подтверждается тем фактом, что среди называющих одним из своих главных опасений невозможность получить самим или дать детям образование и при этом действительно сталкивающихся с этой проблемой 44% россиян имеют несовершеннолетних детей.

Проблемы в сфере образования актуальны, прежде всего, для жителей сел и малых городов, малообеспеченных слоев населения и людей, имеющих несовершеннолетних детей. Однако реагируют эти группы на проблемы по-разному в зависимости от спектра возможностей, которыми они располагают. При этом наибольшее беспокойство происходящие в системе образования изменения вызывают среди родителей, понимающих значимость образования для своих детей. Это побуждает их при малейшей возможности решать проблемы образования собственными средствами. Возможность использования собственных средств уменьшает степень тревожности по поводу получения необходимого образования. Однако существующая ограниченность привлечения подобных средств, порожденная низким уровнем материального достатка у большинства россиян, делает особенно болезненными для населения любые попытки дальнейшей коммерциализации образования. Необходимость дать детям образование по-прежнему является социальной нормой среди населения и ос-

новой детерминантой поведения в сфере образования, особенно для представителей наиболее образованных слоев населения.

Насколько же уровень образования родителей влияет на притязания в сфере образования их детей? Как видно из таблицы 14, в среднем уровень образования респондентов несколько выше, чем у их родителей, при этом качественные различия начинаются с попыток получения высшего образования теми, чьи родители имеют среднее специальное или высшее образование. Если говорить о возрастных когортах, то пик вертикальной мобильности через образование приходится на возраст 31—40 лет, то есть тех людей, кто заканчивал вуз преимущественно во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. (26%).

Таблица 14

Соотношение между собственным уровнем образования и уровнем образования отца, %

<i>Собственный уровень образования</i>	<i>Уровень образования отца</i>					
	<i>Начальное</i>	<i>Неполное среднее</i>	<i>Общее среднее</i>	<i>Среднее специальное</i>	<i>Незаконченное высшее</i>	<i>Высшее</i>
Начальное	95	0	5	0	0	0
Неполное среднее	54	35	5	5	1	0
Общее среднее	16	41	27	13	1	2
Среднее специальное	14	22	26	28	2	7
Незаконченное высшее	9,0	4,0	28,0	45,0	2,0	13,0
Высшее	9,0	13,0	13,0	35,0	3,0	27,0

Уровень образования родителей, служащий маркером объема культурного капитала, в значительной степени детерминирует высоту той планки, на которую ориентируется следующее поколение данной семьи. Причем эта тенденция с каждым следующим поколением становится более явной: нарастает невозможность закончить вуз выходцами из семей с невысоким уровнем культурного капитала, и возрастает степень замкнутости образованных слоев населения. Этому «замыканию» способствует и зафиксированная в исследовании тенденция выбора супруга с тем же уровнем образования, что и у самих респондентов (табл. 15).

Таблица 15

Соотношение между собственным уровнем образования и уровнем образования мужа/жены, %

<i>Собственный уровень образования</i>	<i>Уровень образования мужа/жены</i>				
	<i>Начальное</i>	<i>Неполное среднее</i>	<i>Общее среднее</i>	<i>Среднее специальное</i>	<i>Высшее</i>
Начальное	62	19	8	8	4
Неполное среднее	5	45	27	17	4
Общее среднее	0	11	50	28	9
Среднее специальное	1	3	23	49	19
Высшее	0	0	7	26	60

За исключением уровня начального образования, наибольшее совпадение уровней образования встречается у супругов с высшим образованием (60%). Это говорит в пользу наличия тенденции воспроизводства группы высокообразованных людей с постепенным «отсеканием» остальных. Одновременно тяготение к высшему образованию при выборе супруга свидетельствует о том, что в современном обществе происходит разделение людей на три качественно разные группы: имеющих высшее образование, не имеющих даже среднего образования и всех остальных.

Одним из инструментов преодоления этой углубляющейся пропасти в условиях возросшей коммерциализации образования является образовательный кредит. В ходе настоящего исследования было выявлено, что активность использования этого ресурса крайне низкая: за последние 3 года его использовали всего 0,6% населения, а планирует использовать в течение года около 1%. Причем первые брали кредит в основном не для детей (73% из них не имели несовершеннолетних детей). Скорее он выступал в качестве «вспомогательного» источника средств для мало- и среднеобеспеченных слоев населения (67% бравших его имели доход, не превышающий 4500 руб. в месяц на человека) в повышении собственного уровня образования. И хотя значительная часть его использовавших не рассчитала свои возможности, проблемы с выплатой кредита стали для них тяжелым бременем. С точки зрения удовлетворенности образованием нельзя не отметить в этой группе позитивных сдвигов: более половины ее представителей оценили свои возможности получения необходимых знаний и навыков как хорошие.

Что касается тех, кто планировал использовать кредит в ближайшее время, то можно отметить особенности этой группы. Прежде всего, три четверти этих людей имеют несовершеннолетних детей. Эта группа в 3 раза активнее, чем по выборке в целом, вкладывает свободные средства в образование (36%). При этом возраст заемщиков смещается в сторону более молодых. Изменился по отношению к уже использовавшим этот вид кредитования и профессиональный состав, который стал более разнообразен – к образовательному кредиту планируют прибегнуть от руководителей учреждений до разнорабочих. Однако, что касается места жительства, то образовательный кредит не выступал и не будет выступать в ближайшем будущем способом преодоления материальных ограничений в доступе к образованию жителей села и малых городов.

Использование образовательного кредита находится в тесной связи с проблемой осознания взаимосвязи между инвестициями в образование и уровнем материального благосостояния. Речь идет о норме возврата на вложенные средства. Предполагается, что если человек понимает, что затраты в настоящем принесут большие дивиденды в будущем, то это стимулирует его на повышение образования за счет собственных средств. С точки зрения проведения либеральных реформ, так и должно быть в общественном сознании, ведь здесь как раз уровень ответственности за свою судьбу переносится на самих индивидов. Как было показано выше, соответствие между уровнем дохода, уровнем жизни и образованием объективно существует в российском обществе и осознается самими людьми. Что они делают для того, чтобы повысить уровень своего образования и насколько распространено так называемое «непрерывное» образование взрослых?

Переобучаются и переквалифицируются, чтобы сменить работу или повысить заработную плату, всего 7% россиян. По сравнению с наиболее распространенными способами улучшения материального благосостояния – работой на приусадебном участке (41%) и разовыми и временными приработками (31%) – переобучение является, видимо, делом «избранных». Во всяком случае, 61% из них по уровню жизни находятся в 5–9-й страте, составляющих верхние 40% населения. При этом максимума показатель переобучающихся достигает среди лиц со средним специальным и высшим образованием, что хорошо соотносится с приводившимися выше данными об их интересе к образовательным кредитам и общим стремлением к повышению своего образовательного уровня, но свидетельствует о том, что разрыв в квалификации между ними и остальным населением в условиях структурной перестройки экономики будет постепенно лишь углубляться.

С точки зрения возраста, группа переобучающихся крайне неоднородна: почти половину составляют люди в возрасте до 30 лет (рис. 45). Остальные, видимо, считают это по различным причинам нецелесообразным, даже если и испытывают неудовлетворение своим образованием и квалификацией. В случае альтернативы – в кого «вкладывать» свободные денежные средства (в себя или в детей) – выбирают образование детей.

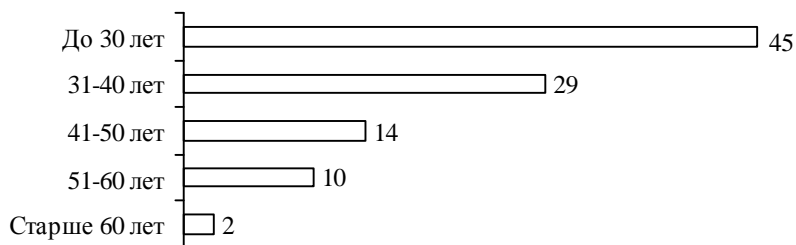

Рис. 45. Распределение россиян, использующих переобучение и переквалификацию, по возрастным когортам, % от соответствующей возрастной когорты

Судя по данным исследования, на готовность к переобучению и повышению квалификации влияет и место жительства. Естественно, что влияние это происходит через развитие местных рынков труда, и там, где рабочая сила более высокого качества «стимулируется рублем» (прежде всего, речь идет об областных центрах и мегаполисах), соответствующие стратегии распространены заметно шире.

Учитывая все вышесказанное, неудивительно повышенное внимание россиян к реформам в сфере образования и их достаточно неоднозначное отношение к ним. С одной стороны, россияне понимают необходимость проведения реформ, связанную с общим ухудшением ситуации в сфере образования. Причем ситуация с высшим образованием, с точки зрения россиян, более проблематична, чем со средним образованием. Так, ухудшение ситуации в области высшего образования за последние годы отметили 34% опрошенных, и только 17% сказали то же относительно среднего. Улучшение ситуации в сфере высшего образования заметили 13% опрошенных и 14% — отметили то же в отношении среднего образования. С другой стороны, наши сограждане довольно противоречиво воспринимают предлагаемые реформы, видимо, сомневаясь, что они позволят устранить причины ухудшения ситуации в сфере образования.

Обратимся сначала к среднему образованию и отдельным аспектам его реформирования в оценках населения. Одним из основных направлений изменений в данной области является изменение продолжительности обучения детей в средней школе на 1 год и введение «госстандарта» с правом учащихся на дополнительные уроки, за которые будут платить родители, а не государство. Кроме этого стоит вопрос о пересмотре системы среднего образования с точки зрения количества учащихся в отдельных школах, в частности упразднения малокомплектных сельских школ, к которой неизбежно приведет последовательная реализация принципа оплаты труда учителя за число учеников, а не часов. Наконец, изменяется процедура сдачи выпускных экзаменов – происходит совмещение их со вступительными испытаниями посредством Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Как относятся россияне к планирующимся переменам?

Исследование показало, что динамику ситуации в сфере среднего образования за время президентства В. Путина население России оценивает не слишком позитивно: 14% считают ее улучшившейся и 17% — ухудшившейся (остальные полагают, что она осталась прежней). При этом в разных группах ситуация оценивается по-разному, вплоть до смены вектора оценки. С точки зрения занимаемых опрошенными мест в профессионально-должностной структуре, более позитивные оценки дают люди рабочих специальностей, а негативные – специалисты с высшим образованием. Соответственно оптимистичные настроения наблюдаются среди менее образованных людей (от среднего специального и ниже), негативный настрой характерен в большей степени для людей с высшим образованием. Таким образом, относительно более квалифицированная и образованная часть населения недовольна динамикой ситуации в области среднего образования, что, возможно, объясняется низким качеством получаемого образования. Наименее квалифицированная и образованная часть российского общества склонна положительно оценивать изменения «правил игры» в

средней школе, возможно, потому, что треть (35%) считающих эти изменения положительными связывает с введением ЕГЭ улучшение ситуации в отношении своей семьи. Осуществление этого нововведения, видимо, дает надежду менее благополучным группам населения на расширение возможностей в плане образования.

Насколько адекватным представлениям населения является при этом переход на 12-летнее обучение в школе? 51% опрошенных в целом по выборке считают, что дети в средней школе перегружены. Однако только 19% считают целесообразным увеличение времени обучения в школе на 1 год, причем данная точка зрения относительно шире распространена среди жителей Москвы, Санкт-Петербурга и областных центров.

Между сторонниками изменений и их противниками не наблюдается значимых различий ни по уровню жизни, ни по уровню образования, ни по оценке возможностей получения необходимых знаний и навыков. Однако сторонники излишней загруженности чаще имеют 1—2 несовершеннолетних детей. Если посмотреть на состав тех, кто признает перегруженность детей, но не считает нужным переход к 12-летней системе обучения, то оказывается, что в большинстве своем (59%) эти люди не имеют несовершеннолетних детей.

В последнее время оценка ситуации в образовании прямо зависит от личного опыта столкновения людей с проблемами средней школы и, судя по полученным данным, в разных типах поселений наблюдаются разные проблемы в данной области.

Что касается проблемы закрытия малокомплектных сельских школ, то большинство опрошенных (79%) считают, что малокомплектные сельские школы закрывать нецелесообразно.

Что касается других аспектов отношения населения к происходящим реформам в сфере образования, то надо отметить отсутствие единодушия в их оценке, как и в отношении тех аспектов реформ, о которых говорилось выше.

Сегодня наиболее широко обсуждается введение системы ЕГЭ, которая должна задавать единые требования при вступительных экзаменах ко всем выпускникам независимо от места жительства. Должна быть упрощена процедура поступления в вузы, заключающаяся в том, что результаты ЕГЭ можно будет послать в ряд вузов, лично их не посещая, и, если результат окажется достаточен по условиям поступления на тот или иной факультет конкретного вуза, то абитуриента зачислят на 1-й курс. Предполагается, что сдача ЕГЭ будет естественным связующим звеном между системой среднего и высшего образования, снижая коррупционность вузов и открывая больше возможностей для способных детей из малообеспеченных семей, жителей небольших городов и сел. Учитывая масштабность и значимость этого нововведения, тем более парадоксально, что, как выяснилось в ходе исследования, 35% опрошенных не знают сути этой реформы, 44% одобряют ее, а 20% считают неправильной и вредной по своим последствиям. При этом даже для представителей одной возрастной когорты характерна рассогласованность мнений относительно правильности/неправильности этой реформы (табл. 16).

Основными различиями между семьями, имеющими детей, но дающими различные оценки введению ЕГЭ, можно считать расхождения в самооценке материального положения и социального самочувствия, а не объективного уровня жизни, в меньшей степени отражающего скрытые ресурсы семей. Следовательно, все россияне примеривают сейчас социальные реформы на себя. Те, кого это непосредственно не касается (пенсионеры), не следят за ходом событий и не задумываются о проблеме как таковой. Большая часть респондентов оценивает изменения через призму своего материального положения. Другими словами, трансформация системы образования будет стоить для многих россиян слишком дорого, хотя замысел ее был изначально прямо обратным. Видимо, сказывается тот факт, что, как и до введения ЕГЭ, школьники из сел и малых городов испытывают большие трудности с поступлением в вуз, поскольку их школы не дают высокого уровня знаний, который требуется для успешной сдачи экзамена. Иными словами, сам факт введения ЕГЭ – лишь первый шаг на пути решения проблемы образования в России. В условиях сильной дифференциации населения по доступу к образовательным услугам, тем более качественным, этот механизм может не сработать, более того — усилить существующий разрыв.

Таблица 16

Доля представителей разных возрастных когорт, различающихся отношением к введению ЕГЭ, % от групп, выделенных по их отношению к ЕГЭ

Возрастные когорты	Оценка введения ЕГЭ			
	Правильная	Частично правильная	Неправильная	Не знают суть реформы
До 30 лет	21	21	21	14
31–40 лет	26	23	23	14
41–50 лет	27	24	23	18
51–60 лет	17	18	15	23
Старше 60 лет	10	14	18	33

Как видно из таблицы 17, жители Москвы и Санкт-Петербурга реже, чем жители других населенных пунктов, положительно оценивают введение ЕГЭ, а также менее других осведомлены о содержании реформы среднего образования по сравнению с жителями других населенных пунктов. Это связано, вероятно, с тем, что первоначально именно регионы являлись плацдармом для внедрения ЕГЭ: для столичных жителей это нововведение стало актуальным несколько позже. При этом жители всех типов населенных пунктов относятся к введению ЕГЭ противоречиво.

Таблица 17

Доля групп, различающихся их отношением к введению ЕГЭ, в разных типах поселений, %

Оценка введения ЕГЭ	Тип поселения				
	Москва, Санкт-Петербург	Областной, краевой, республиканский центр	Районный центр	Рабочий поселок городского типа	Село
Правильная	14	29	24	19	24
Частично правильная	19	19	20	25	22
Неправильная	18	23	20	17	20
Не знают суть реформы	48	30	36	39	34

Как оценивает население динамику развития высшего образования? Ситуация в этой сфере оценивается россиянами более негативно, чем в сфере среднего: улучшение в этом вопросе за время президентства В. Путина отметили 13% опрошенных, а ухудшение – 34%. Причем, как можно видеть из таблицы 18, оценка ситуации в данном направлении значительно различается в зависимости от типа поселения. Наиболее негативно расценивают динамику ситуации в высшем образовании жители крупных городов.

Таблица 18

Соотношение между отношением к реформе высшего образования и типом поселения, %

Оценка ситуации в высшем образовании	Тип поселения				
	Москва, Санкт-Петербург	Областной, краевой, республиканский центр	Районный центр	Рабочий поселок городского типа	Село
Ситуация улучшилась	10	13	12	13	18
Ситуация осталась прежней	57	50	55	64	44
Ситуация ухудшилась	33	37	33	23	38

Одним из наиболее значимых факторов для оценки вектора развития высшего образования является уровень материального благосостояния респондентов. Среди тех, чье материальное положение за последние 2—3 года улучшилось, положительные оценки динамики ситуации в сфере высшего образования встречались в 2,5 раза чаще, в то время как среди тех, у кого оно ухудшилось, ситуация была обратной – негативные оценки встречались втрое чаще положительных. У тех, чье положение осталось неизменным, эти оценки практически уравнивались.

Это говорит о том, что наиболее важными факторами, определяющими отношение россиян к изменениям в сфере среднего и высшего образования, являются уровень материального положения и место жительства, которые автоматически либо блокируют, либо открывают доступ человека к участию в происходящих изменениях.

Причем негативные оценки системы высшего образования не связаны с соответствием/несоответствием российского высшего образования мировым стандартам (59% населения считает, что оно им соответствует, и 41% – что не соответствует). Более того, уверенность в том, что высшее образование в России соответствует мировому уровню, увеличивается при переходе от менее образованных к более образованным (рис. 46), и это один из очень немногих аспектов, связанных с проблематикой образования, где наиболее высокие оценки даются самыми образованными группами.

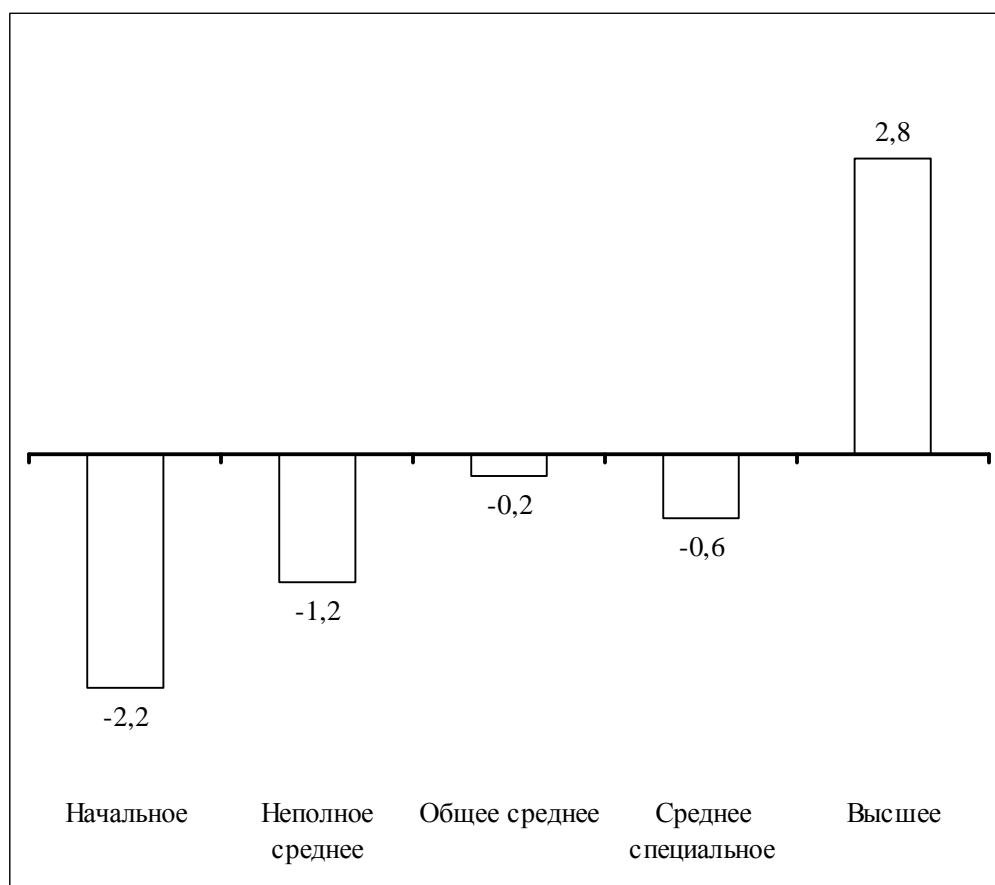

Рис. 46. Разница между оценками соответствия и несоответствия российского высшего образования мировым стандартам в зависимости от уровня образования, %

Поровну разделилось мнение опрошенных относительно качества бесплатного и платного образования. При этом сторонниками «качественности» бесплатного образования

являлись люди, которые не могли позволить себе пользоваться платными образовательными услугами. Это были в основном представители группы, которая считает, что без материальной поддержки со стороны государства им не обойтись, где боятся резкого роста жилищно-коммунальных платежей и основной способ улучшения своего материального положения видят в работе на приусадебном участке и т.д. Все это свидетельствует о том, что сторонники более высокого качества бесплатного образования по отношению к платному относятся к далеко не самым благополучным в материальном отношении слоям населения.

Таким образом, люди, низко оценивающие качество платных образовательных услуг, делают это потому, что они для них недоступны. К тому же активное развитие системы платного образования, включая дополнительные образовательные услуги (подготовительные курсы, репетиторство и пр.), еще больше закрывает для них доступ к образованию.

Проблема платности высшего образования сопряжена с вопросом соотношения государственного и частного финансирования высшего образования. Абсолютное большинство опрошенных (89%) считают, что высшее образование за государственный счет должно быть доступно всем желающим и имеющим для этого необходимую подготовку.

Итак, перенос ответственности на индивидуальный уровень, либерализация сферы образования пока что не соответствуют объективным возможностям и ожиданиям людей в этой области: в большинстве российских семей ни возможности, ни соответственно готовности принять соответствующую финансовую нагрузку на себя в полном объеме не наблюдается, особенно в условиях одновременности роста расходов на медицинскую помощь, образование и ЖКХ. В условиях, когда высшее образование является для россиян самостоятельной ценностью, это естественным образом приводит к тому, что сегодня роль государства в этой сфере для россиян не уменьшается, а увеличивается. В перспективе, по мере роста благосостояния, возможно перераспределение ответственности, так как значительная часть россиян достаточно толерантно настроена по отношению к платному образованию и платные образовательные услуги относятся к числу тех, которые население уже довольно активно использует. Барьером здесь выступает только ограниченность материальных возможностей.

Своего рода «тестом» степени патернализма и уравнительности сознания россиян выступает вопрос о предоставлении государством льгот на обучение в вузах определенным категориям населения. Наибольшую поддержку (70%) получила льготная категория, состоящая из отличников, медалистов и победителей олимпиад (рис. 47), в то время как легитимность льгот для детей из бедных семей достаточно низка. Это говорит о том, что ни о каком господстве уравнительных универсалистских моделей в этой области не может быть и речи.

Обратимся далее к той части реформы высшего образования, которая заключается в переходе к двухступенчатой системе обучения в вузах «бакалавриат + магистратура» с постепенной отменой квалификации специалиста. Такое реформирование связано с тем, что в 2003 г. Россия подписала Болонскую декларацию, согласно которой к 2010 г. наша страна должна влиться в единое европейское образовательное пространство. За изменением формальной организации кроются глубокие содержательные трансформации, связанные с пересмотром роли высшего образования в обществе.

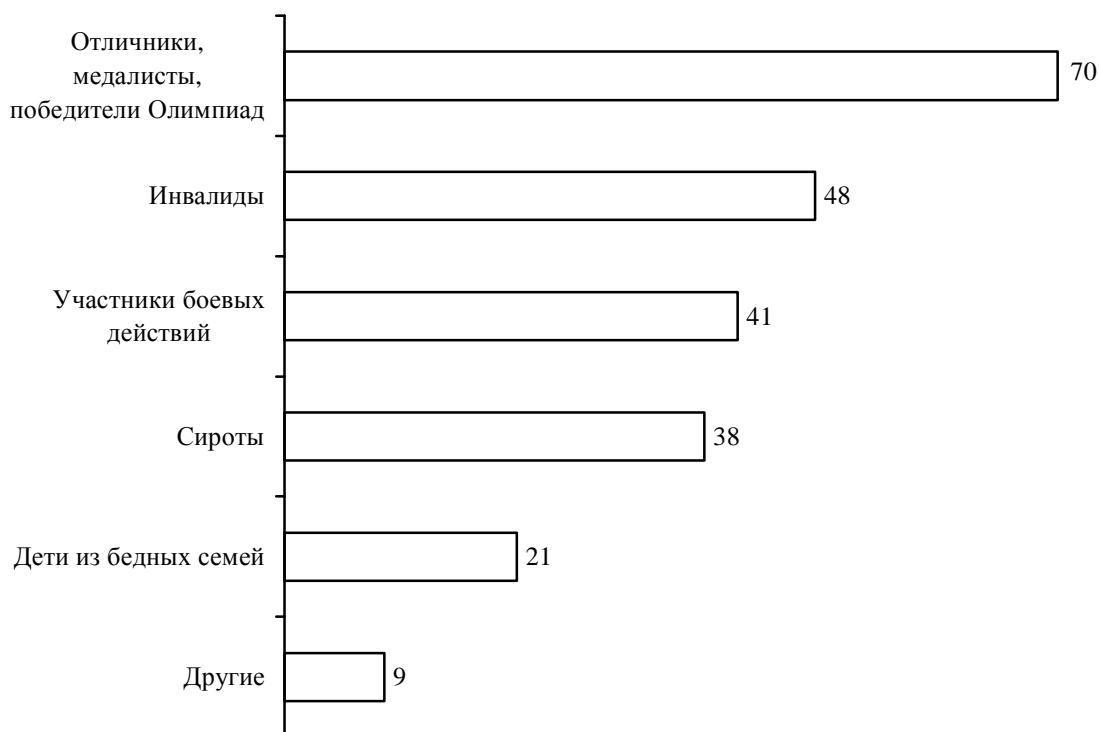

Рис. 47. Распределение по льготным категориям при поступлении в вуз на местах, финансируемое государством, %

Однако, вопреки значимости грядущих изменений, 57% опрошенных не знают сути этой реформы, всего 15% считают ее правильной, а 17% – ее не одобряют. Интересно при этом, что даже те люди, которые осведомлены относительно других социальных реформ, например реформы ЖКХ, пенсионной реформы, монетизации льгот, практически ничего не знают о содержании реформы высшего образования. Вероятно, это связано с тем, что далеко не все вузы Москвы и тем более России в настоящее время участвуют в этом проекте. Кроме того, в СМИ эта проблема по сравнению с введением ЕГЭ широко не освещается (табл. 19).

Таблица 19

Отношение к реформе высшего образования в различных типах поселений, %

Оценка перехода к системе «бакалавриат + магистратура»	Тип поселения					Всего по массиву
	Москва, Санкт-Петербург	Областной центр	Районный центр	Рабочий поселок	Село	
Правильная	17	19	16	11	9	15
Частично правильная	11	11	13	15	9	11
Неправильная	17	19	14	12	18	17
Не знают суть реформы	55	50	56	62	64	57

Правильной и способной улучшить положение их семьи считают реформу чаще те, кто более позитивно оценивает свое материальное положение, использует переобучение и переквалификацию как средство улучшения материального благосостояния. Переход на новую систему обучения не является проблемой для образованных слоев населения крупных городов, поскольку имеющиеся у них ресурсы позволяют получить желаемое образование без

особых препятствий. Беспокойство вызывают жители малых городов и сел, которые не знают, к чему им надо в этой связи готовиться.

Как показало исследование, население России плохо информировано относительно проводящихся в сфере образования реформ, особое беспокойство у россиян вызывает доступность высшего образования. Переход на двухступенчатую систему обучения еще только начинается, в то время как введение ЕГЭ происходит уже в течение нескольких лет. Сельские жители с плохим материальным положением оказываются отрезанными от общего процесса изменений. Главным индикатором этого является даже не столько их отрицательное отношение к реформам, сколько именно степень информированности: если человек не знает о своих возможностях, то он заведомо не сможет их реализовать.

8. Жилищная обеспеченность и жилищная политика в современной России

Наряду с проблемами здоровья и образования в число наиболее значимых для россиян входит и жилищная. Не случайно проект «Доступное и комфортное жилье гражданам России» занял достойное место среди национальных проектов. По вниманию, которое уделяется ему со стороны СМИ и широкой общественности, он занимает лидирующее место.

Чем объясняется столь пристальное внимание к этой проблематике? Насколько удовлетворяют наших сограждан их жилищные условия? Какие возможности существуют у них для улучшения своего жилья? Насколько способны «переломить» ситуацию меры, предлагаемые в рамках проекта «Доступное и комфортное жилье гражданам России» и Программы «Жилище», составляющих основу новой национальной жилищной политики?

Чтобы ответить на эти вопросы, посмотрим сначала на структуру занимаемого россиянами жилья (рис. 48).

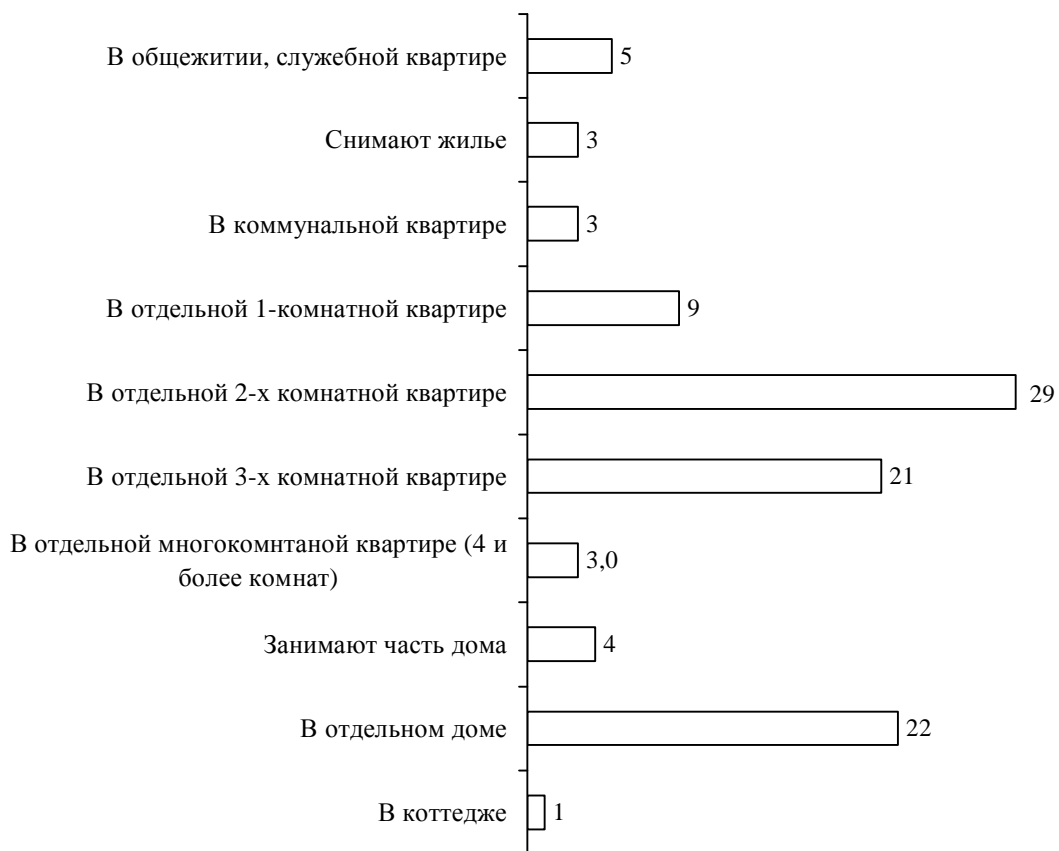

Рис. 48. Тип жилья, в котором проживают россияне, %

Как видно на рисунке 48, 8% россиян проживают либо в общежитии и служебных квартирах, либо снимают жилье. Причем это вопреки представлению, складывающемуся на примере Москвы, в массе своей самая неблагополучная часть населения. Половина обитателей общежитий – это представители двух низших страт, а не проживающие в служебных квартирах депутаты. Лишь 15% обладателей служебного жилья относятся к стратам от 5-й и выше, составляющим верхние четыре дециля. Снимают жилье также не столько люди с высоким доходом, сколько малообеспеченные семьи - 58% арендаторов относятся к трем низшим стратам, и лишь 5% – к сравнительно благополучным слоям, представляющим два верхних дециля. Более того, основная часть арендаторов имеет жилье с маленьким метражом и не со всеми коммунальными удобствами. Еще около 6% проживают в коммунальных квартирах или в части дома, не имеющих коммунальных удобств. По уровню жизни – это неблагополучная часть населения.

Как показывает исследование, 15% населения страны (т.е. около 20 млн человек!) проживают в жилье, требующем решения их жилищной проблемы. При этом априорно понятно, что сами они ее решить не смогут – 77% их относятся к нижним 4-м стратам, где денег хватает только на текущие расходы. Лишь 5—6% этой группы (т.е. менее 1% из 15% входящих в нее россиян!) могут благополучно улучшить свои жилищные условия с использованием разного рода ипотечных программ.

При этом стоимость имеющегося у этих 15% россиян «стартового капитала» – комнаты в «коммуналке», части дома, «койки в общежитии» – явно меньше, чем у большинства остальных, имеющих отдельные квартиры или собственные дома, хотя 28% представителей этой неблагополучной группы имеют свое жилье в собственности (по остальным россиянам этот показатель – 83%). Это значит, что они заведомо находятся в ситуации, при которой не смогут решить свой жилищный вопрос, так как самый популярный вариант его решения не ипотека, а альтернативные сделки. Они также не смогут рассчитывать на получение бесплатного жилья от государства, поскольку большинство россиян данной группы имеют 12 и более квадратных метров общей площади на человека, хотя зачастую и в «трущобах», и, следовательно, по существующим нормативам просто не может претендовать на постановку в очередь на бесплатное жилье. Если же добавить к этим нуждающимся в бесплатном жилье также остальных россиян, имеющих малый метраж, хотя и в отдельном жилье, и также в большинстве своем относящимся к слоям, не способным решить свою жилищную проблему самостоятельно, то объем обязательств государства резко возрастает, и надо говорить уже о возникновении государственных обязательств по отношению к почти четверти россиян, что в обозримом будущем просто нереально.

Насколько благополучны в отношении своих жилищных условий остальные три четверти россиян? На первый взгляд картина с ними складывается неплохо. Половина наших соотечественников проживает в отдельной двух- или трехкомнатной квартире. Доля людей, проживающих в индивидуальных домах, составляет еще 22%. Сегодня отдельная квартира и индивидуальный дом – два основных типа жилья россиян: первый – в основном для горожан, второй – преимущественно для сельских жителей, хотя и в городских поселениях немало индивидуальных домов. Так, например, в районных центрах каждый двадцатый живет в собственном доме.

В этой связи важно подчеркнуть, что собственный дом зачастую значительно отличается от того, что он представлял собой еще пару десятилетий назад. 19% обитателей собственных домов отметили, что их нынешнее жилье имеет все коммунальные удобства (центральное отопление, водоснабжение, канализацию и т.д.), то есть речь идет о коттеджах, хотя в российских условиях под ним начали подразумевать не благоустроенный отдельно стоящий дом, а особый вид элитного жилья, напоминающего особняк. Доля коттеджей оказалась в выборке значительно больше, чем тот 1% россиян, которые сами идентифицировали свое жилье как коттедж, и составила 5%. При этом только в 1% случаев речь идет о жителях крупных городов, а остальные 4% составляли жители районных городов, поселков городского типа и сел. Это, безусловно, отрадная тенденция. Она позволяет надеяться, что курс на развитие малоэтажной застройки в регионах России, о котором заявляется сейчас

как о важной задаче в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье гражданам России», соответствует направленности самостоятельной активности населения, и может принести серьезные результаты. Главное, чтобы эта компания не превратилась из идеи современного индивидуального жилья в вариант строительства в XXI веке обычных изб.

Эта опасность тем более реальна, что проблема обеспеченности всеми коммунальными удобствами остро стоит не только для сельской местности, но и для многих горожан – от жителей мегаполисов до районных центров (рис. 49). Сегодня 18% россиян имеют лишь часть коммунальных удобств и еще 12% – их не имеют (81% последних проживают именно в собственном доме, а остальные, как правило, в неблагоустроенном общежитии).

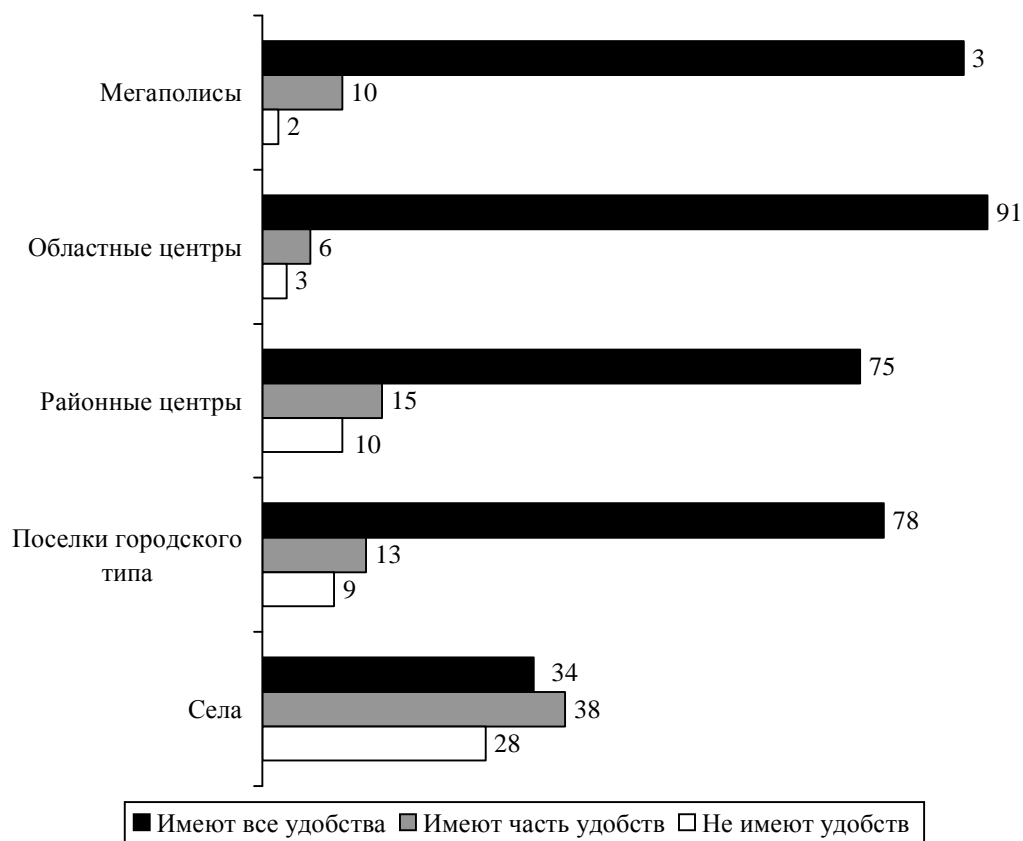

Рис. 49. Наличие коммунальных удобств у жителей разных типов поселений, %

В среднем, по данным исследования, на каждого члена семьи в современной России приходится 19,6 м², что практически совпадает с данными Росстата (для сравнения: в Германии подобный показатель составляет 35 м² на человека, в Швеции – 40 м², в США — 70 м²). При этом 10% населения имеют менее 10 м² на человека, и еще 10% — от 10 до 12 м² на человека. Только 41% населения имеет жилищную обеспеченность свыше 18 кв.м. на человека. При этом практически половина этой группы, т.е. около 20% россиян, имеют излишки жилой площади даже с учетом того, что норматив на семью из одного или двух человек предусматривает во всех регионах большую норму площади на каждого из них (причем в разных регионах этот норматив может различаться), и лишь для семей из 3 человек и более начинает работать норма в 18 м² на человека.

Около 20% населения рассматриваются в рамках нынешней концепции социальной политики как имеющие излишки жилой площади, а следовательно теряют право на льготы по ее оплате. При этом 70% россиян, имеющих более 18 м² на человека, проживают в райцентрах, поселках городского типа и селах, и почти 60% относится к 4-м нижним стратам по сво-

ему уровню жизни. Причем почти в трети случаев их жилье не имеет коммунальных удобств или имеет их частично. Таким образом, это не наиболее благополучные слои населения. Учитывая, что почти три четверти их проживают в населенных пунктах с низкой стоимостью жилья, сам по себе переезд в жилье меньшей площади может оказаться для многих из них дороже, чем тот денежный выигрыш, который они получают, обменяв свое жилище на жилье меньшей площади. Таким образом, заимствованная из арсенала западных моделей социальной политики и вполне логичная для условий, где практически все жилье отвечает хотя бы минимальным стандартам обустроенности, идея об излишках жилой площади как свидетельстве имущественного благополучия людей, абсолютно не учитывает качественных особенностей жилья, находящегося в распоряжении россиян, где оно в массе своей не жилье бизнес-класса в мегаполисах, а разрушающийся старый жилой фонд, в котором проживает малообеспеченное население малых городов и сел.

Даже если выделить тех респондентов, которые отмечают наличие у себя действительно большой площади, приходящейся на одного человека (свыше 35 м²), то и для них большая площадь на одного члена семьи еще не означает хорошие жилищные условия. Люди, живущие в помещениях большой площади, чаще всего оказываются сельскими пенсионерами, у которых обеспеченность централизованным отоплением, водоснабжением, газом, канализацией и т.д. крайне мала.

Если попытаться оценить долю россиян, жилье которых соответствует общепринятым в российском обществе критериям «нормы», т.е. является отдельным, имеет все коммунальные удобства и обеспечивает не менее 18 м² на человека (от качества этого жилья мы сейчас отвлекаемся, т.е. это может быть и разваливающаяся пятиэтажка в райцентре, где ни о какой программе их сноса речи не идет), то оказывается, что в таких относительно благополучных жилищных условиях проживают чуть больше четверти россиян (!). Стоит ли удивляться, что при растущих ценах спрос на новое жилье по всей стране только увеличивается.

Таким образом, жилищная проблема – действительно исключительно сложная, острая и дорогостоящая с точки зрения ее решения. Огромная доля неблагоустроенного жилого фонда, с которым Россия вступила в 21-й век и который еще долго будет оказывать влияние на общую ситуацию в жилищной сфере, низкая обеспеченность россиян квадратными метрами, большая доля населения, вообще не имеющая отдельного жилья, – это одна из главных задач, которую российскому обществу придется решать.

Если добавить к этим проблемам практически полное отсутствие «запаса прочности» у большинства россиян, стремление государства снять с себя обязательства по капитальному ремонту жилого фонда, проблему обеспечения жильем военнослужащих и молодежи, то можно получить хотя бы общее представление о том, какую остроту уже приобрела и насколько обострится в будущем жилищная проблема. А ведь ее успешное решение – это основа предотвращения «геттоизации» общества со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями – формированием криминальных молодежных группировок, «культуры бедности» и андеркласса.

А что же сами россияне, на которых теперь возлагается решение их жилищных проблем? Они фактически оказались в ловушке, которую, само того не желая, им расставило государство. Россияне, воспользовавшись правом на приватизацию (практически три четверти проживающих в отдельных квартирах – их собственники), став собственниками жилья, автоматически оказались вынуждены сами обслуживать свою собственность. При этом государство своих обязательств по своевременному ремонту жилья не выполнило, у большинства россиян нет денег для ремонта, жилищный фонд продолжает ветшать, а проблемы – обостряться.

Ипотека не обеспечивает решения всех вышеперечисленных проблем. Но как механизм выхода из создавшегося тупика в части приобретения нового жилья она имеет немалое значение. Одна из центральных задач национального проекта «Доступное и комфортное жилье гражданам России» – создать к 2010 г. условия для того, чтобы треть населения страны смогла самостоятельно решать свою жилищную проблему. Однако для этого, если иметь в виду только «сторону» получателя ипотечного кредита, нужно, как минимум, три условия. Во-

первых, нужно желание его взять, во-вторых, возможность его погасить, в-третьих – признание банком этой возможности у заемщика.

Как получить ипотечный кредит? Для того чтобы «влезть в долговую кабалу» на много лет (а именно так воспринимают ипотеку россияне), обрекая себя на значительные жертвы с точки зрения текущего потребления, нужно быть активно неудовлетворенным своими жилищными условиями. И это не общая неудовлетворенность по принципу «хорошо было бы жить в шикарной квартире вместо нашей развалюхи», которую, естественно, продемонстрирует любой нормальный человек при соответствующей постановке вопроса социологами (откуда и берутся цифры о готовности 60% россиян заняться решением своей жилищной проблемы, кочующие из издания в издание), а осознание жилищной проблемы как реально стоящей и безотлагательной.

Однако как реальную проблему в своей жизни ситуацию с жильем охарактеризовали всего 15% россиян. Более того, только 16% оценили свои жилищные условия как плохие. При этом решающую роль для оценки их условий как плохих играет не метраж, хотя этот вопрос также важен (рис. 50).

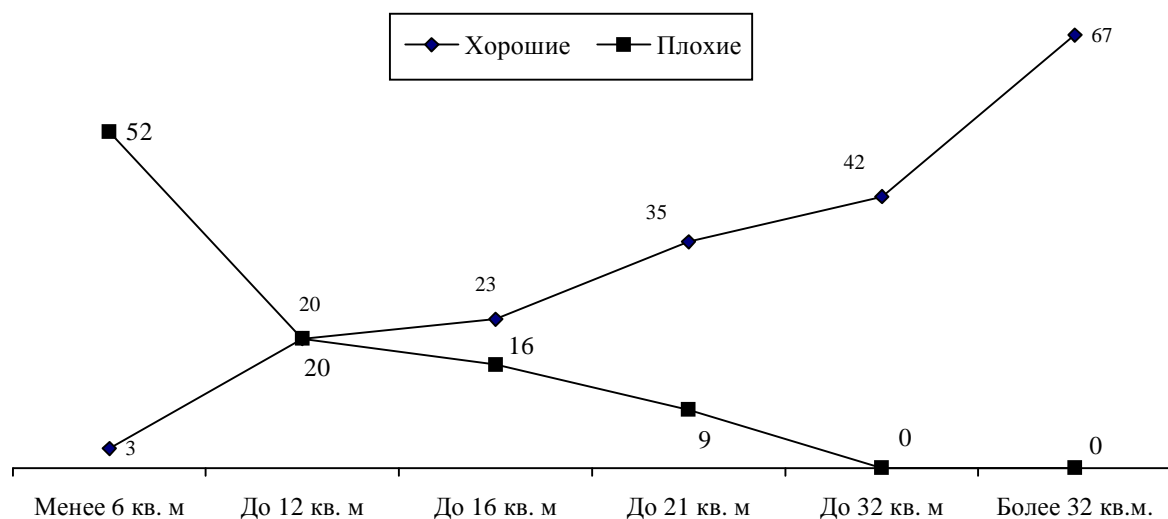

Рис. 50. Оценка россиянами своих жилищных условий в зависимости от числа кв. м общей площади на члена семьи, %¹

Как видно на рисунке 50, «точкой перелома» для россиян при оценке ими своих жилищных условий как плохих являются 12 м² общей площади на человека (т.е. тот уровень, ниже которого находится 20% населения страны). Гораздо важнее для оценки своих жилищных условий как «плохих» отсутствие собственного жилья, т.е. проживание в общежитиях, в съемном жилье, а также в коммуналках – около 60% представителей этой группы считает свои жилищные условия плохими. Однако вряд ли можно ожидать, что они смогут воспользоваться ипотечными кредитами.

Причем для оценки своих жилищных условий как плохих очень важен фактор сравнения их с ситуацией у окружающих. Если человек считает, что он в целом «живет не хуже других», то он достаточно оптимистично оценивает свои жилищные условия, несмотря на неблагоприятную объективную картину. Соотношение плохой и хорошей оценки своих жилищных условий среди тех, кто ответил, что живет «не хуже других», – 10% к 46%. У людей, настроенных пессимистично и считающих, что у них нет шансов жить не хуже других, картина с от-

¹ На рисунке не указаны оценившие свои жилищные условия как удовлетворительные.

ношением к своим жилищным условиям прямо противоположная – 23% считающих их плохими против 16% –хорошими. Такая ситуация никак не связана с реальной обеспеченностью метражом, так как среди россиян, давших оптимистичные ответы, велика доля тех, у кого на одного члена семьи приходится небольшое количество метров.

Причина же такого положения в том, что в городах наблюдается глубокая степень дифференциации общества, что порождает и высокую неудовлетворенность граждан своими жилищными условиями по сравнению с более благополучными соседями. В селах уровень жизни более однородный, условия проживания почти одинаковые, поэтому и все недостатки, связанные с этой проблемой, чувствуются не так остро.

Рассмотрим теперь, насколько такая скромная оценка численности россиян, для которых актуализирована их жилищная проблема (около 15—16% реально ориентированных на улучшение своих жилищных условий), скорректируется, если учесть всех, кто хотел бы сменить жилье, но не потому, что считает свои жилищные условия плохими, а из-за других соображений – статусности, в инвестиционных целях и т.п.

В этой связи хотелось бы привлечь внимание к данным исследованиям ИС РАН «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность» (2005 г.). Как было продемонстрировано в данном исследовании, 40% россиян считают, что если бы у них внезапно появились крупные суммы денег (наследство, выигрыш в лотерею и т.п.), то они направили бы их на приобретение квартиры и еще 15% — приобрели бы коттедж, причем часть их хотела бы иметь и квартиру, и коттедж. Более того, как это ни парадоксально, но даже при наличии средств из тех, кто оценил свои жилищные условия как плохие, только 60% реально хотели бы их улучшить за счет приобретения новой квартиры, и 17% – за счет покупки коттеджа или одновременно и квартиры, и коттеджа. Таким образом, максимальная доля населения, которая хотела бы иметь новое жилье, – это примерно половина россиян. Однако данное обстоятельство не означает их готовности идти на реальные жертвы для выплаты кредитов за квартиру.

Более того, основная масса желающих приобрести квартиру в случае, если им «с неба упадут» необходимые средства, принадлежит к слоям с низкими и средними доходами. Это говорит о том, что даже дополнительный к тем 15—16%, о которых говорилось выше, потенциальный спрос на квартиры в большинстве своем является неплатежеспособным. Наибольший спрос на квартиру предъявляют арендаторы жилья, для которых ее приобретение не только необходимость, но и экономически оправданный шаг. Однако именно им сложнее всего получить кредит банка.

Представители населения, которые при создании соответствующих условий (выработка более адекватных критериев предоставления кредитов, гибкость сроков, снижение процентов, отказ от поручителей, снижение первоначального взноса и т.д.) могли бы претендовать на получение ипотечных кредитов, составляют лишь 8% тех, кто не удовлетворен своими жилищными условиями и считает их «плохими», т.е. чуть более одного процента всех россиян (!). Если же добавить к ним тех, кто хотел бы улучшить свои жилищные условия, но не потому, что считает их плохими, а из других соображений, то эта цифра вырастет еще на 5—6%. Это значит, что с учетом возникающих по мере развития ипотеки дополнительных возможностей (социальная ипотека, понижение процентной ставки и т.д.), реально использовать ипотечные кредиты в ближайшем будущем смогут порядка 7—8% россиян, но никак не треть населения страны.

Это значит, что при всем огромном значении развития ипотеки для крупных городов, решить наиболее острые проблемы, которые стоят сейчас в жилищной сфере, ипотечное кредитование явно не способно, и рассматривать его как основной способ решения жилищной проблемы россиян в обозримом будущем вряд ли оправдано.

Если отвлечься от дополнительных возможностей, предоставляемых ипотекой, то, судя по данным исследования, доля тех, кто за последний год за счет собственных средств осуществил строительство или покупку жилья, составляла всего 4% населения. Причем лишь каждый десятый из них использовал эти возможности для приобретения второго жилья (таким образом, доля «инвестиционных» квартир по стране в целом не превышает 10% рын-

ка, хотя в отдельных регионах типа Москвы может быть и больше). Более того, учитывая, что обеспеченность метражом такого рода инвесторов по основному месту жительства не так уж велика (половина из них имеет не более 18 м² на человека), это, как правило, не столько собственно инвестиции, сколько опережающая реализация будущего спроса, т.е. покупка для подрастающих детей квартиры «на будущее», пока есть необходимые для этого средства. Ввести запретительные налоги для такого рода покупателей — значит перекрыть канал решения жилищных проблем следующего поколения россиян даже у тех слоев, которые пока еще в состоянии это делать самостоятельно, и, одновременно, затормозить формирование цивилизованного рынка аренды жилья.

Важно подчеркнуть, что государство жилой фонд для сдачи его в коммерческий наем не строит, а среди частных лиц второе жилье не так уж часто сдается в аренду. Во всяком случае, судя по данным наших исследований, в последние три года лишь 10—15% всех имеющих второе жилье использовали его для получения доходов от сдачи в наем.

Тот факт, что распространенная в Московском регионе практика извлечения доходов от игры на рынке недвижимости ни в коем случае не может быть экстраполирована на страну в целом ни в части приобретения «инвестиционных» квартир, ни в части получения доходов от сдачи своего жилья в наем, подтверждают и данные настоящего исследования — лишь 2% всех опрошенных указали доходы от принадлежащей им собственности в числе трех основных источников доходов их семей. Может быть, небольшой процент «арендодателей» из числа собственников второго жилья станет понятнее, если учесть, что почти для каждого третьего из них второе жилье — это дом в сельской местности, сдать который в аренду в большинстве регионов страны довольно сложно, около 15% в качестве второго жилья имеют комнату, и только чуть менее половины в качестве второго жилья имеют отдельную квартиру, причем у подавляющего большинства это квартиры в областных центрах и «малых городах».

Покупка или строительство жилья — не единственный способ качественного изменения жилищных условий. Улучшают свои жилищные условия россияне вдвое чаще, чем покупают или строят жилье на собственные средства. В целом за последние 3 года 7% россиян удалось улучшить свои жилищные условия.

Печально, что в 2003 г. этот показатель был вдвое больше и составлял 14% всех опрошенных, в 2005 г. — всего 10%, а в 2006 г. — 7%. Таким образом, вопреки предпринимаемым государством усилиям динамика в этой области имеет четко выраженный негативный характер. После улучшения своих жилищных условий 60% имеют не более 18 м² на человека, в том числе каждый пятый — менее 12 м², так что о решении жилищной проблемы даже применительно к этой относительно благополучной категории граждан нужно говорить с осторожностью.

Что пытается сделать российское государство в сфере жилищной политики, и как к этому соотносятся наши соотечественники?

Как показало исследование, 47% населения страны считает, что за время президентства В. Путина ситуация в этом направлении никак не изменилась, 42% — что ухудшилась. Среди тех, кто за последний год улучшил свои жилищные условия, доля ответивших, что общая ситуация в жилищной сфере ухудшилась, составила 60% (!). А ведь эта категория может рассматриваться как группа экспертов в данной области. Видимо, на их мнение повлияло столкновение с трудностями при сборе и оформлении документов для получения права собственности, повлекшее за собой не только потерю времени, но и дополнительные материальные затраты, а также быстрый рост стоимости жилья в последние годы.

Какие пути предлагает Правительство Российской Федерации для решения жилищной проблемы? Почему население оценивает результаты предпринимаемых усилий скептически? Как известно, основным решением жилищной проблемы является ипотека. В послании к Федеральному собранию в 2005 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что Правительство, региональные и местные органы власти должны ориентироваться на то, чтобы к 2010 г. минимум треть граждан страны могла бы приобрести квартиру, отвечающую современным требованиям, за счет собственных накоплений и с помощью жилищных кредитов.

Судя по данным исследования, за последние три года всего 1% россиян воспользовался ипотекой. Еще 2% – готовы в ближайшем будущем воспользоваться этой услугой (причем пятая их часть собирается брать ипотечный кредит у частных лиц, т.е. налицо принципиальное непонимание сути ипотечного кредитования даже у проявляющей к нему интерес части населения). Желающие взять ипотечный кредит проживают в основном в областных городах и, в меньшей степени, в районных центрах. Половина их относится по своему уровню жизни к нижним 4 стратам, т.е. ни о каком ипотечном кредите по определению думать не может.

Таким образом, основная причина, по которой ипотека не способна достичь намеченных Президентом рубежей, – это не только отсутствие у заявленной трети населения четко выраженной потребности решения своей жилищной проблемы, но и невозможность получить ипотечный кредит для значительной части тех, кто все-таки проявляет интерес к этой проблеме.

Как показало исследование, лишь треть россиян имеет какие-то сбережения и не более 6% – сбережения, достаточные для внесения первого взноса за «ипотечную» квартиру. У последних жилищный вопрос практически решен. Они в большинстве своем проживают в 3-х комнатных квартирах или в собственном доме со всеми коммунальными удобствами, где обеспеченность метражом превышает 15 м² на одного члена семьи. Да и среди тех, кто имеет хотя бы небольшие сбережения, 85—87% проживают в отдельном жилье и имеют свыше 12 м² на человека. Не случайно 91% из них оценивает свои жилищные условия как хорошие или удовлетворительные, т.е. вряд ли представители этой группы массово пойдут на жертвы, которые требует от них ипотечный кредит.

Сдерживает развитие ипотеки и тот факт, что 27% россиян и так уже имеют различного рода невыплаченные кредиты в банках и долги, и дополнительные кредиты они просто не в состоянии отдавать. В большинстве своем в этой группе населения на одного члена семьи приходится от 10 до 15 м².

Сказывается на перспективах развития ипотеки и ощущение у россиян нестабильности социально-экономической ситуации в стране, несмотря на все кажущееся ее благополучие. Россияне не уверены в прочности своего материального положения: 25% населения в ближайшие годы ожидает ухудшения своей личной ситуации (причем этот показатель с точностью до процента совпадает с тем, как оценивали свои перспективы россияне в достаточно тяжелом 1995 г.¹ с его массовыми невыплатами заработных плат, спадом производства и т.д.), и лишь 32% – надеется на ее улучшение (что даже меньше, чем 11 лет назад, когда оптимистичный личный прогноз давали 35%). Думается, что *такой скепсис россиян в отношении своего будущего в условиях хороших показателей экономического роста, повышения реальных доходов населения и т.п. объясняется генерируемыми социальными реформами, чувством нестабильности и непонимания вновь поменявшихся «правил игры».*

Согласно данным, полученным во время опроса, *наше население в своей основной массе пока не в состоянии потянуть такую услугу, как ипотечное кредитование, несмотря на то, что формирование рынка ипотечного жилищного кредитования считается одной из приоритетных задач Правительства Российской Федерации. В будущем, в случае заметного роста заработной платы и появления чувства стабильности, относительно благополучия, а также снижения процентной ставки по ипотечному кредиту, ситуация, возможно, изменится.* Однако не только о трети населения, использующего ипотеку, но и о показателе в 15% в этой области к 2010 г. говорить не приходится.

Насколько россияне осведомлены об альтернативных способах решения своих жилищных проблем и изменениях в новом Жилищном кодексе, вступившем в действие с 1 марта 2005 г.? Как показало исследование, лишь 48% россиян информированы об этом факте. Большинство опрошенных заявляют, что не в курсе существования этого Кодекса. В самых образованных группах доля осведомленных об этом нововведении не превышает двух третей.

¹ Для сравнения использованы данные исследования РНИСиНП «В каком обществе нам жить», проведенного в 1995г. по общероссийской репрезентативной выборке численностью 1462 человека.

А между тем новый Жилищный кодекс вносит в законодательство ряд серьезных изменений. Рассмотрим некоторые из них.

Приватизировать свое жилье смогут теперь только те россияне, кто получил его до 1 марта 2005 года. Если квартира получена по договору социального найма после этой даты, то перевести ее в собственность бесплатно будет невозможно. Учитывая, что около 15% населения до сих пор не имеет никакого отдельного жилья, и еще каждый пятый проживает в неблагоустроенном деревенском доме, это означает дискриминацию значительной части россиян, постановку их в заведомо неравные стартовые условия с остальными потому, что они были по независящим от них причинам лишены права на приватизацию жилья.

По договору социального найма, для многих людей являющегося единственной возможностью улучшить свои жилищные условия, право на улучшение жилищных условий по новому Жилищному кодексу получают только малоимущие граждане, которые обеспечены общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее 8 м² (сейчас в России доля такого населения составляет 7%), а также представители некоторых других категорий населения (жители аварийного жилья и т.д.). При этом, согласно рекомендованной Правительством для этих целей методике выделения малоимущих, очень многие россияне, реально нуждающиеся в улучшении жилищных условий и не имеющие возможности приобрести жилье самостоятельно, право на постановку в очередь на получение жилья утрачивают, а возможность взять ипотечный кредит не приобретают. Однако хуже другое – и то жилье, которое они имеют, также будет все больше ветшать, так как они должны теперь полностью оплачивать все расходы по его ремонту за свой счет, а почти две трети населения не имеют необходимых для этого ресурсов.

В случае если квартира не приватизирована, а наниматель и члены его семьи более 6 месяцев не платят за квартиру и коммунальные услуги без уважительной причины, их через суд могут выселить в общежитие из расчета 6 м² на человека. В то же время долги по квартплате даже до начавшегося резкого роста стоимости услуг ЖКХ стабильно имели около 7% населения страны (т.е. около 10 млн человек).

Список нововведений, затрагивающих интересы многих групп населения, может быть продлен, но и из сказанного понятно, почему *61% россиян полагают, что изменения, вносимые новым Жилищным кодексом, коснутся их лично и их семей, и будут негативными*. Надежду на улучшение своих условий проживания связывают с принятием нового Жилищного Кодекса лишь 6% россиян. В целом считают эту реформу правильной, но боятся ухудшения своего положения 18% участников опроса, в основном представляющих среднедоходные группы. А вот люди с высокими доходами чаще считают данную реформу вредной по своим последствиям для всех.

Как показало исследование, новый Жилищный кодекс воспринимается во всех группах россиян, прежде всего, как угроза, посягательство на одно из важнейших прав человека – право на жилье, причем *чем выше уровень образованности и информированности граждан о нововведениях, тем скептичнее они относятся к инновациям в жилищной политике российского государства*.

Кто же, по мнению наших граждан, должен иметь право на получение бесплатного жилья и как это соотносится с новыми нормами, вводимыми Жилищным кодексом?

Как видно на рисунке 51, только 2% россиян считали в 2006 г., что государство никому не должно предоставлять бесплатное жилье, и этот показатель остался таким же, как и 15 лет назад. При этом лишь 47% населения выделили в качестве группы, имеющей право на такое жилье, «бедные семьи», хотя в соответствии с законодательством государство отдало приоритет получения бесплатного жилья именно им. Более того, при значительном росте доли тех, кто считал, что различные категории людей должны иметь право на бесплатное получение жилья (в 1,5–2 раза), число полагающих, что право на бесплатное жилье должны иметь в первую очередь малоимущие, даже незначительно сократилось. Таким образом, *не бедность сама по себе, а объективные препятствия, мешающие заработать на улучшение своих жилищных условий, – вот что является для россиян главным основанием требовать от государства поддержки в этой сфере*. Не случайно две трети населения России

считают, что правом на получения бесплатного жилья должны обладать многодетные семьи и сироты, т.е. те, кто лишен жилья, явно не сможет на него сам заработать и находится в зоне высокого риска. Такая позиция россиян вполне соответствует национальным интересам, откликается на задачи улучшения демографической ситуации и сокращения базы криминалитета среди молодежи, и является при этом вполне «адресной». То есть население демонстрирует в этой области бóльшую готовность «мыслить по-государственному», чем само государство.

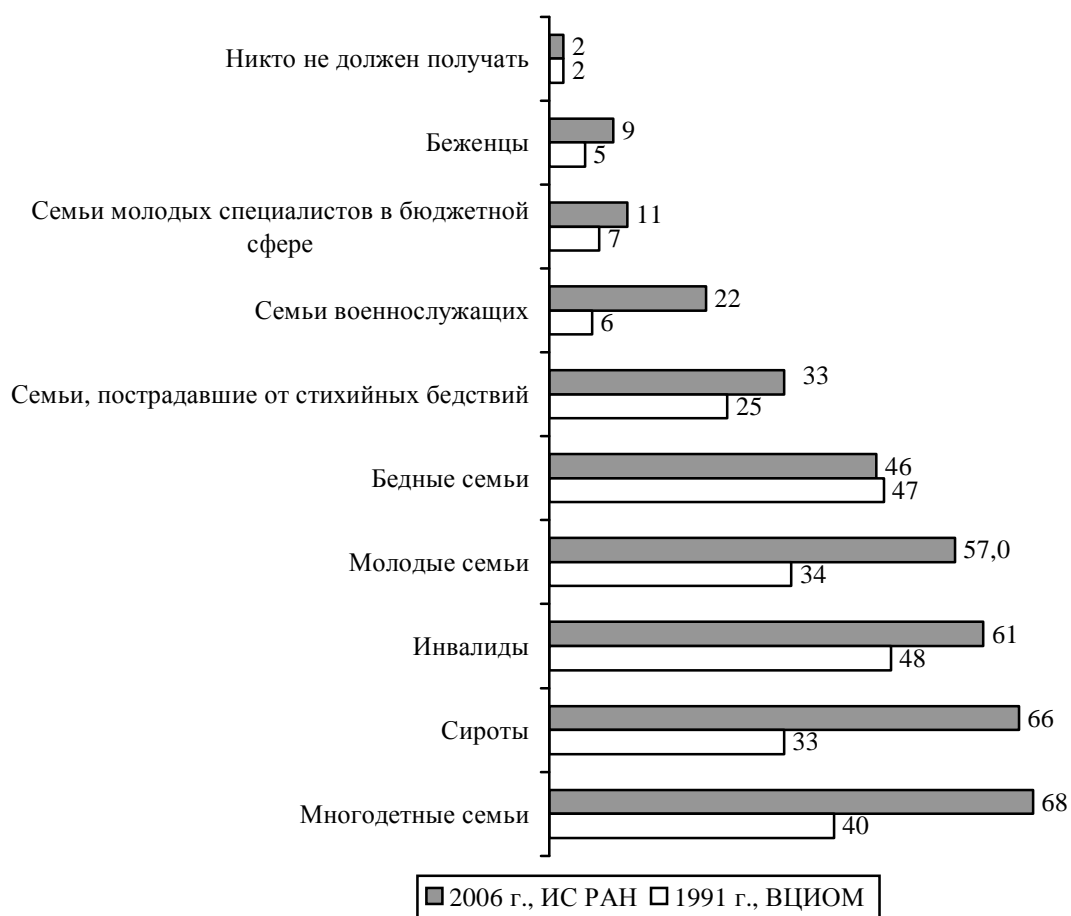

Рис. 51. Динамика взглядов россиян на то, какие категории граждан должны иметь право на предоставление им государством бесплатного жилья за 1991–2006 гг., %¹
(допускалось несколько ответов)

С этой точки зрения можно объяснить и то, что 57% респондентов сочли необходимым оказывать господдержку в этой области молодым семьям. Пока, согласно подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье гражданам России», для молодых семей предусматривается только сниженная процентная ставка по ипотечному кредиту. Для решения жилищных проблем в молодых семьях государство планирует привлекать дополнительные финансовые средства из внебюджетных источников, доступ к которым сильно различается по регионам. Учитывая, что в настоящее время в данной категории преобладают люди, являющиеся квалифицированными рабочими, специалистами с высшим образованием и служащими (офисные работники, технический персонал), для многих из них даже льготная ипотека будет непосильной ношей,

¹ Для сравнения за 1991 г. используются данные исследования «Омнибус ВЦИОМ 1991-13», проведенного по общероссийской репрезентативной выборке.

хотя именно эта часть населения предъявляет повышенный спрос на ипотеку и активнее других мечтает об отдельном комфортном жилье.

9. Оценка ситуации и реформ в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Одной из важнейших составляющих новой жилищной политики является реформирование сферы жилищно-коммунального обслуживания населения, в том числе переход к полной оплате жилищно-коммунальных услуг. Этот переход происходит постепенно, а его ход, несмотря на массу официальных и неофициальных разъяснений, вызывает самые неоднозначные оценки россиян. В этой связи возникают вопросы – как скажется переход к стопроцентной оплате ЖКУ населением на материальном положении граждан? Возможно ли на этой основе улучшить ситуацию в сфере жилищно-коммунального обслуживания?

Проведенное исследование свидетельствует, что *состояние жилищно-коммунального хозяйства и качество оказываемых населению в этой сфере услуг оценивается сегодня россиянами весьма критично*. Лишь один из четырех опрошенных (26%), имеющих полный набор коммунальных услуг, заявил, что удовлетворен их качеством (отоплением, водоснабжением, техническим обслуживанием и т.д.), тогда как недовольных услугами ЖКХ оказалось втрое больше – 74%. Причем среди тех, кто имел неполный набор коммунальных услуг, показатель удовлетворенности еще ниже – 21% при 79% недовольных.

Наиболее критично качество услуг, которые жилищно-коммунальный сектор оказывает населению, оценивается жителями поселений, где планка требований к условиям своей жизни наиболее высока – Москвы и Санкт-Петербурга. Среди них доля респондентов, недовольных качеством ЖКУ, составила максимальную величину – 85%. Более оптимистично по сравнению с жителями других поселений качество ЖКУ оценивают респонденты малых и средних городов – районных центров (28%) (рис.52). По всей видимости, это связано с тем, что они давно уже притерпелись к проблемам в данной области.

Нынешнее неблагоприятное состояние жилищно-коммунального хозяйства и низкое качество оказываемых им населению услуг, наряду с необеспеченностью населения жилой площадью, можно расценивать как важнейший фактор кризиса в жилищной сфере. При этом *социальное недовольство, которое фиксируется в отношении россиян к проблемам в жилищной сфере, во многом формируется за счет разрыва между расходами, которые люди несут в связи с оплатой жилья и жилищно-коммунальных услуг, и их качеством*.

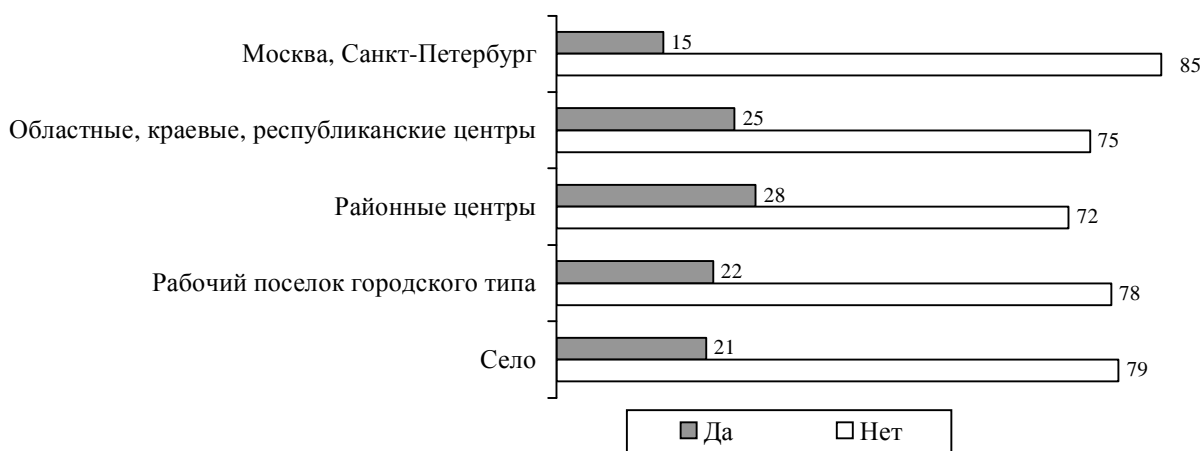

Рис. 52. Ответы жителей различных типов поселений на вопрос «Удовлетворены ли Вы качеством жилищно-коммунальных услуг (отопление, водоснабжение, техническое обслуживание и т.д.), которые Вы получаете в месте Вашего постоянного проживания?», %

В то же время общей тенденцией можно считать несколько более оптимистичный взгляд на ситуацию в сфере ЖКХ со стороны высокодоходных групп населения и, напротив, самый высокий процент недовольных ею среди беднейших слоев населения. Так, респонденты, чьи душевые доходы составляют свыше 6000 руб. в месяц и особенно свыше 10000 руб. в месяц, чаще других заявляют, что их устраивает качество жилищно-коммунальных услуг. Среди самых малоимущих, душевые доходы которых не превышают 1500 руб. в месяц, довольны ЖКУ только 19% (рис. 53).

Переход на стопроцентную оплату жилищно-коммунальных услуг населением в этих условиях вызывает у россиян не просто протест, но и особую тревогу. Сегодня почти половина россиян (47%) относят резкий рост жилищно-коммунальных платежей к числу проблемных ситуаций, которых они больше всего опасаются в своей жизни. Эта позиция занимает третье место в своеобразном «рейтинге страхов», уступая по актуальности лишь опасениям потерять здоровье и остаться без средств к существованию. Страх перед резким ростом цен на ЖКУ опережает по своей распространенности традиционные страхи безработицы, невозможности получить необходимую медицинскую помощь, тревогу за будущее детей и т.д.

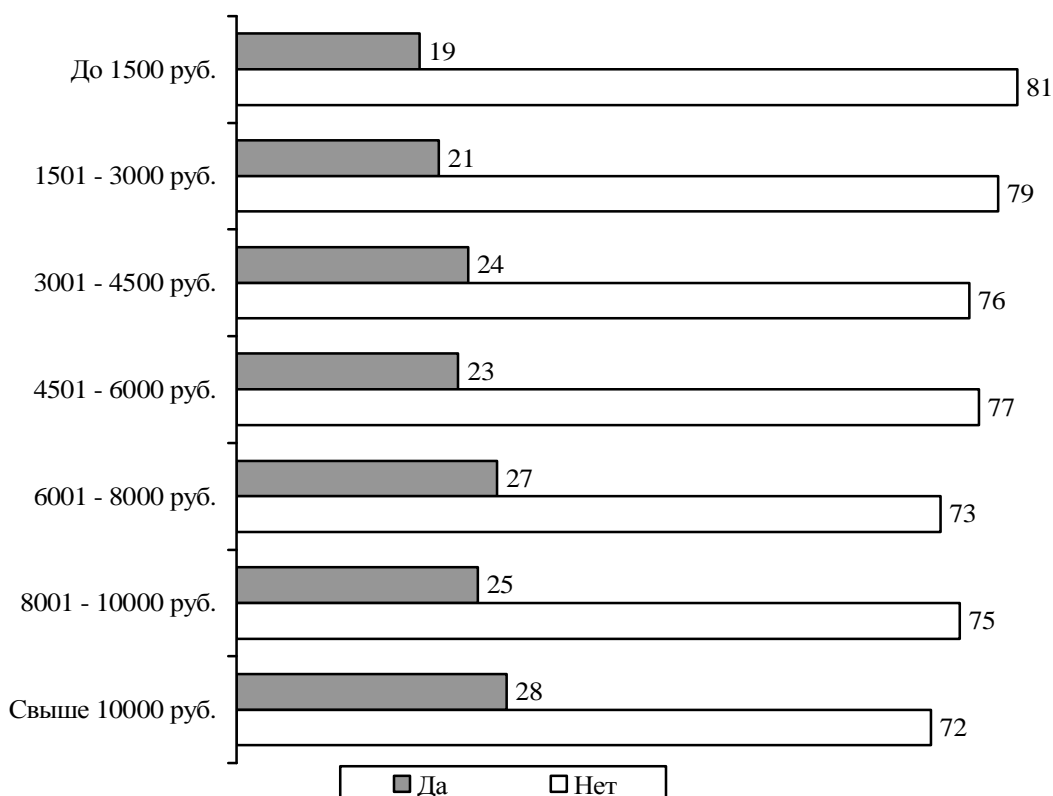

Рис. 53. Ответы на вопрос «Удовлетворены ли Вы качеством жилищно-коммунальных услуг (отопление, водоснабжение, техническое обслуживание и т.д.), которые Вы получаете в месте Вашего постоянного проживания?» респондентов с разным уровнем доходов, %

Чем это можно объяснить? Скорее всего, для людей непонятным и в значительной степени пугающим является само определение «100%-ной оплаты жилья населением». 100% – это сколько и где они заканчиваются? Учитывая постоянный и быстрый рост тарифов на ЖКУ уже сейчас, можно предположить, что эта планка также будет постоянно расти.

Тревожность, связанная с дальнейшим ростом жилищно-коммунальных платежей, выше всего в группах малоимущих граждан. Среди респондентов, чьи душевые доходы не превышают 4500 руб., эти опасения разделяют более половины. В группах с уровнем доходов 4500-8000 руб., тревога, связанная с оплатой ЖКУ, характерна для 41—43% респондентов.

тов. И только среди россиян, чьи душевые доходы не ниже 8000 рублей, обеспокоенность этим вопросом можно считать сравнительно невысокой (30%, в том числе 24% среди имеющих доходы свыше 10000 руб.) (рис. 54).

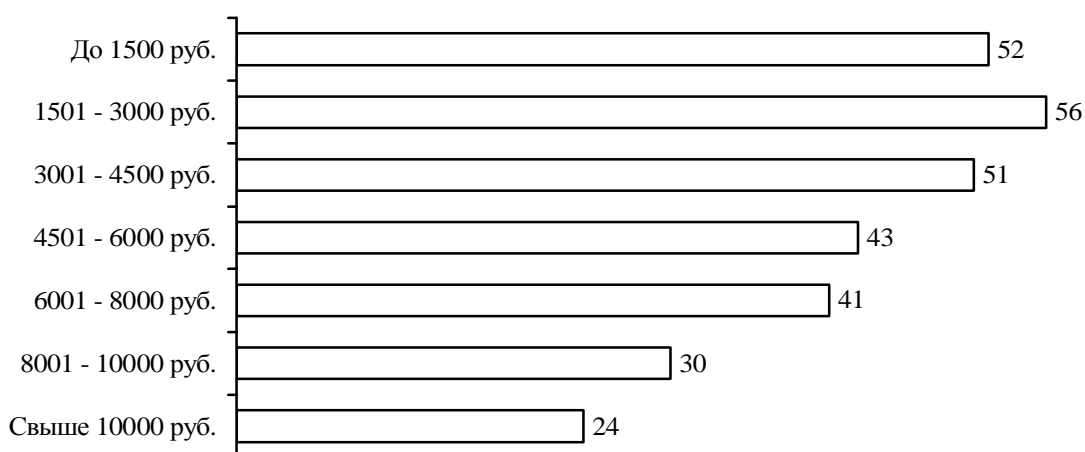

Рис. 54. Выбор позиции «резкого роста жилищно-коммунальных платежей» при ответе на вопрос «Что Вы больше всего опасаетесь в жизни?» среди респондентов с разным уровнем доходов, %

Подобные опасения не случайны. Сегодня большинство россиян (72%) уверены, что переход к 100%-ной оплате жилищно-коммунальных услуг за счет населения приведет к серьезным изменениям в привычных расходах их семей. Не разделяют подобные опасения немногим более четверти респондентов (28%). При этом оценки возможного влияния перехода на 100%-ную оплату ЖКУ на семейные расходы, данные в ходе опроса респондентами различных доходных, возрастных и поселенческих групп, достаточно единодушны – о том, что подобный переход заставит их серьезно пересмотреть свой семейный бюджет, заявили большинство респондентов из всех этих групп (6—78%) (рис. 55).

То, что переход на полную оплату жилищно-коммунальных услуг населением является сегодня серьезной угрозой для бюджетов россиян, подтверждают и данные исследований других центров. Так, опрос ВЦИОМ, проведенный в марте 2006 г., показал, что лишь 12% россиян могут без особых усилий платить за жилье столько, сколько будет нужно. Для остальных этот переход будет связан с серьезными трудностями, хотя они все-таки надеются, что смогут найти возможности для того, чтобы оплачивать в необходимом размере свое нынешнее жилье и его обслуживание. Однако для 9% опрошенных переход на стопроцентную оплату ЖКУ будет, по их собственным прогнозам, непосильным, и им, вероятнее всего, придется менять нынешнее жилье на другое, более скромное¹.

При этом у россиян большие сомнения вызывает то, что переход к стопроцентной оплате жилищно-коммунальных услуг населением будет способствовать повышению их качества. Подавляющее большинство опрошенных (92%) уверены, что этот переход не повлечет за собой качественного улучшения обслуживания жилого фонда. И только 8% придерживаются более оптимистичного взгляда на этот вопрос.

¹ Опрос был проведен 11—12 марта 2006 г. по общероссийской репрезентативной выборке, объем выборки составлял 1600 человек.

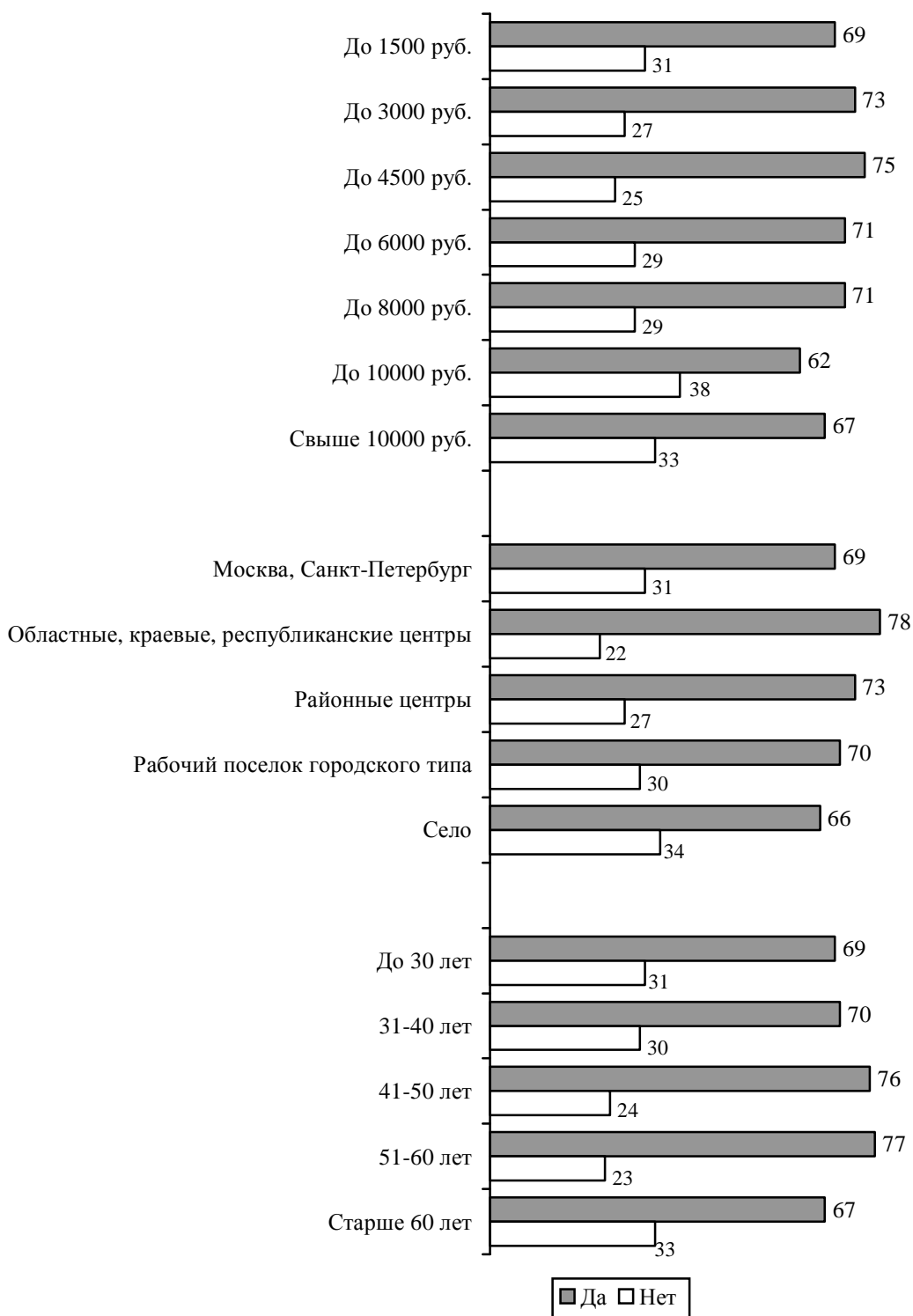

Рис. 55. Ответы на вопрос «Приведет ли переход к 100%-й оплате жилищно-коммунальных услуг к серьезным изменениям в привычных расходах Вашей семьи?» среди респондентов разных доходных, возрастных, поселенческих групп, %

Следует отметить несколько больший оптимизм в этом вопросе у молодежи по сравнению с гражданами средних и старших возрастов. Если среди опрошенных в возрасте 27 лет и старше возможность улучшения качества ЖКУ признают не более 9%, то среди моло-

дежи таких оказалось несколько больше – 15—16% (рис. 56). С одной стороны, это связано с тем, что молодежь в принципе более активно и органично вписывается в рыночные условия и понимает, что «за все надо платить». С другой стороны, молодежный оптимизм во многом связан с тем, что значительная часть молодых россиян живет с родителями, под их финансовой опекой, и не представляет реальных масштабов влияния перехода на 100%-ную оплату ЖКУ на бюджеты своих семей.

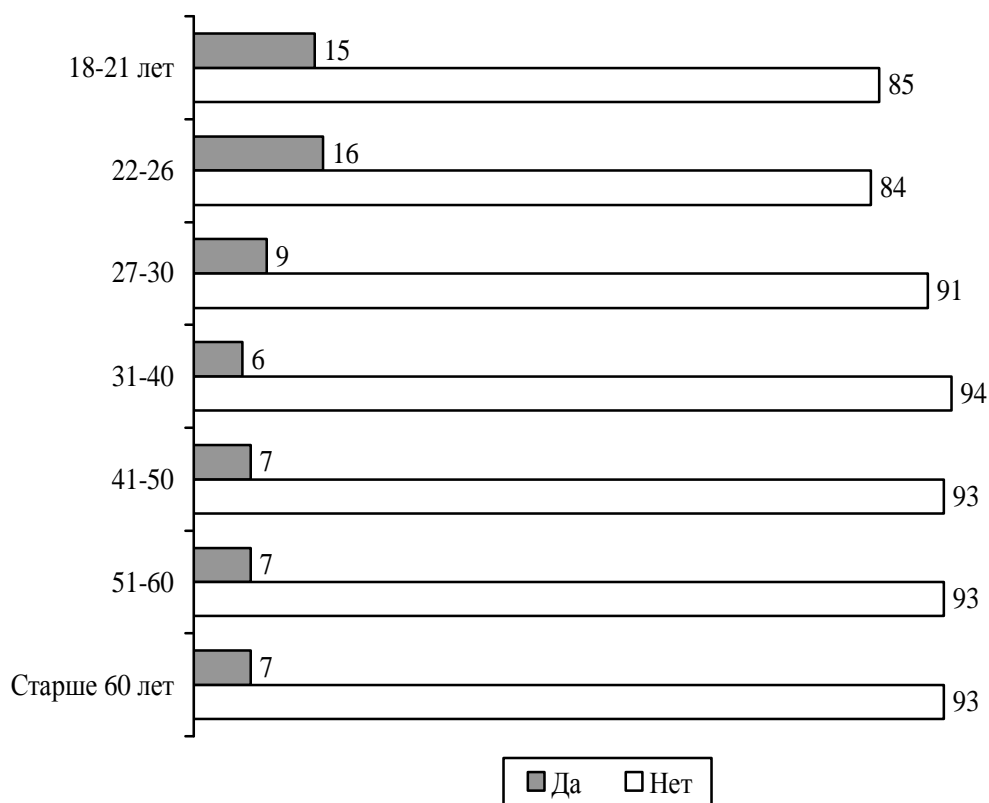

Рис. 56. Ответы на вопрос «Считаете ли Вы, что переход к 100%-й оплате жилищно-коммунальных услуг позволит качественно улучшить обслуживание жилого фонда?» среди респондентов различных возрастных групп, %

Характерно, что скептицизм россияне испытывают не только в отношении перехода на 100%-ную оплату жилищно-коммунальных услуг, но и в отношении перспектив ЖКХ в целом, связанных с коммерциализацией работы этой отрасли, и приходом в нее частного капитала. По данным исследования, большинство наших сограждан (87%) придерживаются весьма пессимистичных оценок того, как может реформа ЖКХ сказаться на качестве его услуг, считая, что работа сантехников, содержание подъездов, придомовых территорий и другие услуги в результате этой реформы вряд ли улучшатся. Оптимистов, ожидающих улучшения ситуации в этой сфере, оказалось только 13%.

Более позитивно, нежели остальные, к перспективам реформы ЖКХ относятся самые молодые россияне в возрасте до 21 года, среди которых улучшения качества жилищно-коммунальных услуг в результате перевода этой сферы на «рыночные» рельсы ждут немногим менее трети (31%). Однако и среди них пессимистов в два с лишним раза больше – 69% (рис. 57).

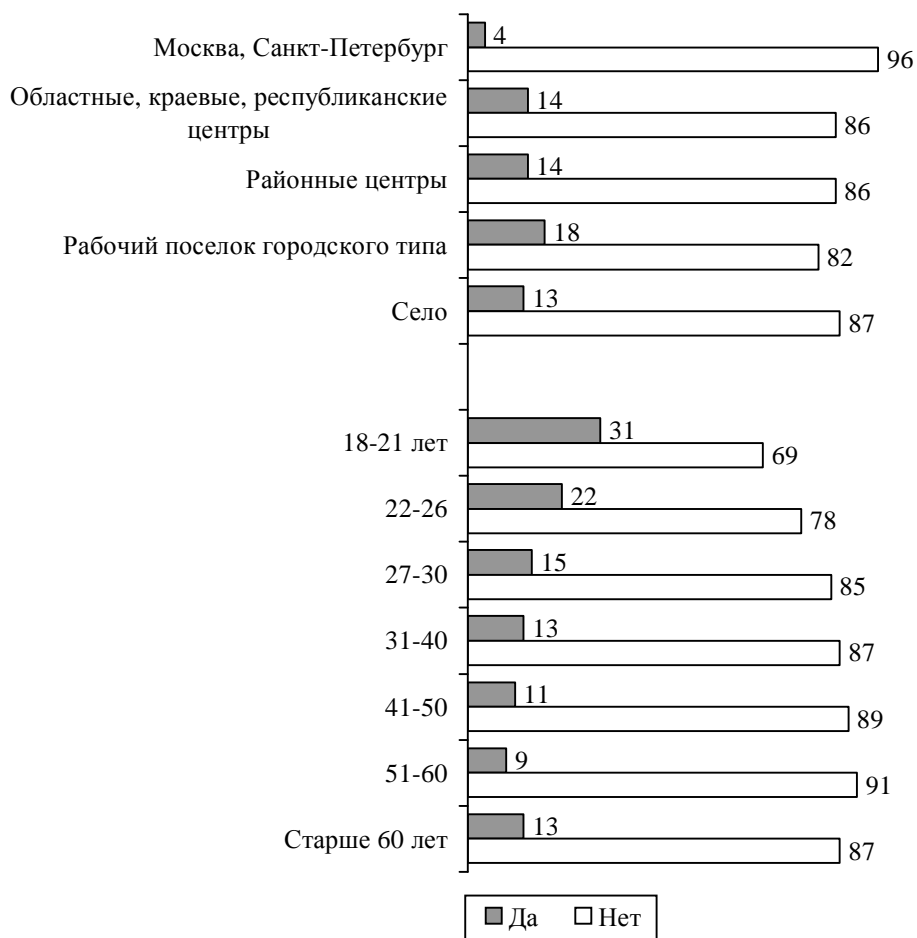

Рис. 57. Ответы на вопрос «Как Вы полагаете, улучшится ли в ходе реформы ЖКХ качество предоставляемых услуг (работа сантехников, содержание подъездов, придомовых территорий и т.д.)?» среди респондентов различных возрастных групп и жителей разных типов поселений, %

Анализ отношения к реформе опрошенных в разрезе различных типов поселений продемонстрировал лишь больший скептицизм в отношении реформы ЖКХ жителей Москвы и Санкт-Петербурга, где приход частного капитала в сферу ЖКХ уже начался и на месте ДЭЗов постепенно начали появляться управляющие и эксплуатационные компании.

10. Оценка россиянами семейной и демографической политики государства

В период социальных катаклизмов, которые переживает наша страна, вопрос будущего института семьи стал одним из актуальных. Не случайно Президент РФ В. Путин в своем Послании Федеральному собранию 2006 г. охарактеризовал демографическую проблему как самую острую¹, отметив при этом, что в среднем число жителей России ежегодно становится меньше почти на 700 тыс. человек.

Начало 1990-х годов ознаменовалось наступлением в России периода длительной депопуляции. Впрочем, такое положение дел не является какой-то специфической российской особенностью. В XX веке с естественной убылью населения столкнулись многие страны. В режиме депопуляции живут Германия, Италия, Болгария, Венгрия, Чехия, Швеция и целый ряд других государств. Спецификой России является то, что депопуляция детерминруется обоими компонентами воспроизводства населения – рождаемостью и смертностью.

¹ Российская газета, 11 мая 2006 г., с.2.

Другими словами, она происходит под двойным давлением, и именно это отличает Россию от западноевропейских стран.

Основные причины низкого уровня рождаемости в большинстве развитых стран, в том числе и в России, большинство специалистов связывают с трансформацией института семьи и брака. Современный тип рождаемости характеризуется относительной устойчивостью идеального числа детей в семье (двое детей разного пола) и динамично развивающейся практикой контроля за сроком появления их на свет (планирование семьи).

Однако в России и рождение второго ребенка является часто «несбывшейся мечтой», поскольку в конкретных семьях планы в отношении рождений корректируются в зависимости от индивидуальных склонностей и жизненных обстоятельств. Условия жизни в современной России в последние 15 лет были у большинства населения достаточно сложными. Падение уровня благосостояния населения, обострение проблем занятости, рост конкуренции за эффективные рабочие места, с одной стороны, и появление новых возможностей в потребительской сфере, рост потребностей, высокий желаемый стандарт жизни, особенно у молодежи с другой, оказали в этот период существенное влияние и на падение рождаемости, и на трансформацию института семьи в целом.

Не случайно и в Послании Федеральному собранию, говоря о демографических проблемах, Президент РФ обратил особое внимание на такие вопросы, как необходимость повышения ценности семьи и детей в общественном сознании, возникновение для женщины угрозы потери работы или необходимости отказа от профессиональной карьеры в случае рождения второго ребенка при одновременном росте ее зависимости от мужа, а также низкие доходы и плохие жилищные условия, мешающие росту рождаемости, сомнение в возможности обеспечить будущему ребенку необходимые образование, медицинскую помощь и приемлемый уровень жизни.

Как показывает исследование, впрочем, для самих россиян семья и дети остаются важнейшими жизненными ценностями. Так, только у 4% опрошенных в их жизненные планы не входило создать счастливую семью. Причем 60% россиян (при 66% состоящих в браке и 12% вдовых) это уже удалось. Еще 20% считали, что еще реализуют эти планы, и лишь 16% полагали, что сделать это им не удастся, хотя хотелось бы. Значимы для россиян и дети – лишь 5% опрошенных не включают в свои жизненные планы «воспитание хороших детей». С точки зрения каждого второго россиянина, это уже удалось сделать, и 36% полагают, что подобная возможность у них еще впереди.

При этом, как свидетельствуют результаты исследования, большинство россиян не испытывают опасений, связанных с невозможностью создания или сохранения семьи (лишь 4% опрошенных указали на такие опасения). Эти опасения и страхи занимают фактически одно из последних мест в предложенном респондентам своеобразном «рейтинге страхов».

Однако это не означает, что у россиян нет никаких проблем или страхов, связанных с имеющейся семьей и детьми. Так, 20% опрошенных указали, что в последний год им пришлось сталкиваться с семейными проблемами. Еще 10% опрошенных указали на наличие проблем с детьми.

Страхи, связанные с семьей и детьми, распространены еще шире, чем проблемы с ними, что, видимо, связано с их особой значимостью. Так, 25% всех россиян опасаются превращения детей в наркоманов, причем среди тех, у кого есть несовершеннолетние дети, этот показатель достигает 32%, а в проблемных семьях (с одним родителем, многодетных и т.п.) – 35%. Еще 13% наших сограждан опасаются превращения кого-либо из членов семьи в алкоголика или наркомана, причем *почти в каждой десятой семье алкоголизм и наркомания отдельных членов семьи уже стали острейшей реальной проблемой*. К этому следует добавить опасения россиян, что им не удастся дать ребенку необходимое образование, страх за здоровье близких и т. д. Единственным страхом, который россияне самостоятельно добавляли к предложенному списку, был страх, также связанный с детьми, – это был страх, что их ребенка призовут в армию.

Особенно актуальны были эти страхи для тех, у кого было двое и более детей, – 39% их опасались, что не смогут дать детям необходимое образование, 33% — превращения

своих детей в наркоманов. *Постоянные стрессы и страхи, связанные с детьми, сказываются и на здоровье представителей этой группы – лишь 27% ее представителей характеризовали свое здоровье как хорошее, в то время как в семьях с одним ребенком этот показатель составлял 43%.*

Таким образом, *семья и дети в условиях современной России – это не столько некий «тыл», позволяющий чувствовать себя увереннее в условиях масштабных трансформаций, но и огромный дополнительный психологический стресс для всех, их имеющих. И только то, что семья и дети, как уже отмечалось выше, являются для россиян очень значимой жизненной ценностью, несколько тормозит дальнейшее развитие кризисных явлений в этой области, в том числе и дальнейшее снижение рождаемости.*

Однако семья и особенно дети – это не только дополнительные психологические, но и серьезные материальные проблемы. Достаточно сказать для иллюстрации этой мысли, что 30% семей с двумя детьми (при 22% – с одним ребенком) относится к 1—3-й стратам, т.е. живет или за чертой, или на черте бедности.

В этой связи надо сказать, что средняя численность семей в нашем исследовании составляла 3 человека, при этом обычно 2 из них работали. Доминирующим (33%) типом семей были полные двухпоколенные семьи, состоявшие из родителей с одним-двумя несовершеннолетними детьми, и еще 7% составляли проблемные семьи с детьми, в том числе 2% — с двумя и более детьми (рис. 58).

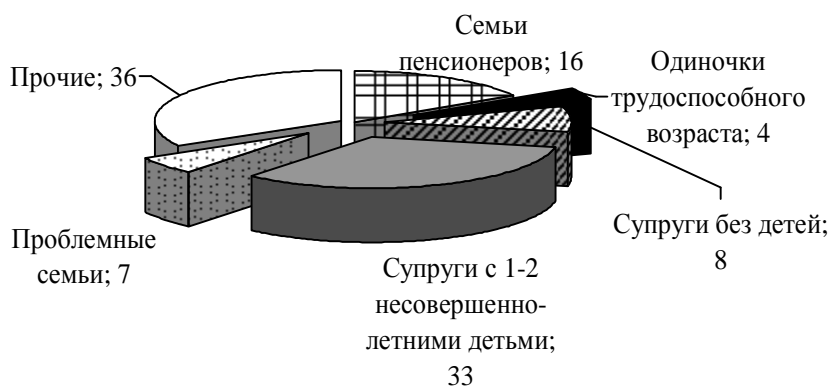

Рис. 58. Доля представителей различных типов домохозяйств среди опрошенных, %

При этом лишь в 29% семей с несовершеннолетними детьми детей было двое, 71% имели лишь одного ребенка. Основная масса имевших двух детей (52%) относилась к возрастной когорте 31—40 лет. Еще 15% относились к более молодой возрастной когорте, а остальные были старше. Если говорить о семьях с одним ребенком, то там картина была несколько иная – 27% всех имевших одного несовершеннолетнего ребенка находились в возрасте до 30 лет включительно, а остальные были старше.

В целом можно сказать, что среди россиян в возрасте до 40 лет рождение даже первого ребенка часто откладывается «на потом» (36% опрошенных в этой возрастной группе не имели детей – это очень высокий показатель), а на рождение второго решались немногие – лишь 19% представителей этих возрастных когорт рискнули заводить двух детей.

По данным исследования, почти половина несовершеннолетних детей проживает в селах и поселках городского типа, где чаще встречаются семьи с двумя детьми. Причем на рождение второго ребенка чаще решаются россияне со средним или средним специальным образованием – у них доля семей с двумя детьми в полтора раза выше, чем в семьях россиян с высшим образованием.

Это является косвенным свидетельством того, что от рождения второго ребенка чаще отказываются не столько из-за материальных соображений (в селах и ПГТ уровень

жизни, как известно, ниже, чем в более крупных населенных пунктах), а из-за сопутствующих ему проблем – потеря перспектив на работе, предполагающие отказ от активного образа жизни организационные проблемы и т.д. Помочь с решением этих проблем могло бы развитие сети дошкольных, школьных и внешкольных детских учреждений, а не просто дополнительные денежные выплаты.

Пока же тенденция воспроизводства в большей степени социальных слоев – носителей относительно меньшего культурного капитала — является весьма тревожной с точки зрения обеспечения интересов страны в условиях растущей глобализации мировой экономики, предъявляющей повышенные требования к качеству рабочей силы. Пока в России в возрастных когортах до 40 лет в семьях, где хотя бы один из родителей имеет высшее образование, лишь в 24% случаев решаются на рождение второго ребенка, в то время как, например, в семьях со средним образованием родителей – в 48%, а со средним специальным – в 41%.

Мы говорим об этом, разумеется, не потому, что считаем, что не нужно повышать денежные выплаты семьям с детьми, а потому, что последние хотя и улучшат их положение, но не приведут к резкому скачку рождаемости именно в тех слоях населения, где оно в наибольшей степени оправдано с точки зрения стратегических интересов государства.

Повышение же размеров помощи государства семьям с детьми в любом случае абсолютно необходимо. Как показало наше исследование, наличие второго ребенка резко увеличивает риск оказаться в реальной бедности. Так, например, при том, что уровень доходов до 3000 руб. (по самооценке респондентов) имели 30% опрошенных, среди семей с двумя детьми этот уровень дохода имели уже 40%. При этом доходы свыше 4500 рублей имели 41% бездетных семей, 45% семей с одним ребенком, но только 25% – с двумя детьми.

Среднее количество детей в семьях в ходе нашего опроса оказалось 1,3, что практически совпадало с данными Росстата. При этом в 11% семей с одним ребенком и в 17% семей с двумя детьми были безработные или не имеющие постоянной работы, в 8% и 18% соответственно – инвалиды 1-й и 2-й групп и хронические больные с ограниченной трудоспособностью, в 17% во всех семьях с детьми – неработающие пенсионеры. В целом же в 30% семей с 1 ребенком и в 38% семей с двумя детьми имелись взрослые неработающие члены семьи.

Как показало исследование, *значительная иждивенческая нагрузка со стороны взрослых членов семьи плюс к несовершеннолетним детям, естественно, дополнительно осложняет положение многих россиян.* Если количество работающих и иждивенцев превышает соотношение 2:1, то материальное положение семьи резко ухудшается. Достаточно сказать, что среди семей с двумя и более детьми, где имелись взрослые нетрудоспособные (или частично трудоспособные) члены семьи, 45% относились к трем нижним стратам, выделенным по их уровню жизни, т.е. или балансировали на черте бедности, или сползли за эту черту. Среди семей с одним ребенком этот показатель не превышал 20%. Это значит, что рождение второго ребенка, помимо всего прочего, лишает семью всякого запаса прочности, и малейшие проблемы (болезнь, безработица и т. п.) взрослых членов семьи означают ее реальное сползание в бедность.

Таким образом, *размер заработной платы в России сегодня таков, что даже при отсутствии других иждивенцев допускает возможность вырастить вдвоем лишь одного ребенка и означает автоматическое качественное падение для большинства россиян уровня жизни в случае рождения второго ребенка.* Особенно драматичным становится положение в случае, когда из-за развода, смерти второго супруга и т.д. ребенка (или детей) растит только один из родителей. К таким семьям относится треть семей с одним ребенком и чуть больше 20% – с двумя детьми. Еще хуже оказывается положение, когда помимо детей в составе семьи есть другие нетрудоспособные.

Как правило, очень тяжелым является положение и в семьях, имеющих более двух детей. Так, например, что касается семей с тремя и более детьми, то две трети их относятся к трем беднейшим стратам. При этом более половины представителей таких проблемных семей и на будущее ожидают дальнейшего ухудшения своего положения.

Как видим, не случайно многодетность выступает для россиян более серьезным основанием для предоставления льгот, чем сама по себе бедность. *Россияне четко осознают взаимосвязь семейной ситуации и риска скатиться за черту бедности.* Четверть россиян назвали семейные несчастья и пятая часть — наличие в семье большого числа иждивенцев в числе пяти наиболее важных причин попадания их личных знакомых в состав живущих за чертой бедности.

В условиях, когда собственная экономическая активность населения в большинстве регионов из-за состояния местного рынка труда не может скомпенсировать расходов на второго и последующего детей, не удивительно, что основную ответственность по социальной поддержке семьи и детей россияне склонны возлагать, прежде всего, на государственные органы власти (рис. 59).

Рис. 59. Ответы на вопрос «Кто в первую очередь, на Ваш взгляд, должен нести ответственность за оказание помощи семье и детям», %

Как видно на рисунке 59, в оценках россиян различается лишь уровень государственных институтов, на которые ими возлагается ответственность за реализацию семейной и демографической политики. Так, относительное большинство опрошенных (49%) в качестве субъекта такой ответственности назвали федеральные органы власти. Еще 25% респондентов возлагают ответственность на местные органы власти, и 18% – на региональные. Среди различных социально-демографических групп, и прежде всего среди представителей различных типов семей, результаты исследования не выявили значимых различий в оценках по данному вопросу.

За время президентства В. Путина россияне достаточно позитивно оценивают изменения в системе государственной поддержки семьи и рождаемости. Доля тех, кто отметил ухудшение ситуации в этой сфере, практически в полтора раза меньше тех, кто считает, что ситуация улучшилась (19% против 34% соответственно). Большинство опрошенных (46%) были уверены при этом в том, что государственная поддержка семьи и рождаемости пока практически не претерпела существенных изменений. Можно надеяться, что с принятием мер, реализация которых уже началась (введение материнского капитала, совершенствование системы пособий и т. д.), ситуация в этой области изменится.

Пока же несколько неожиданными выглядят данные, согласно которым наиболее негативные оценки, касающиеся изменения ситуации в сфере поддержки семьи и рождаемости, наблюдаются среди жителей мегаполисов. Лишь 19% респондентов столичных городов указали на позитивные изменения в системе поддержки семьи и рождаемости, тогда как 29% опрошенных этой группы считают, что ситуация в данной сфере ухудшилась.

Подобные негативные оценки среди жителей столичных городов обусловлены тем, что реализовывавшаяся до последнего времени органами власти социально-демографическая политика практически нивелировалась высоким уровнем жизни в этих го-

родах и носила единовременный характер, рассчитанный на поддержку не семьи, а лишь рождения ребенка. Отчасти косвенным подтверждением этого является и то, что, согласно данным многих исследований других аналитических структур, приоритетными, по мнению подавляющего большинства опрошенных, являются меры, направленные на увеличение размера детских пособий и материальную поддержку молодым семьям.

Кроме того, именно в мегаполисах, где институт сидящих с внуками бабушек отошел в прошлое, и острее стоит дилемма «ребенок – работа», включая профессиональный рост и высокий уровень жизни, болезненнее, чем в других типах поселений, воспринимают проблемы, связанные с работой детских дошкольных учреждений. Только 5% их жителей (при 13% по массиву в целом) полагают, что ситуация в этой области за последние годы улучшилась, и 35% (при 32% по массиву в целом) считают, что она ухудшилась. Гораздо критичнее, чем по стране, воспринимают в мегаполисах и ситуацию в области школьного образования.

Это значит, что *воспитывать детей в мегаполисах относительно тяжелее, чем в других местах*. Стоимость жизни в них дороже, риски для детей (от личной безопасности до угрозы наркомании) достаточно высоки, огромны риски для матери, связанные со снижением ее конкурентоспособности на рынке труда, а система государственной помощи семьям с детьми (дошкольные, школьные, внешкольные детские учебные и воспитательные учреждения), позволяющая россиянам самостоятельно решать свои материальные проблемы, со своими задачами справляется плохо. Наименьшие же нарекания по отношению к системе дошкольного и школьного образования наблюдаются в селах, однако там острее стоят проблемы, связанные с будущим детей после окончания школы, в частности с невозможностью дать им необходимое образование.

11. Социальные реформы: от монетизации льгот к национальным проектам

Реформы 1990-х годов вызвали у большинства россиян стойкий антиреформаторский синдром, который обусловил настороженное, а в ряде случаев заведомо негативное отношение к любым преобразованиям в экономической и социальной сферах. Одновременно с этим в обществе все последние годы формировался запрос на новое качество жизни и требование «вернуть» государству социальную сферу.

Все это обусловило достаточно противоречивое отношение россиян к этой проблеме. С одной стороны, налицо экономический подъем последних лет и благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, результатом которых стал рост реальных доходов населения. С другой – *усиление недовольства россиян практически всеми сторонами социальной жизни, которое фиксируется массовыми опросами, в том числе и настоящим исследованием*.

Так, на вопрос о том, как изменилось положение дел в различных сферах жизни российского общества за время президентства В. Путина, из 14 показателей лишь в 4 респондентами отмечаются позитивные изменения (безработица, возможность зарабатывать, поддержка семьи, пенсионное обеспечение). По всем остальным сферам россияне либо не видят никаких изменений ни в лучшую, ни в худшую сторону, либо отмечают ухудшение ситуации.

По таким важным сторонам жизни, как бедность, социальная справедливость, ситуация с детскими дошкольными учреждениями, с высшим образованием, здравоохранением, жильем, экологией, безопасностью, доля критических оценок превышает долю положительных в два-три раза (табл. 20). Недовольство людей далеко не случайно и отражает недоучет в реализуемой социальной политике многих особенностей современной российской действительности.

**Изменение положения дел в различных сферах жизни
за время президентства В. Путина, %¹**

<i>Сферы</i>	<i>Ситуация улучшилась</i>	<i>Ситуация осталась прежней</i>	<i>Ситуация ухудшилась</i>
1. Безработица	38	45	16
2. Возможность зарабатывать	43	43	13
3. Бедность	16	53	31
4. Социальная справедливость	11	58	30
5. Поддержка семьи и рождаемости	34	46	19
6. Дошкольные детские учреждения	13	54	31
7. Среднее образование	14	69	17
8. Высшее образование	13	52	34
9. Здравоохранение	13	43	43
10. Жилищная ситуация	10	47	42
11. Пенсионное обеспечение	29	46	24
12. Уровень жизни населения	20	48	32
13. Экологическая ситуация	7	64	28
14. Личная безопасность	7	68	25

¹ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

Возникает закономерный вопрос: почему гораздо худшая ситуация конца 1990-х годов, сопровождаемая острыми коллизиями (один кризис 1998 г. чего стоит!) не вызывала столь выраженного недовольства? Таких причин несколько.

В середине и особенно конце 1990-х годов большинство населения отчетливо понимало, что страна находится в глубочайшем кризисе и всерьез рассчитывать на позитивные перемены не приходится. За последние 6 лет многое изменилось. За этот период преодолен «постдефолтный синдром», в обществе сформировалось стойкое ощущение, что выход страны из кризиса не за горами, что стоит еще немного потерпеть и можно рассчитывать на конвертацию экономического роста в улучшение жизни. В стране появился президент, пользующийся поддержкой большинства граждан, который к тому же бросил клич «Все на борьбу с бедностью!». Соответственно, *планка общественных притязаний выросла настолько, что имеющийся уровень материального и социального положения уже не отвечает новому запросу общества к уровню и качеству жизни.*

Между тем заметных сдвигов в уровне жизни большинства россиян на протяжении значительного времени так и не произошло, о чем свидетельствуют данные о стабильности социальной структуры общества и его материального благосостояния. В последние годы весь прирост реальных доходов населения пошел на компенсацию деградации имущественного потенциала домохозяйств, которая произошла в тяжелые 1990-е годы, а не на реальное улучшение качества жизни населения.

Показательны в этом отношении резкие колебания оценок качественных аспектов жизни за последние 6 лет. Так, с момента избрания В. Путина президентом страны в 2000 г. за короткий промежуток времени – всего лишь 3 года (к 2003 г.) – более чем втрое выросло

число тех, кто счел, что ситуация с уровнем жизни населения улучшается — с 6 до 21%. При этом доля тех, кто полагал, что она ухудшается, оставалась практически неизменной и составляла 23% в 2000 г. и 25% в 2003 г. В следующее трехлетие ситуация заметно изменилась. Доля россиян, отмечающих улучшение, осталась практически той же, а вот тех, кто фиксирует ухудшение, выросла – с 25 до 32%. Это отражает и возникшее разочарование недостаточными темпами улучшения ситуации, и рост ожиданий населения.

Ситуация с личной безопасностью носит практически противоположный характер. Пик негативных оценок пришелся на 2003 г. (32%), а к 2006 г. доля оценивающих ситуацию в сфере личной безопасности как ухудшающуюся снизилась до 25% (табл. 21). И это притом, что после 2003 г. был Беслан, который до основания потряс все российское общество.

Таблица 21

Динамика оценок россиянами изменения положения дел в стране за период пребывания В. Путина у власти, %

	Ситуация улучшилась			Ситуация ухудшилась		
	2000 г.	2003 г.	2006 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Уровень жизни населения	6	21	20	23	26	32
Личная безопасность	5	6	7	21	32	25

В данном случае мы имеем дело с социально-психологическими причинами, коренящимися в *усталости значительной части общества от той социально-экономической модели, которая предполагает стабильность, но не обеспечивает конвертацию экономического роста в улучшение качества жизни всего населения.*

Среди причин роста недовольства россиян в последние годы следует назвать настроенное отношение наших сограждан к любым социальным новациям властей, заметно усилившееся после монетизации льгот. *Сегодня у многих людей присутствует ощущение, что объявленные социальные программы означают не что иное, как перекладывание бремени ответственности за их решение на самих граждан, причем именно в тех сферах и областях, где россияне особо рассчитывают на государство, прежде всего, в пенсионном обеспечении (85%), борьбе с бедностью (74%), медицине (68%) и образовании (как высшем, так и среднем – 64%).* Причем полагаются не просто на государство, а на структуры федеральной власти, поскольку понимают, что перенесение центра тяжести в реализации многих социальных программ в регионы, подавляющее большинство из которых является дотационными, означает не что иное, как своеобразную и хорошо известную по 1990-м годам форму «сброса социалки».

Было бы неправильным считать, что требования к властям – это исключительно проявление присущих нашим гражданам иждивенческих и патерналистских настроений, которые, безусловно, есть, но они характерны далеко не для большинства населения. За последние 15 лет многие россияне научились адаптироваться к окружающей реальности самостоятельно, не рассчитывая на помощь государства. 42% россиян соглашались с тем, что человек – сам кузнец своего счастья. В материально обеспеченных группах доля респондентов, полагающих, что дело обстоит именно так, достигает 59%.

Свыше половины россиян (58%), однако, думают иначе – определяющими их счастья являются внешние обстоятельства, существующие в обществе «правила игры», к которым далеко не всем удается приспособиться. Учитывая, что говорилось в предыдущих разделах о социально-демографическом составе группы «патерналистов», это не удивительно. Вряд ли от пенсионеров или жителей депрессивных регионов можно ожидать другой реакции.

Многие россияне, даже вполне благополучные, но понимая сложности остальных, считают, что в обществе должен быть найден баланс между индивидуальной самореализацией и деятельностью государства, которое по Конституции является социальным и должно обеспечить базовые гарантии тем гражданам, которые не способны решить свои проблемы сами по объективным причинам, включая депрессивное состояние экономики многих регионов (рис. 60).

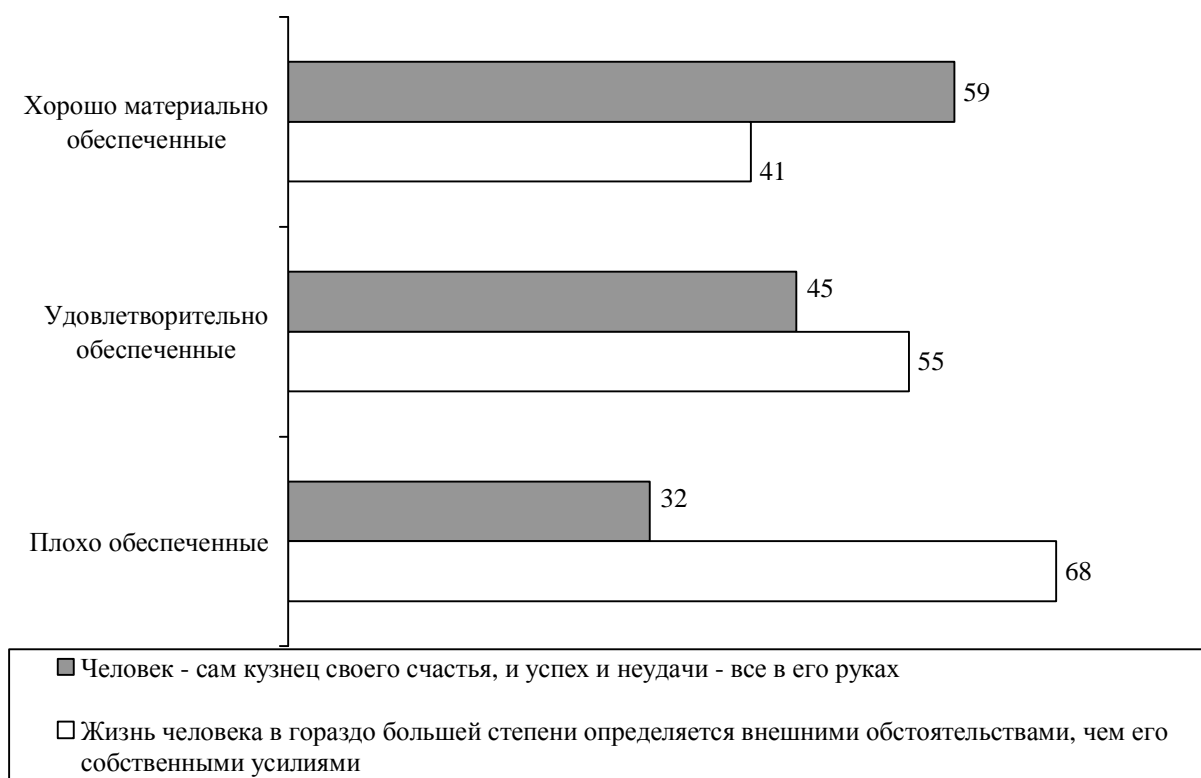

Рис. 60. Выбор респондентов в паре альтернативных суждений «Человек – сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи – все в его руках» и «Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями» в зависимости от уровня материальной обеспеченности, %

Настороженное отношение к любым социальным реформам связано с *крайне низким уровнем информированности россиян о сути этих реформ, что, в свою очередь, порождает массу слухов, домыслов, фобий и т. д.* Так, от объявления президентом о национальных проектах до проведения нашего исследования прошло полгода, однако 44% респондентов о них ничего не знали. Отсюда весьма смутное представление о том, для чего эти проекты нужны и какой ожидать от них результат. И соответственно – априорное недоверие к тому, что предлагается. Взять даже такое стабильно одобряемое обществом дело, как повышение зарплатных плат: 58% россиян не верили, что увеличение зарплат бюджетникам в полтора раза до 2008 г. сможет действительно улучшить их материальное положение. Еще больше тех (73%), кто не верил, что это увеличение будет способствовать росту качества медицинских и образовательных услуг (рис. 61).

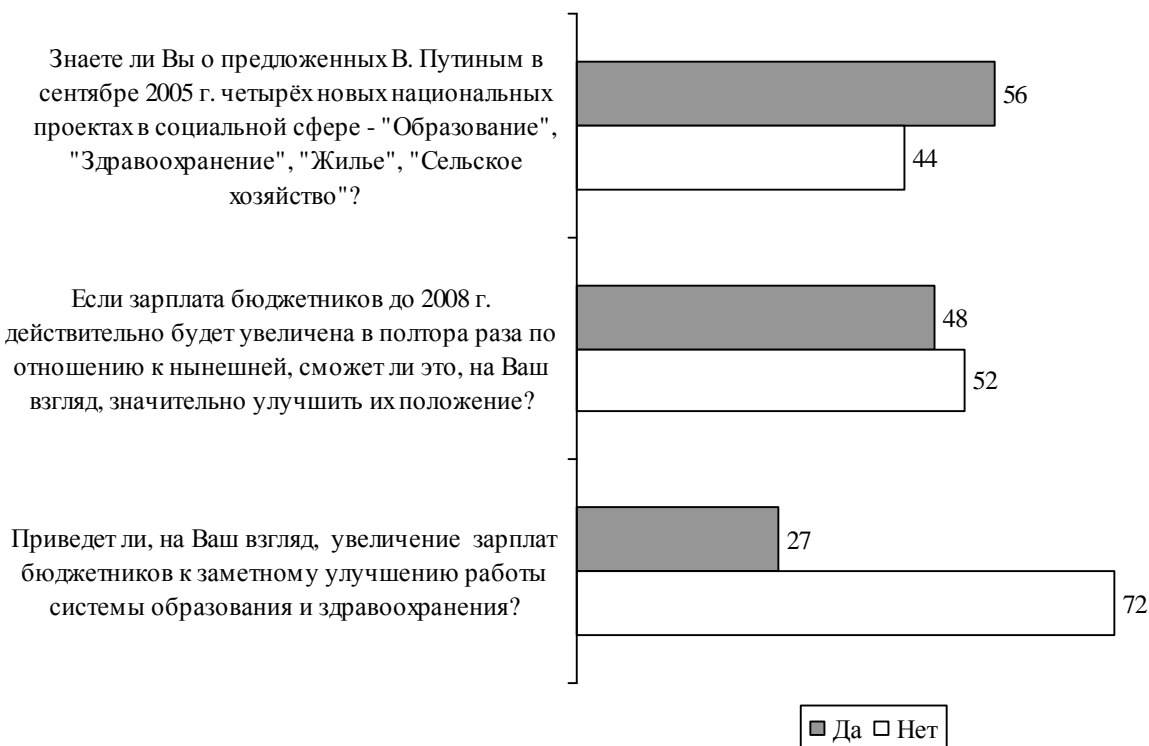

Рис. 61. Уровень информированности россиян о национальных проектах и их отношении к этим проектам, %

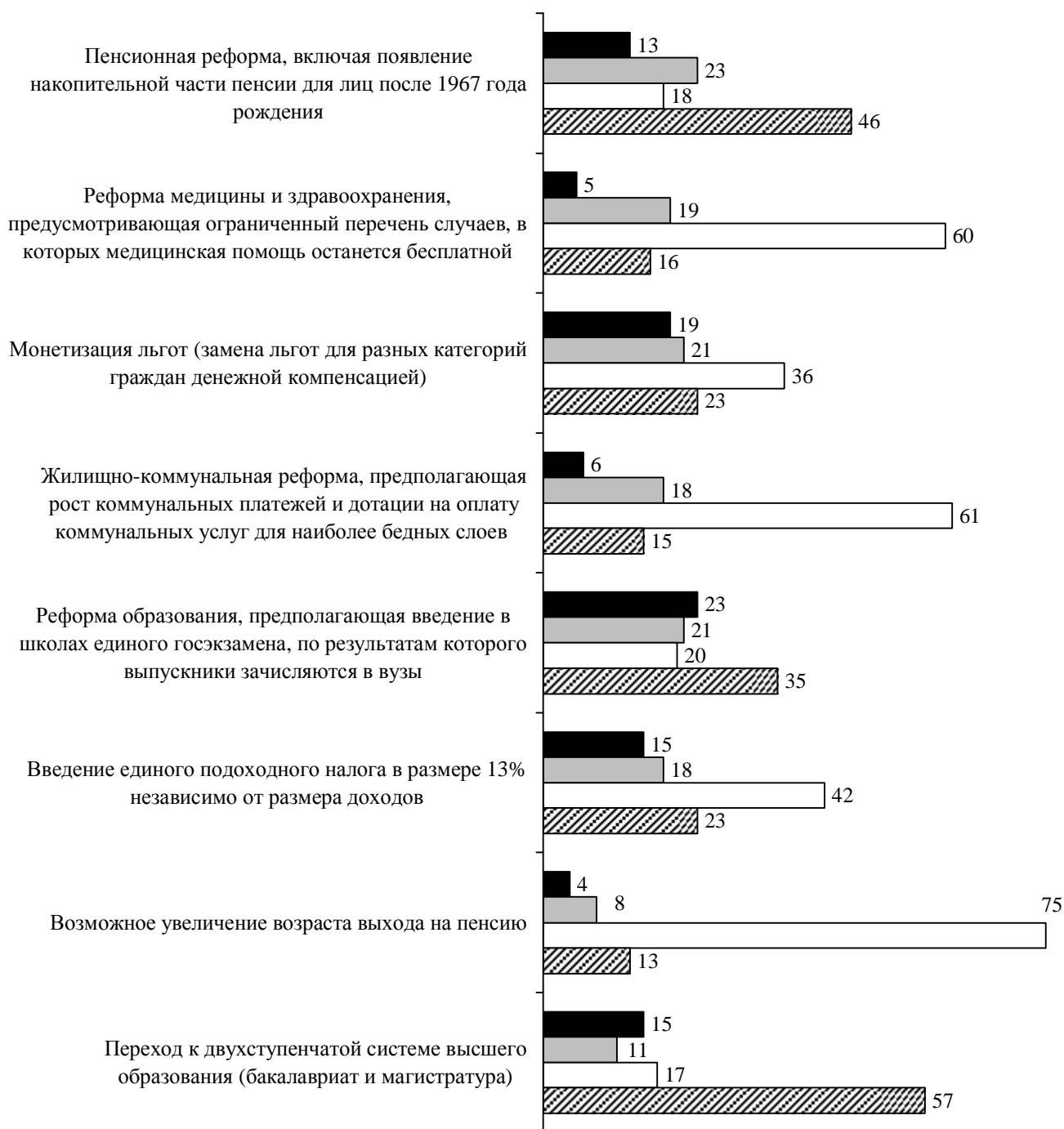
Чем хуже (по самооценкам) материально обеспечены респонденты, тем, как правило, они менее информированы о национальных проектах в социальной сфере, и тем больше скепсиса демонстрируют в отношении того, что увеличение заработной платы бюджетников заметно улучшит их положение, а рост заработной платы повлечет за собой улучшение работы системы образования и здравоохранения (табл. 22).

Таблица 22

Уровень благосостояния россиян, согласившихся с высказываниями, касающимися национальных проектов в социальной сфере, %

Материально обеспечены	Знаете ли Вы о предложенных В. Путиным в сентябре 2005г. четырех новых национальных проектах в социальной сфере – «Образование», «Здравоохранение», «Жилье», «Сельское хозяйство»?	Если зарплата бюджетников до 2008г. действительно будет увеличена в полтора раза по отношению к нынешней, сможет ли это, на Ваш взгляд, значительно улучшить их положение?	Приведет ли, на Ваш взгляд, такое увеличение их зарплат к заметному улучшению работы системы образования и здравоохранения?
Хорошо	76	57	41
Удовлетворительно	57	42	27
Плохо	49	39	25

Как показывает исследование, у многих россиян весьма смутные представления не только о национальных проектах, но и о реформах, которые начались уже – 5—6 лет назад (рис. 62).

■ Считают правильной и способной улучшить их положение и положение их семьи
 ■ Считают в целом правильной, но боятся, что их положение от этого только ухудшится
 □ Считают неправильной и вредной по своим последствиям для них и для их семей
 ▨ Не знают толком суть этой реформы и не имеют к ней четкого отношения

Рис. 62. Отношение россиян к тем реформам в социальной сфере, реализация которых уже началась или может скоро начаться, %

В то же время было бы неправильным считать, что в российском обществе доминирует глухое неприятие и отторжение любых социальных новаций властных структур.

В целом отношение к реформам можно разделить на две группы. Первая – *это осуществляемые или планируемые реформы, которые отвергаются населением, считаются неправильными и неприемлемыми*. К ним можно отнести предложения об увеличении возраста выхода на пенсию, реформу ЖКХ и медицины и, что неожиданно, единую 13% шкалу подоходного налога, существующую уже много лет и не вызывавшую, казалось бы, особых нареканий.

Ко второй группе относятся реформы, которые значительное число россиян (от трети и выше) готовы поддержать, хотя и с оговорками. Имеется в виду их поддержка только в том случае, если соответствующие реформы не ухудшат их материального положения. К таким реформам относятся пенсионная реформа, монетизация льгот, введение единого госэкзамена в школах. Как показало исследование, спустя год после начала монетизации льгот, вызвавшей массовые протесты по всей стране, доля россиян, относящихся к ней позитивно (40%), несколько превосходила долю тех, кто относился к ней негативно, считал неправильной и вредной (36%). В то же время 36% недовольных после всех дополнительных затрат, которые пришлось понести государству для снятия волны протестов, – это очень много.

В группах респондентов, которые попали под монетизацию льгот, доля позитивных оценок (одобряющих и одобряющих с оговорками) оказалась самой высокой – 46% и 44% среди респондентов 51–60 лет и старше, соответственно (табл. 23). В этих группах был и наивысший процент негативистов, полагающих, что ничего кроме вреда эта реформа не принесла (36% и 45%).

Таблица 23

Отношение россиян к монетизации льгот (замене льгот для разных категорий граждан денежной компенсацией), %

<i>Возраст</i>	<i>Считают правильной и способной улучшить их положение и положение их семьи</i>	<i>Считают в целом правильной, но боятся, что их положение от этого только ухудшится</i>	<i>Считают неправильной и вредной по своим последствиям для них и для их семьи</i>	<i>Не знают толком суть этой реформы и не имеют к ней четкого отношения</i>
18–21 лет	24	18	24	34
22–26 лет	18	17	34	32
27–30 лет	18	16	32	34
31–40 лет	17	19	35	30
41–50 лет	20	20	36	24
51–60 лет	18	28	36	18
Старше 60 лет	22	21	45	12

Судя по результатам настоящего исследования, переход несколько лет назад к плоской шкале налогообложения прошел на удивление легко, не вызвав особых протестов ни среди населения, ни у левой оппозиции. Между тем отношение россиян к этой системе было и остается невесторженным. Негативизм наблюдается, прежде всего, у работающего старшего поколения (51–60 лет), а также у средне- и малообеспеченных групп. Лишь среди хорошо обеспеченных россиян отношение к этой системе скорее позитивное (табл. 24).

**Отношение россиян к введению единого подоходного налога в размере 13%
независимо от размера доходов, %**

	<i>Считают правильной и способной улучшить их положение и положение их семьи</i>	<i>Считают в целом правильной, но боятся, что их положение от этого только ухудшится</i>	<i>Считают неправильной и вредной по своим последствиям для них и для их семьи</i>	<i>Не знают толком суть этой реформы и не имеют к ней четкого отношения</i>
Возраст, лет				
18–21	10	24	45	21
22–26	22	14	40	24
27–30	17	18	40	25
31–40	17	23	42	18
41–50	18	20	43	19
51–60	13	15	49	23
Свыше 60	8	14	39	39
Материально обеспечены				
Хорошо	32	18	30	20
Удовлетворительно	14	20	43	23
Плохо	12	15	45	28

Почему одна реформа, которая значительным числом россиян признается правильной и нужной, вызывает всплеск недовольства, а другая – воспринимается многими как вредная и неправильная, но не вызывает протестов?

Видимо, что все дело, прежде всего, в представлениях россиян о справедливости. Если налоги, хотя и по единой ставке, платят все или почти все, то льготы были ликвидированы, как известно, выборочно. Причем они сохранились именно для тех, кто так настойчиво объяснял народу их вредность – для российской бюрократии. Вот с этим россиянам смириться очень трудно.

Власть, судя по всему, извлекла урок из неудачи с монетизацией льгот, и реализация национальных проектов началась на фоне достаточно активной работы с населением и с учетом общественных ожиданий.

Заключение

Как показало исследование, один из ключевых факторов, определяющих отношение россиян к социальной политике государства, – практикуемые формы социальной помощи бедным слоям населения. Но это не означает, что наши сограждане выступают за принцип «всем сестрам – по серьгам». Идея поддержки всех малоимущих, независимо от причин их тяжелого положения, не является в массовом сознании россиян доминирующей. О наличии какой-то универсалистской модели поддержки говорить не приходится. Речь, скорее, должна идти о четко выраженной модели хотя и адресной, но категориальной помощи в соответствии с приоритетами населения страны. Причем помощи, предполагающей для трудоспособного населения не столько «раздачу» денег, сколько создание возможностей самостоятельно решать свои проблемы в силу изменения ситуации на рынке труда. За обеспечение таких возможностей, по мнению россиян, и несет ответственность в первую очередь государство. Прямая денежная помощь, с точки зрения большинства населения, должна оказываться лишь тем, кто в силу объективных причин не способны сами улучшить свою ситуацию. От континентальной модели данную оптимальную для россиян модель социальной политики отличает, прежде всего, то, что роль страхования в ней близка к нулю (даже добровольное медицинское страхование в 2005—2006 гг. использовали только 12% россиян, не говоря о дополнительном пенсионном страховании), а также то, что корпоративная социальная политика затрагивает незначительную долю граждан. Таким образом, оптимальной для большинства россиян является модель социальной политики, в которой в отличие от других моделей имеет место несопоставимо бóльшая роль государства как фактически единственно значимого субъекта социальной политики и механизмов ее реализации.

Вместе с тем материалы исследования убедительно показывают, что патерналистские ожидания большинства россиян являются не столько следствием иждивенческих умонастроений, сколько их единственной надеждой на получение помощи при неспособности самостоятельно решить свои проблемы. Не случайно основная масса патерналистов в сегодняшней России – это люди, которые на собственном примере убеждаются, что решить свои проблемы успешно, как это делает большинство окружающих, они не способны, даже когда речь идет о реализации таких базовых потребностей, как получение медицинской помощи. Учитывая, что среди патерналистски настроенного населения 33% не работают (в том числе 30% – это неработающие пенсионеры по возрасту и по инвалидности и 3% – неработающие по другим причинам), а еще 29% – это работающие представители тех, кому «за 50», объективная основа имеющихся патерналистских ожиданий совершенно понятна. Для сравнения отметим, что соответствующие показатели в среде сторонников опоры на собственные силы – 13% (12% + 1%) и 17%.

Что касается отношения «патерналистов» к реформам в социальной сфере, то в данной группе наблюдается их острое неприятие. Это особенно проявляется в отношении реформы медицины и здравоохранения, предусматривающей ограниченный перечень случаев, в которых медицинская помощь останется бесплатной (госстандарт), а все остальные медицинские услуги станут платными (62%). Резко негативная реакция здесь наблюдается и по отношению к возможному увеличению возраста выхода на пенсию (77%).

Результаты проведенного исследования в полной мере аргументируют тезис о том, что современное государство должно гарантировать социальные права граждан и защищать их от социальных рисков. Нельзя целиком переносить ответственность за благосостояние на плечи индивида. Одна из главных задач социальной политики на современном этапе – создать трамплин для собственной ответственности. В этой связи политикам и обществу важно отдавать себе отчет, какие ресурсы необходимо предоставить самым нуждающимся (учитывая неоднородность группы бедных и заметную дифференциацию уровней бедности внутри самой группы), чтобы остановить процесс скатывания миллионов людей в социальную и экономическую изоляцию.

Одной из важнейших задач социальной политики должна стать не борьба с бедностью как таковой (которая существует всегда и в любом обществе), а предотвращение опасных

тенденций расширения социальной исключенности (экслюзии) уязвимых групп из нормальной жизни общества, поскольку социальная экслюзия с неизбежностью порождает бедность. Поэтому главной предпосылкой социальной политики должно становиться понимание того, что ответственность за социальные риски и их последствия не может возлагаться на человека без предоставления ему рычагов и механизмов реализации этой ответственности, и прежде всего через возможности эффективной занятости, усвоение навыков поведения в условиях рыночной экономики.

Особый объект социальной политики государства – люди пенсионного возраста. Исследование выявило, что в настоящее время положение российских пенсионеров отличается отрицательной динамикой. Одна из причин этого ухудшения – массовое устаревание товаров длительного пользования в семьях пенсионеров и отсутствие возможности их обновления. Другая состоит в том, что структура расходов пенсионеров отличается увеличенной долей затрат на медицинские услуги и лекарства, а проведенная монетизация льгот только ухудшила ситуацию для многих из них.

Несмотря на это, изменения в системе пенсионного обеспечения, ответственность за которое возлагается и населением в целом, и пенсионерами на государство, мало у кого вызывают нарекания в отличие от монетизации льгот. По всей вероятности, это связано с тем, что пенсионная реформа в основном влияет не на сегодняшних пенсионеров, а на тех граждан, кто в настоящее время находится на пике своего трудового пути или только начинает его. В связи с этим они могут использовать различные альтернативные модели поведения, думая при их выборе не только о текущих доходах, но и о доходах, которые предстоит получить после достижения пенсионного возраста. У них есть, например, возможности «обеления зарплаты» для увеличения пенсионных отчислений, вложения средств в более доходные, хотя и более рискованные, частные пенсионные фонды и т.д. Кроме того, россияне, на которых эта реформа отразится в максимальной степени, не только недостаточно осведомлены о ее сути, но молоды и активны, и перспектива получения пенсии кажется им еще достаточно туманной и отдаленной.

Как показало исследование, здоровье играет ключевую роль в жизни всех россиян. В этой связи понятно, почему потеря здоровья является для населения страны наиболее важным, актуальным страхом, поскольку эта потеря не просто опасна сама по себе, но и может привести к застойной бедности. Понимание здоровья как экономического ресурса наиболее свойственно благополучным слоям населения, для которых потеря здоровья может обернуться резким снижением возможностей заработка и соответственно снижением уровня и качества жизни. При этом благополучные группы обладают лучшим здоровьем, в то время как низшие слои населения оценивают свое здоровье гораздо хуже. Именно последние оказываются под ударом в случае необходимости платного лечения, так как зачастую не только не обладают необходимыми финансовыми средствами, но и не имеют возможности обратиться за помощью к друзьям и родственникам.

В целом, как вытекает из результатов исследования, почти две трети нуждавшихся в медицинской помощи россиян вынуждены были за последний год отказывать себе в необходимых лекарствах или лечении из-за недостатка средств. Более 40% населения не представляют, что они могли бы сделать в случае необходимости потратить значительные суммы на лечение. Это в первую очередь представители наименее благополучных групп населения, а также пожилые россияне. Таким образом, эти группы оказываются наиболее незащищенными в случае проблем со здоровьем, и при возникновении серьезных заболеваний они окажутся неспособными справиться с ними самостоятельно.

Механизмы, существующие в условиях рыночной экономики для самостоятельного решения проблем со здоровьем, россиянами почти не используются. Практически не распространено добровольное медицинское страхование и кредитование на медицинские нужды. Для более трети россиян существует возможность обратиться к знакомому врачу, но даже знакомство с ним не может решить всех проблем, возникающих со здоровьем и оплатой необходимых медицинских услуг.

Предпочтения россиян в сфере политики здравоохранения во многом связаны с фактическим положением дел в этой области и невозможностью для большинства из них самостоятельно решить свои проблемы. Что касается реформы здравоохранения, предусматривающей введение ограничений на случаи, по которым помощь будет предоставляться бесплатно, то более половины россиян считают ее неправильной и опасаются ухудшения своего положения. Это не удивительно, учитывая, что ответственность в сфере медицинского обслуживания, по мнению подавляющего большинства россиян, лежит исключительно на государстве. Такое убеждение больше связано с невозможностью для россиян самостоятельно оплатить расходы, которые приходится нести в случае болезни при отсутствии государственных гарантий, а также с фактическим отсутствием способов получить деньги на лечение.

Вместе с тем половина россиян считает принцип частичного финансирования медицинских услуг со стороны индивида правильным. Кроме того, большая часть населения не считает, что государство должно полностью предоставлять бесплатное медицинское обслуживание всем нуждающимся, взимая при этом налоги со всех категорий населения.

Таким образом, обществу требуется компромисс в сфере медицинского обслуживания. Поскольку для большой доли населения остро стоит вопрос доступности медицинских услуг, то от государства требуются гарантии предоставления необходимой медицинской помощи в полном объеме. При этом часть населения (не более 40%) готова частично оплачивать медицинские расходы в случае, если качество предоставляемых услуг будет достаточно высоким.

В современном мире, ориентирующемся на знания как главный фактор производства, важнейшим вопросом социальной политики становится определение соответствия направленности реформ, которые проводятся или планируются государством в сфере образования, запросов национальной экономики и возможностей реализации доступа к образованию как важной социокультурной нормы населения.

Как показало исследование, доступ к качественному среднему и высшему образованию зависит сегодня от материального положения, места жительства и уровня образования родителей. Особенно драматично выглядит ситуация с доступом к образованию жителей сел и малых городов, где все эти факторы сливаются воедино со знаком минус.

Возникшие в пореформенной России ограничения в доступе к образованию представителей различных социальных слоев постепенно приводят к «замыканию» определенных групп населения, то есть происходит усиление непроницаемости границ между группами, характеризующимися разными возможностями доступа к образовательным услугам. В этой связи особое значение имеет установленный в ходе настоящего исследования факт, что проводимые нашим государством изменения в сфере образования в целом не отвечают социальному запросу общества и реальной социальной ситуации. Так, по мнению населения, введение ЕГЭ не может в массовом масштабе открыть доступ в вузы способной молодежи из малообеспеченных семей, малых городов и сел, поскольку слабость их подготовки в средних учебных заведениях нивелирует для многих из них преимущества ЕГЭ при поступлении в вузы.

В целом за массовыми суждениями относительно ситуации в российском образовании четко просматривается один факт – те, кто относится к наиболее высокоресурсным группам, оценивают происходящие реформы и возможные изменения более оптимистично, нежели те, кто исключен из доступа к качественному образованию, поскольку все недостатки реформ они могут компенсировать за счет собственных ресурсов. По мнению россиян, задачу подготовки талантливой молодежи, способной обеспечить развитие России как конкурентоспособной на международной арене державы с развитой современной экономикой, реформа образования в нынешнем ее виде решить неспособна. Не будет работать эта реформа и на снижение уровня социальной напряженности, так как она не обеспечивает доступности качественного образования, т.е. реализации важной социокультурной нормы, существующей в общественном сознании.

Особое направление социальной политики – обеспечение населения жильем. Исследование показало: качество, размер, а следовательно, и стоимость жилья, находящегося в

собственности россиян, довольно низкие. При этом около 40% россиян либо не имеют отдельного жилья, либо имеют жилье менее 8 м² общей площади на человека, либо имеют в собственности неблагоустроенный сельский дом. И лишь четверть россиян имеют относительно благополучную жилищную ситуацию. Тем не менее, поскольку это общая для большинства россиян проблема, к которой они в массе своей «притерпелись», лишь 15—16% населения ощущают выраженную потребность изменить имеющуюся у них жилищную ситуацию.

Реализуемая ныне жилищная политика ориентирована на решение жилищных проблем той части наиболее благополучных россиян, которые пока еще не решили свой жилищный вопрос. Сделать это предполагается через содействие развитию рынка жилья и повышение доступности приобретения жилья с помощью ипотечных кредитов. Но доля тех, кто хочет и способен сегодня решить свою жилищную проблему с помощью ипотеки, составляет не более 8% населения.

В этих условиях не удивительно, что среди россиян доминирует установка на сохранение права на получение бесплатного жилья хотя бы для некоторых категорий населения. Это противоречит новому Жилищному кодексу и Федеральной целевой программе «Жилище», так как выделенные в них льготные группы нуждающихся в решении жилищного вопроса за счет государства не совпадают с теми группами, которые выделяются в общественном мнении россиян.

Все это заставляет предполагать, что жилищная проблема, традиционно стоящая в России достаточно остро, в будущем только обострится. Если учесть, что согласно Жилищному кодексу на собственников жилья перекладывается еще и капитальный ремонт зданий, то, в условиях нехватки у россиян свободных денежных средств и изношенности значительной части жилищного фонда можно ожидать дальнейшей поляризации жилищной обеспеченности россиян и появления своеобразных «гетто». Это дополнительно усугубит и без того непростую ситуацию в жилищной сфере и может стать дополнительным фактором роста социальной напряженности.

В целом исследование показало, что проводимая реформа ЖКХ, и в частности системы оплаты жилищно-коммунальных услуг, воспринимается населением негативно.

Сегодня, по мнению россиян, эта реформа не решает главных проблем, существующих во взаимоотношениях между гражданами и службами жилищно-коммунального хозяйства, и не повышает качества жилищно-коммунального обслуживания. Как показало исследование, она будет способствовать дальнейшему обеднению наиболее уязвимых и социально незащищенных групп населения, лишению их одного из важнейших условий существования — жилья. Причем это произойдет в условиях, когда четверть населения итак не имеет собственного отдельного жилья.

Проведенное исследование еще раз зафиксировало: ценности семьи и детей являются очень значимыми для подавляющего большинства россиян, и большинство из них своими семьями в целом довольно. Однако немалая часть россиян в повседневной жизни сталкиваются с серьезными трудностями и проблемами в семейной жизни и в воспитании детей, связанными во многом с недостатками реализуемой семейной и демографической политики. При этом основную ответственность по социальной поддержке семьи и детей россияне склонны возлагать на государственные органы власти. И хотя наши сограждане приветствуют поворот властных структур к этим проблемам в период президентства В. Путина, все же они оценивают весьма критично ситуацию с детскими дошкольными учреждениями, которая, на их взгляд, в последнее время заметно ухудшилась. Особенно остро эта проблема стоит в мегаполисах.

Предложенная Президентом РФ программа помощи семьям с детьми, судя по многим выявленным в ходе настоящего исследования особенностям этих семей, может в случае ее адекватной реализации улучшить демографическую ситуацию в России. Во всяком случае, те «болевые точки», которые выявились в ходе исследования в сфере государственной социальной политики и положения в семьях с детьми, и приоритеты, обозначенные Президентом РФ, практически совпадают. Единственным значимым различием является ситуация в

сфере детских учреждений, которая, особенно в крупных городах и в семьях с высшим образованием родителей, воспринимается очень болезненно. При этом россияне ждут адекватных мер по улучшению ситуации в этой сфере от центральных органов власти, хотя сама она (и обоснованно) полностью делегировала соответствующие полномочия региональным и местным властям. Очевидно, при этом россияне полагают, что федеральные органы власти должны не столько решать за местные власти соответствующие проблемы, сколько заставить их выполнять свои прямые обязанности в этой стратегически значимой для страны области социальной политики.

В целом следует констатировать: проведенное исследование продемонстрировало, что в России появились массовые слои населения, способные в благоприятных социально-экономических условиях к самостоятельному решению своих насущных проблем. Но в целом системной политики реформ социальной сферы, охватывающей все категории населения, не просматривается, как и не осуществляется в данной сфере эффективного администрирования. Действительно, вряд ли признаком такого администрирования можно считать одновременное начало сразу нескольких реформ, каждая из которых означает для большинства населения рост расходов на базовые социальные потребности. И это в условиях, когда почти две трети населения и без того с трудом «сводят концы с концами».

Поэтому не случайно начатые национальные проекты, как и другие реформы, направленные на решение действительно важных социальных проблем, пока у населения вызывают лишь настороженность. Одна из главных причин этого – опасения «компанейщины», разового выделения больших финансовых средств на решение каких-то крупномасштабных задач или поддержку отдельных групп населения с последующим снятием с государства всякой ответственности за дальнейшее эффективное функционирование институтов социальной сферы.

